

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2022. Том 20, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая лингвистика

- Иванов А. В.* Фонетическая терминология М. В. Ломоносова в немецких переводах (на материале «Российской грамматики» и ее немецкого перевода) 5
- Бочкарев А. Е.* Проезжая через Нижний: Нижегородский текст (опыт реконструкции) 19
- Ван Чжицян, Дашинимаева П. П.* Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации? 29
- Харабаева В. И.* Эталоны сравнения с глаголами лексико-семантической группы отрицательного воздействия на объект в языке саха 41
- Доан Тхук Ань.* Системы воинских званий в Вооруженных силах РФ и Вьетнамской народной армии: структурно-семантические сходства и различия 49

Прикладная лингвистика

- Коришунов Д. С.* Особенности применения статистических мер в задачах выделения китайских иероглифических биграмм 64
- Штерн Е. Н., Савостьянов А. Н., Лебедин Д. А.* Деятельностная теория и теория языкового сознания П. Я. Гальперина: результаты ЭЭГ исследования в перспективе обучения иностранным языкам с помощью ИКТ 81
- Кирина М. А.* Сравнение тематических моделей на основе LDA, STM и NMF для качественного анализа русской художественной прозы малой формы 93

Психолингвистика. Концептуальные исследования языка и речи

<i>Каменева В. А., Рабкина Н. В., Потапова Н. В., Морозова И. С.</i> Влияние семиотического типа стимулов на извлечение информации из языкового сознания	110
<i>Соломоновская А. Л.</i> Метафорическая концептуализация перевода и переводчика в пара- и метатекстах: «мертвые» и «живые» метафоры	126
<i>Савина Е. С.</i> Взаимодействие специального и общелитературного значений французских юридических терминов и культурных концептов как средство авторской характеристики персонажей в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» (“À la recherche du temps perdu”)	140
Информация для авторов	153

VESTNIK

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2022. Volume 20, № 2

CONTENTS

Theoretical Linguistics

- Ivanov, A. V. M. V. Lomonosov's Phonetic Terminology in German Translations (Exemplified by the Material of "Russian Grammar" and Its German Translation)* 5
- Bochkarev, A. E. Passing through Nizhny: Nizhny Novgorod Text (Essay-Reconstruction Approach)* 19
- Wang Zhiqiang, Dashinimaeva, P. P. Frame, Gestalt and Image: Equivalence or Contiguity of Categorization?* 29
- Kharabaeva, V. I. Standard Comparison References for Verbs Meaning Negative Impact on the Object in the Yakut Language and Literature* 41
- Doan Thuc Anh. Systems of Military Ranks in the Armed Forces of the Russian Federation and Vietnamese National Army* 49

Applied Linguistics

- Korshunov, D. S. Distinctive Features of Association Measures Applied to Chinese Character Bigram Extraction Tasks* 64
- Shtern, E. N., Savostyanov, A. N., Lebedkin, D. A. P. Ya. Galperin's Activity Theory and Language Consciousness Theory: Results of EEG-Based Research with Regard to ICT-Assisted Foreign Language* 81
- Kirina, M. A. A Comparison of Topic Models Based on LDA, STM and NMF for Qualitative Studies of Russian Short Prose* 93

Psycholinguistics and Conceptual Studies

<i>Kameneva, V. A., Rabkina, N. V., Potapova, N. S., Morozova, I. S.</i> The Influence of the Semiotic Type of Stimuli on the Extraction of Information from Language Consciousness	110
<i>Solomonovskaya, A. L.</i> Metaphoric Conceptualization of Translation and Translator in Para- and Metatexts: “dead” and “live” Metaphors	126
<i>Savina, E. S.</i> Interaction between Special and General Meaning of French Legal Terms and Cultural Concepts as a Means of Social Characterization in Marcel Proust’s Novel “À la recherche du temps perdu”	140
Instructions to Contributors	153

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)

Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)

Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)

Secretary Darya A. Savostyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya

PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),

Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),

Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),

PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 81'374; 81'342

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-5-18

Фонетическая терминология М. В. Ломоносова в немецких переводах (на материале «Российской грамматики» и ее немецкого перевода) *

Андрей Владимирович Иванов

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н. А. Добролюбова

Нижний Новгород, Россия

aivan@lunn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

Аннотация

Статья посвящена изучению разделов «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, в которых описывается фонетический строй русского языка, включая сегментный и супraseгментный уровни, и соответствующих разделов в немецком переводе этой грамматики, выполненном Иоганном Ставенхагеном в 1764 г. Основной целью изучения этих текстовых источников является отбор фонетической терминологии, используемой Ломоносовым, и ее сопоставление в структурно-семантическом аспекте с немецкой терминологией в целях установления соответствия предложенных Ставенхагеном переводческих решений авторским интенциям в терминологической сфере. Актуальность работы определяется тем, что в настоящее время практически отсутствуют исследования сопоставительного характера, посвященные изучению терминологии и метаязыка параллельных текстов грамматики Ломоносова и ее перевода на немецкий язык. В фокусе интереса отечественных лингвистов оказывается прежде всего оригинальный русский текст, изданный в 1755 г., описанию и анализу которого посвящено большое количество публикаций, а также историко-лингвистический аспект создания немецкой версии грамматики Ломоносова. Основными методами исследования выступают методы структурного и семантического анализа лексики, методы дефиниционного и сравнительно-сопоставительного анализа. В ходе исследования отобранной русской лексики выявляются пять тематически различных терминологических групп: 1) термины, характеризующие супraseгментный уровень высказывания (интонация и просодия); 2) термины, номинирующие органы артикуляции; 3) термины, используемые для классификации гласных и согласных звуков; 4) термины графики и орфографии; 5) единицы членения речи. Основную ее часть формируют терминологические единицы, которые встречаются в ранее опубликованных грамматических трактатах. Меньшая ее часть представляет собой авторскую терминологию, введенную в научный обиход самим Ломоносовым. Ставенхаген при переводе «Российской грамматики», как правило, прибегал к буквальному переводу фонетических терминов, используемых Ломоносовым, и в некоторых случаях к описательному способу передачи семантики отдельных русских терминов, сообразуясь с нормами немецкого языка своего времени. Сопоставительный анализ терминов позволяет выявить в русской и немецкой фонетических терминологиях ряд орфографических и морфологических дублетов, причиной использования которых явилось стремление как автора, так и переводчика сделать текст грамматики более понятным читателю.

Ключевые слова

«Российская грамматика», Ломоносов, «Rußische Grammatick», Ставенхаген, фонетическая терминология, немецкий перевод, сопоставительный анализ

Для цитирования

Иванов А. В. Фонетическая терминология М. В. Ломоносова в немецких переводах (на материале «Российской грамматики» и ее немецкого перевода) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 5–18. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-5-18

* Статья подготовлена по материалам доклада, сделанного на Всероссийской научной конференции «Развитие научного и художественного перевода и литературы народов России: от Ломоносова до наших дней», посвященной 310-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, прошедшей в рамках Года науки и технологий в России (Архангельск, САФУ, 18–20 ноября 2021 г.).

M. V. Lomonosov's Phonetic Terminology in German Translations (Exemplified by the Material of "Russian Grammar" and Its German Translation)

Andrey V. Ivanov

Nizhny Novgorod Linguistics University
Nizhny Novgorod, Russian Federation
aivan@lunn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

Abstract

The article concerns the study of M. V. Lomonosov's "Russian Grammar" sections which describe the phonetic structure of the Russian language, including segmental and suprasegmental levels, as well as the corresponding paragraphs in the German translation of this grammar made by Johann Stavenhagen in 1764. The main purpose of studying these text sources is selection of phonetic terminology used by Lomonosov and its comparison with German terminology in the structural and semantic perspective to establish conformity between Stavenhagen's translation solutions and the author's intentions in the terminological sphere. The relevance of the work is determined by the fact that at present there are practically no comparative studies devoted to the study of Lomonosov's grammar and its translation into German in terms of parallel text metalanguage. Russian linguists have mostly focused on the original Russian text published in 1755, plenty of publications being concerned with its description and analysis, as well as with the historical and linguistic aspect of the German version of Lomonosov's grammar design. The main research methods are those of vocabulary structural, semantic, definitional, and comparative types of analysis. While studying the selected Russian vocabulary, we have identified five thematically different terminological groups: 1) terms characterizing the suprasegmental level of utterance (intonation and prosody), 2) terms nominating articulation organs, 3) terms used to classify vowels and consonants, 4) terms of graphics and orthography, 5) units of articulation. Terminological units found in previous grammatical publications make up its main part. The author's terminology, introduced for scientific use by Lomonosov himself appear to be a smaller part of the selected vocabulary. When translating the "Russian Grammar", Stavenhagen primarily resorted to literal translation of phonetic terms employed by Lomonosov, and in some cases to a descriptive way of conveying the semantics of certain Russian terms in accordance with the norms of the German language of that time. A terminological comparative analysis allows identifying a number of orthographic and morphological doublets in the Russian and German phonetic terminological systems. The use of doublets agrees with the author's and translator's wish to make a grammar text more understandable to the reader.

Keywords

"Russian Grammar", Lomonosov, "Rußische Grammatick", Stavenhagen, phonetic terminology, German translation, comparative analysis

For citation

Ivanov, A. V. M. V. Lomonosov's Phonetic Terminology in German Translations (Exemplified by the Material of "Russian Grammar" and Its German Translation). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 5–18. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-5-18

Цель, задачи и методы исследования

Цель предпринятого исследования – выявление вклада «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, с одной стороны, в создание упорядоченного свода информации о фонетическом строе русского языка и в становление русской фонетической терминологии, с другой. Важное место занимает сопоставление русского оригинала Ломоносовской грамматики с ее немецким переводом, выполненным Иоганном Ставенхагеном с целью установления соответствия предложенных Ставенхагеном переводческих решений авторским интенциям в терминологической сфере.

Основной задачей исследования является тематизация отобранных из «Российской грамматики» методом сплошной выборки фонетических и орфографических терминов и их немецких эквивалентов из текста перевода Ставенхагена, структурный и семантический анализ русских и немецких терминологических номинаций в сопоставительном аспекте.

В качестве методов исследования использовались методы структурного и семантического описания и анализа лексики, методы дефиниционного и сравнительно-сопоставительного анализа.

1. Характеристика источников исследования

Источниками сравнительного исследования послужили издание «Российской грамматики» Ломоносова 1755 г. и выполненный архивариусом Российской академии наук Иоганном Ставенхагеном (Стафенгагеном) немецкий перевод этой грамматики, который был опубликован в 1764 г. Ставенхаген работал над переводом с января 1757 г. и, по-видимому, до осени 1763 г., когда перевод был сдан в набор. Книга напечатана в количестве 1 225 экземпляров, часть которых была приобретена немцами, живущими в России; значительная часть тиража отправлена в Германию [Научное наследство, 1948, с. 48; Grasshoff, Lehmann, 1968, S. 335]. Переводное издание сохранилось в удовлетворительном состоянии в университетской библиотеке Марбурга и стало доступно исследователям после опубликования его факсимильной версии в 1980 г. издательством «Otto Sagner Verlag» в серии «Specimina Philologiae Slavicae» (Band 27). Издатели не подвергают сомнению научно-теоретическую ценность грамматики, справедливо полагая, что она представляет собой первый упорядоченный свод грамматической и иной информации о русском языке. В перспективе они планировали издать дополнительный том, который включал бы статьи с результатами исследований научного наследия Ломоносова, поскольку этот русский ученый заслуживает, с их точки зрения, гораздо большего, чем просто одностороннее предисловие к переизданию немецкого перевода его грамматики [Freidhof, Scholz, 1980].

До середины XX в. считалось, что «Российская грамматика» Ломоносова была первой грамматикой русского языка, однако изыскания, предпринятые Б. А. Успенским, дали возможность сделать вывод о значимости доломоносовского периода отечественной русистики, ведущими представителями которого выступили В. Е. Адодуров, В. К. Тредиаковский и В. Н. Татищев. Работы этих ученых «подготовили почву для появления грамматики Ломоносова... в значительной степени предвосхитили последующую демократизацию русского литературного языка» [Успенский, 1975, с. 5].

Перевод Ломоносовской грамматики был не первым опытом, знакомившим немецкого читателя с грамматическим строем русского языка. В 1733 г. опубликован грамматический трактат Василия Адодурова «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache», а в 1745 г. увидела свет двуязычная «Teutsche Grammatica» Мартина Шванвица. Спустя 19 лет появился перевод «Rußische Grammatick» Ставенхагена, начато издание «Rußische Sprachlehre» Августа Людвиг Шлёцера, которое, однако, так и не увидело свет в полном виде из-за противодействия Ломоносова, открывшего, по замечанию С. К. Булича, «целый поход» как против этой грамматики вообще, так и против «наглого иноземца» в частности [Булич, 1904, с. II].

Перевод грамматики на немецкий язык осуществлялся под присмотром («смотрѣніемъ») автора, который сам делал редакторскую правку и передавал ее переводчику. Тем не менее, как отмечает В. Н. Макеева, перевод не избег погрешностей, и не по вине Ломоносова, который превосходно владел немецким языком. Она объясняет их причинами технического характера: Ставенхаген, по-видимому, передавал свой перевод в типографию частями [Макеева, 1961, с. 60], не всегда сопоставляя терминологию перевода с терминологией оригинала. Тем не менее, в целом немецкий перевод в содержательном отношении обнаруживает мало отличий от русского оригинала. Это позволяет сопоставить русский и немецкий тексты, в том числе и в аспекте перевода русской фонетической терминологии, которой пользовался Ломоносов.

2. Материал исследования и критерии отбора

Материалом исследования послужили:

1) 100 моноксемных и составных русских терминов фонетики, графики и орфографии, отобранных методом сплошной выборки. В состав анализируемой терминологии прежде всего включались номинации, которые и сейчас входят в терминосистему лингвистики, вне зависимости от того, каким терминологическим статусом они обладали в грамматике Ломоносова. Учитывалась также та авторская терминология и лексика, которая встречается в трудах последователей и продолжателей лингвистических традиций Ломоносова, но не прижилась в терминологии фонетики¹;

2) 111 моноксемных и составных немецких терминов фонетики, графики и орфографии, взятых из текста «*Rußische Grammatick*» в переводе Ставенхагена. В это число не вошли немецкоязычные квазитерминологические номинации, созданные на основе переводческого перефразирования, т. е. экспликации семантики терминов, предложенных Ломоносовым, при которой русская терминологическая единица заменяется определением описательного характера, эксплицирующим ее значение, объясняющим его на переводящем (немецком) языке (далее – ПЯ). Эта русская терминология также является объектом предметного анализа, однако в разделах статьи, освещающих специфику ее перевода на немецкий язык, приходится говорить лишь об экспликации как о лексико-грамматической переводческой трансформации.

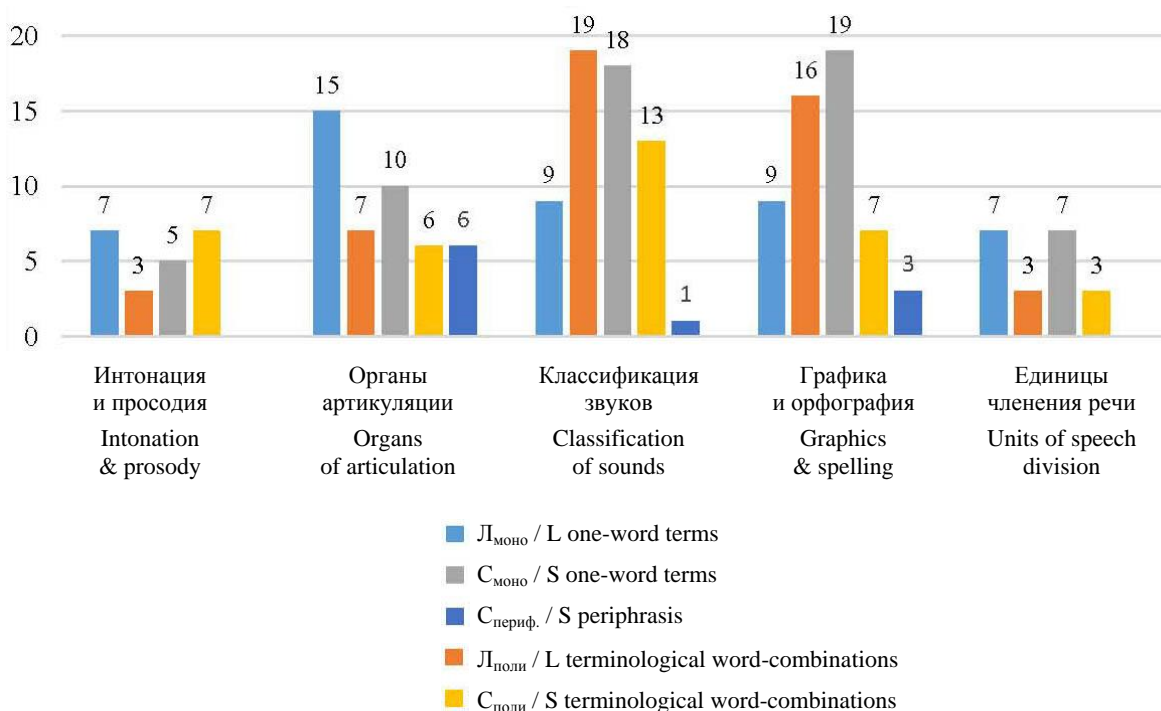
Что касается «экзотической» терминологии, то она в немецком переводе практически не встречается. Упомянутая в сноске губная согласная у Ставенхагена передается вполне терминологичным словосочетанием *der stumme Buchstabe*, но сопровождается пояснением: «...welcher in Rußland gebraucht wird, die Pferde stille stehen zu machen, oder aufzuhalten» [Ломоносов, 1764, С. 10]. Можно спорить об адекватности такого перевода, если учесть, что термин *stummer Laut* сейчас трактуется в фонетике как (1) сохраняющийся в силу традиции в орфографии, но не произносимый, звук, и (2) глухой смычный согласный (*consonans muta*), не произносимый без опоры на гласную [Bußmann, 2002, S. 454; Ахманова, 2004, с. 260], но в терминологичности этому варианту перевода отказать трудно.

Различие в количестве русских и немецких терминов не следует в нашем случае связывать с произволом переводчика; оно объясняется тем, что в отдельных случаях одному русскому термину могут соответствовать два и более немецких термина, и наоборот.

Полилексемные термины не членились на составные элементы, что, несомненно, привело бы лишь к искусственному увеличению общего количества терминов. Характеризуя корпус по частеречному критерию, мы ограничились общей констатацией, что подавляющее большинство однословных терминов относится к разряду существительных. При этом группа моноксемных русских терминов насчитывает 52 единицы, немецких – 64, группа составных терминов включает 48 русских и 37 немецких номинаций, 10 немецких терминов образованы перифрастическим способом, т. е. путем экспликации семантики русского термина.

Ниже приводится диаграмма, наглядно показывающая количественное соотношение исследуемой терминологии, которой пользовались Ломоносов (Л) и Ставенхаген (С), в аспекте ее структуры и с распределением ее по тематическим группам.

¹ Например, гласные острые, тупые, дебелие, безгласные, двугласные явственные и потаенные и т. п. Значительная часть этой лексики не относилась к разряду конвенциональных терминологических номинаций и включала, в числе прочего, терминологические экзотизмы вроде губной согласной, «которую для остановления конскаго произносить» [Ломоносов, 1755, с. 17].

Анализ структуры терминов
в «Российской грамматике» Ломоносова и «Rußische Grammatik» Ставенхагена
Analysis of the term structure
in Lomonosov's "Russian Grammar" and in Stavenhagen's "Rußische Grammatik"

Объединение терминологии фонетики, графики и орфографии в общий список обусловлено смешением во времена Ломоносова некоторых собственно фонетических сущностей с отображающими их графическими знаками. В частности, тогда не проводилось еще строгого различия между звуком и буквой, что зачастую приводило к неразличению этих понятий. Несмотря на относительную оформленность учения о просодии с опорой на античные образцы, интонационно-просодические характеристики речи описывались непоследовательно. К примеру, не делалось различия между ударением в фонетическом аспекте и ударением по отношению к различным единицам языка, отсутствовало четкое отграничение ударения как элемента просодии от диакритических знаков, обозначавших различные его виды [Иванов, 2021, с. 53]. В силу смешения во времена Ломоносова понятий письменного языка и звучащей речи не сложилась и номенклатура терминологических единиц, обслуживающих соответствующие понятийные сферы.

3. Результаты и обсуждение

Недостаточная разработанность, отсутствие внутри- и межъязыковой гармонизации и унификации понятийного и терминологического аппарата лингвистики, свойственные европейскому языкознанию описываемого периода, не могли не отразиться на переводах грамматических трактатов, включая как более, так и менее удачные варианты передачи встречающихся в них терминов средствами ПЯ.

Представляется поэтому логичным описать и обсудить результаты сравнительно-сопоставительного анализа отобранной лексики, сообразуясь с тематическим принципом ее классификации. Практически весь лексический материал за некоторым исключением может быть распределен по пяти группам: 1) термины, характеризующие супrasegmentный уровень

высказывания (интонация и просодия); 2) термины, номинирующие органы артикуляции; 3) термины, используемые для классификации гласных и согласных звуков; 4) термины графики и орфографии; 5) единицы членения речи. Шестую (факультативную) группу формирует нетематизированная лексика, которая имеет опосредованное отношение к фонетике и графике; она не может быть отнесена к какой-либо из выделенных выше групп и не является здесь объектом обсуждения и анализа.

3.1. Интонационно-просодические характеристики высказывания

В эту группу лексики входят 10 терминологических единиц, обозначающих интонационно-просодические и иные произносительные характеристики высказывания. Модуляции голосового тона описаны Ломоносовым как совокупность так называемых «отмен» [Ломоносов, 1755, с. 13], т. е. изменений или модификаций (в терминологии Ставенхагена – «Veränderungen»). К ним относятся *выходка*, *напряженіе*, *протяженіе* и *образование*, которые последовательно переводятся Ставенхагеном как *Erhöhung* (Elevatio), *Druck oder Spannung des Tons* (Intensio), *Ausdehnung des Tons* (Extensio), *Bildung des Lauts* (Repraesentatio) [Ломоносов, 1764, S. 4]. Каждый немецкий термин сопровождается латинским эквивалентом в целях соотнесения его с широко применявшейся в то время греко-латинской терминологией, созданием которой лингвисты обязаны античным авторам – Исократу (elevatio vocis), Квинтилиану (intensio), Цицерону (intentio vocis) и др.

Выходка в трактовке Ломоносова обозначает модуляции голосового тона, его «возношеніе» и «опущеніе» (в современной немецкой терминологии – Tonhöhe), поэтому эквиваленты *Erhöhung* и *elevatio* только частично передают семантику русского термина. Отсутствующий элемент в его семантике восполняется благодаря толкованию термина *удареніе*, под которым Ломоносов понимает «разность возвышенія и униженія, когда въ реченіи одинъ складъ или два выше другихъ голосомъ восходятъ» [Ломоносов, 1755, с. 21]. Терминологическое сочетание *униженіе голоса* Ставенхаген переводит в этом толковании как *Tiefe der Stimme*, что с современной точки зрения точнее можно было бы передать терминами *Stimmensenkung* и *Tonsenkung*.

Термин *напряженіе* характеризуется «громкостію и тихостію» голоса («Stärke und Schwäche») и соотносится с современными фонетическими терминами *интенсивность*, *напряжение* и *сила* (в немецкой терминологии – Intensität, Spannung, Stärke).

Термин *протяженіе*, который «долготою и краткостію... различія въ голосѣ производить» (у Ставенхагена: «Ausdehnung [der Stimme] durch ihre Länge oder Kürze»), позволяет охарактеризовать высказывание в аспекте его временной протяженности, иначе говоря, соотнести этот термин Ломоносова с количеством и длительностью (Quantität и Dauer).

Семантическая аморфность и неясность термина *образование* применительно к голосу устраняется благодаря следующему пояснению Ломоносова: «Образованіе состоитъ въ отмѣнахъ гóлоса, которыя отъ повышенія, напряженія и протяженія не зависятъ. Такія измѣненія примѣчаемъ въ сиповатомъ, звонкомъ, тупомъ и въ другихъ голосахъ разныхъ» [Там же, с. 13]. У Ставенхагена читаем: «Die Bildung des Lauts besteht in der Verschiedenheit der Stimme, welche jedoch weder von der Erhöhung, noch der Spannung des Tons, noch auch von der Ausdehnung derselben abhänget. Eine solche Verschiedenheit bemercken wir in der heiferen, hellklingenden, dumpfigen und verschiedenen andern Arten von Stimmen» [Ломоносов, 1764, S. 5]. Далее Ломоносов расширяет толкование этого термина, включая в его семантику значение «манера говорения или произнесения»: «...слóва человѣческаго выговоръ, какъ видъ онаго, которымъ голосъ различно измѣняется, и съ голосами разныхъ животныхъ и бездушныхъ вещей себя въ умѣ представляетъ» [Ломоносов, 1755, с. 14]. Ставенхаген переводит это значение как «Ausſprache der Buchſtaben, als eine Art derselben, wodurch die Stimme auf verschiedene Weise verändert wird...» [Ломоносов, 1764, S. 6]. Учитывая предложенное Ломоносовым толкование, термин *образование* можно соотнести с термином *тембр голоса* (совр. нем. Stimmklangfarbe).

В состав описываемой группы терминологических номинаций помимо упомянутых терминов включены также *звон* (Ton²) в значении ‘звучание’ (Laut, Lautung), *пренесеніе ударенія* (*Verfetzung des Accents*) в значении ‘перемещение ударения (в слове)’ и *удареніе* (словесное ударение). Для последнего термина в переводе Ставенхагена обнаруживаются три эквивалента: *Accent*, *Nachdruck* и *Stoß*. Самому Ломоносову был хорошо известен заимствованный термин *акцент*, который он употреблял как минимум в двух значениях: ‘ударение в слове’ и ‘диакритический надстрочный знак, обозначающий ударение’ [Иванов, Иванова, 2021], однако предпочтение он отдавал всё же исконному термину.

Все три немецких термина употребляются Ставенхагеном в одном значении и могут рассматриваться как синонимы; ср.: «Durch den Unterscheid der Höhe und Tiefe der Stimme einsteht der Stoß oder Accent; da in einem Worte eine oder zwey Sylben eine höhere Stimme erhalten» [Ломоносов, 1764, С. 16]; «Damit man die Sylben, die mit einem Nachdruck oder Accent ausgesprochen werden von denen unterscheiden möge, die keinen Accent haben, so setzen die Griechen auf ihre Wörter Striche oder andere Zeichen...» [Ibid., С. 17]. Наличие синонимов в переводе, по мнению Григорьевой, объясняется тем, что Ставенхаген «ориентировался на немецкого читателя и таким образом стремился облегчить понимание не только самого текста, но и содержащейся в нем терминологии с учетом ее еще не устоявшегося характера» [Григорьева, 2014, с. 39].

3.2. Органы артикуляции

Эту группу образуют 22 русских термина различной структуры, которые именуют подвижные и неподвижные органы артикуляции (в терминологии Ломоносова – «части органическія»). Большая их часть с некоторыми модификациями вошла в современную терминосистему фонетики русского языка, поскольку названия элементов, формирующих артикуляционный аппарат, в основном взяты из анатомической терминологии. Практически все русские термины и их немецкие эквиваленты обладают идентичной структурой, поскольку Ставенхаген ожидаемо переводил их дословно. Ср.: *гортань* – *Kehle*, *зубы* – *Lippen*, *движеніе органовъ* – *Bewegung der Organe*, *зубы* – *Zähne*, *нёбо* – *Gaumen*, *положеніе органовъ* – *Stellung der Organe*, *органъ* – *Organ*, *стремление воздуха* – *Druck der Luft* (давление, создаваемое потоком воздуха в процессе звукообразования, поток воздуха; совр. нем. Luftdruck), *трясеніе* – *Zittern* (вибрация или дрожание язычка при произнесении язычкового «р»), *удареніе* – *Stoß* (ein schneller Nachdruck unferer organischen Theile) (разновидность движения частей рта или «крутое разведеніе частей органическіхъ», т. е. резкое выдыхание воздуха из гортани при произнесении заднеязычного «г»), *устроенные для выговору органы* – *zum Sprechen erschaffene Organe oder Werckzeuge* (совр. нем. Sprechorgane), *части рта внутреннія* – *innere Theile des Mundes* (органы артикуляции в задней части ротовой полости), *части рта переднія* – *äußere Theile des Mundes* (органы артикуляции в передней части ротовой полости), *языкъ* – *Zunge*, *язычекъ* – *Zäpflein* (совр. нем. Zäpfchen).

Семантику отдельных терминов Ломоносова Ставенхаген передавал описательно, трансформируя при этом структуру исходного русского предложения. По этой причине однословный переводной эквивалент термина с сохранением его частеречной принадлежности в тексте перевода зачастую отсутствует, а его семантика передается простыми или придаточными предложениями. Ср.: «Состояніе частей ротъ составляющихъ, въ произношеніи согласныхъ, есть *расположеніе* или *движеніе*...» [Ломоносов, 1755, с. 18]. У Ставенхагена читаем: «Bey der Aussprache der Mitlauter nimt der Mund zweyerley Stellungen an; nemlich *er wird* entweder nur *geöffnet*, oder *selbst beweget*...» [Ломоносов, 1764, С. 12]. «Разныя положенія всего рта,

² Термин *Ton* Ставенхаген использует также как эквивалент термину *выговор* в значении ‘произнесение’: «Bey Vorlesung eines Buchs aber, oder wenn man eine Rede hält, muß so viel möglich der eigene Ton eines jeden Buchstaben beybehalten werden» [Ломоносов, 1764, С. 62] при переводе Ломоносовского текста: «[Сіе произношеніе] въ чтеніи книгъ и въ предложеніи рѣчей изустныхъ къ точному выговору буквъ склоняется» [Ломоносов, 1755, с. 49].

а особливо *расширеніе, стисненіе, округленіе и протяженіе* производятъ разныя отѣны образовательныя...» [Ломоносов, 1755, с. 16]. У Ставенхагена: «Die verschiedene Stellung des Mundes, besonders *wenn wir denselben zusammen ziehen, breit oder rund machen, und weit auseinander dehnen*, verurfachet auch die Verschiedenheit der Töne...» [Lomonoſow, 1764, S. 9].

3.3. Классификация гласных и согласных звукотипов

В эту группу вошли 28 русских терминологических номинаций, в основном характеризующих гласные и согласные звукотипы по месту и по способу образования.

Как уже говорилось, во времена Ломоносова не проводилось строгого различия между буквой как письменным знаком и звуком, передаваемым этим знаком на письме, хотя Ломоносов, несомненно, отдавал себе отчет в том, что между буквой и звуком существует концептуальное различие. Отсюда возникали попытки связать буквы с положением органов артикуляции при произнесении соответствующих звуков: «Таковыя нераздѣлимые части слова изображаются по ихъ разности различными начертаніями, которыя называются по нашему *буквы*. Различность ихъ присходитъ от разности органовъ, отъ разнаго ихъ положенія и движенія» [Ломоносов, 1755, с. 15]. У Ставенхагена этот пассаж переведен так: «Diefe unzertrennlichen Theile eines Wortes, werden nach ihrer Verschiedenheit durch verschiedene Figuren abgebildet, und Buchstaben genennet. Ihr Unterscheid entsteht aus den mancherley Organen, und aus deren unterschiedenen Stellung und Bewegung» [Lomonoſow, 1764, S. 7–8]. По этой причине термин *буква* (*Buchstabe*) входит как в описываемую группу лексики, так и в группу терминов графики и орфографии.

Терминам [*буква*] *гласная* и *самогласная*, последний из которых является очевидной калькой немецкого термина *Selbstlaut*, у Ставенхагена соответствует целый синонимический ряд: *lauter Buchstabe, Lautbuchstabe, Selbstlaut, Vocal*. Эти термины не демонстрируют каких бы то ни было различий в семантике и свидетельствуют разве что об извечной склонности немецких лингвистов к чистоте языка, обусловившей обязательное изобретение синонима из своегоязычного материала к словам греко-латинского происхождения. Это же замечание касается и терминов *Consonant* и *Mitlauter* (структурная калька) как эквивалентов, сопоставляемых русскому термину *буква согласная*.

Гласные Ломоносов делит на монофтонги, дифтонги и трифтонги, причем все они, по его мнению, свойственны вокализму русского языка. Монофтонги он классифицирует в зависимости от направления потока воздуха в ротовой полости к тому или иному органу артикуляции в процессе произнесения гласного: *гласная дебелая* (= *гласная тупая*), *гласная острая* (= *гласная тонкая*). Язык Ломоносов вообще не рассматривает как подвижный артикуляционный орган, положение которого могло бы определять специфику произнесения гласных звуков. Ставенхаген так переводит эти термины: *dicker Vocal, scharfer Vocal, dünner Vocal, stumpfer Vocal* [Ibid., S. 9]. Критерий классификации монофтонгов у Ломоносова носит, как видим, размытый характер: «Въ продолженіе гóлоса ударяетъ воздухъ больше въ переднія части рта къ губамъ; или во внутреннія къ гортани. Отъ перваго происходятъ гласныя тонкія или острыя, отъ послѣднихъ дебелыя или тупыя» [Ломоносов, 1755, с. 16].

К дифтонгам, которые Ломоносов называет *двугласными* и *двоегласными* (устаревшая терминология, относимая к орфографическим дублетам и ныне обозначаемая в лингвистических словарях с помощью астериска), он относит сочетания гласных с кратким «й». В зависимости от места, которое краткий «й» занимает в этом сочетании, двугласные, в его представлении, делятся на *потаенные* и *явственные*. К первым он относит сочетания, в которых краткий «й» предшествует гласной. Иначе говоря, речь идет о йотированных гласных типа «я», «ю» и т. п. В сочетаниях второго типа краткий «й» следует за гласной, это позволяет говорить о том, что речь здесь идет о квазидифтонгических сочетаниях звуков или ложных, но не истинных дифтонгах (например, «ай», «ой» и др.).

Ставенхаген передает упомянутые терминологические наименования следующим образом. Для дифтонгов он использует синонимы *Doppellaut* (diphthongus), *Zweylaut*, *doppelte*

fehflautende Buchstaben. Если первые два термина традиционно используются для передачи русского термина *дифтонг*, то последний носит экспликативный (и при этом неточный) характер, поскольку к «удвоенным гласным буквам» могут быть отнесены сочетания любых двух гласных, в том числе и случаи простого удвоения гласных. Ср. с его же переводом термина *буква усугубленная*, т. е. удвоенная: «Buchstabe, der doppelt auf einen andern folget» [Ломоносов, 1764, S. 64]. Типы доегласных Ставенхаген переводит соответственно как *undeutlicher Zweylaut (Doppellaut)* и *deutlicher Zweylaut (Doppellaut)*, учитывая фактическое наличие или отсутствие краткого «й» в составе сочетаний гласных.

К трифтонгам или *троегласным (Dreylaut)* Ломоносов относит сочетания гласных, образуемые «отъ потаенныхъ доегласныхъ... когда имъ слѣдуетъ Й краткое...» [Ломоносов, 1755, с. 45].

В сфере русского консонантизма Ломоносов выделяет группы согласных, используя классификационный критерий «разделение по органамъ» («Eintheilung der Buchstaben nach unfern Organen»): *губные (Lippen-Buchstaben. Labiales)*, *язычные (Zungen-Buchstaben. Linguales)*, *зубные (Zahn-Buchstaben. Dentales)*, *поднебные (Gaumen-Buchstaben. Litterae Palati)*, *горловые (Kehl-Buchstaben. Litt. Gutturales)*. Ставенхаген дает дословный перевод этих терминов, также сопровождая его латинскими эквивалентами.

По критерию твердости / мягкости Ломоносов делит согласные на три группы: *согласные мягкие* (с орфографическим вариантом: *согласные мяжкие*), *согласные твердые* и *согласные плавные*, которые «для того плавными названы, что послѣ твердыхъ плавнѣе произносятся, нежели другія...» [Там же, с. 45]. Критерий выделения последней группы носит несколько расплывчатый характер, однако понятно, что в нее традиционно входят сонорные, а также согласный «в». Ставенхаген предлагает следующие варианты перевода: 1) *weiche Mitlauter*, 2) *harte Mitlauter*, 3) *fließende Mitlauter, Halblauter*. Последние два термина используются для номинации плавных согласных (*liquidae*). Сомнительным вариантом перевода с современной точки зрения представляется номинация *Halblauter*, поскольку она является калькой с лат. *semivocalis*, используемой для обозначения полугласных, однако ее появление в качестве синонима вполне объяснимо, если учесть такое качество плавных, как звучность. Это качество традиционно отмечалось еще в доломоносовских грамматиках. В частности, у Копиевича находим: «Полугласнаа есть таже гласъ имать гласнѣишыи...» [Kopiewitz, 1700]. Эта номинация была частотна в то время в составе словосочетания «нѣмыа и полугласныа», являющегося переводом латинского «*muta cum liquidis*».

Кроме того, в состав согласных букв Ломоносов включает группу *измѣняемыхъ* согласных (*veränderliche Mitlauter*), которые называются так «за тѣмъ что въ произведеніяхъ, и спряженіяхъ изменѣніямъ подвержены: *Богъ, Божество, божусь...*» [Ломоносов, 1755, с. 45]. Под изменяемыми Ломоносов имеет в виду чередующиеся согласные (в однокоренных словах с историческим чередованием в корне), которые на современный немецкий язык переводятся как *alternierende (wechselnde) Laute*.

Последнюю группу согласных формируют буквы *безгласные* или *непроизносимые*, т. е. не имеющие звукового выражения («ъ», «ь»). Ставенхаген переводит их название описательно, сохраняя семантику русского термина за счет использования предложной группы: *Buchstabe ohne Laut*. Гипотетический, и в структурном отношении более простой, вариант перевода **lautloser Buchstabe* он не использует. Этот термин вошел в употребление задолго до Ломоносова и встречается в 1591 г. в львовском издании «Адельфотиса» [Horbatsch, 1973, S. 9], в 1638 г. и позднее у Смотрицкого [Horbatsch, 1977, S. 2].

3.4. Термины графики и орфографии

Эта группа включает 25 терминов, номинирующих знаки препинания, диакритические знаки и др., которые Ломоносов делит на две группы: «Кромѣ буквъ, въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ, ставятъ при нихъ разные знаки, въ строкахъ и надъ строками: и для того первые называются *строчными*, другіе *надстрочными знаками*» [Ломоносов, 1755, с. 51].

Эту терминологию Ставенхаген передает как *nebenstehende Zeichen* и *überstehende Zeichen* [Ломоносов, 1764, S. 65–66]. В группу строчных знаков включаются *запятая* (*Strichlein comma*), *точка* (*Punct punctum*), *две точки* (*Doppelpunct colon*), *точка с запятой* (*Strichpunct semicolon*), *вопросительный знак* (*Frage-Zeichen signum interrogandi*), *удивительный знак* (*Verwunderungs-Zeichen signum exclamandi*), *единительной или единитный знак* (*Bindezeichen, Verbindungs-Zeichen signum diaeroeseos*), *вмѣстительной знак* (*Einschließungszeichen, das einschließende Zeichen parenthesis*). Некоторые термины, как видим, имеют морфологические дублиеты, для которых характерно соотношение с одним и тем же понятием, тождество корня, вариативность словообразовательных и / или словоизменительных аффиксов [Иванов, 2004, с. 229]. Дефис у Ломоносова может называться *знаком единительным* или *единитным*, и для обоих терминов Ставенхаген подбирает различные варианты перевода. В то же время *вмѣстительной знак*, который обозначает скобки круглые или квадратные, выделяющие парентезу, Ломоносов называет одним термином, а Ставенхаген предлагает два варианта перевода, которые являются морфологическими дублиетами. Каждый строчной знак переводчик сопровождает латинским или латинизированным греческим термином, следуя традиции своего времени.

К числу диакритических знаков Ломоносов относит *скобку*, которую ставят «надъ Й краткимъ для различенія отъ И простаго» («*Häckgen*³ über й»), называемую сейчас *дужкой*, знаки ударения или черты «для показанія разной силы» («*kein Strich, zum Zeichen, wo der Accent hin kommen muß*»), *титла* (*Titla*), используемые в церковной печати для сокращенного написания слов. Номинацию *Titla* Ставенхаген передает путем транслитерации русского слова *титла* во мн. ч., не приводя немецкого эквивалента *Titel* (< лат. *titulus*), имеющего значение ‘*Schriftzeichen, Satzzeichen; Diakritikon*’, однако приводит указание на язык-источник: «*Zeichen... die... im Rußischen Titla, heißen*» [Ломоносов, 1764, S. 18].

Отдельную группу терминологических номинаций Ломоносов использует для обозначения удвоенного («усугубленного») написания букв, их опущения («выключенія»), случаев переноса, слитного или раздельного написания слов, употребления прописных и строчных букв, «стеченія» или «соединенія» букв. К таковым терминам можно отнести *усугубленіе буквъ* (*Verdoppelung der Buchstaben*), *соединеніе буквъ* в значении ‘лигатура’, ‘контракция’ (*Zusammenziehung der Buchstaben* или *contractio*), *выключеніе буквъ* (*складовъ*) в значении ‘опущение’, ‘элизия’ («*Auslassung einzelner Buchstaben oder auch ganzer Sylben*»), *сокращеніе реченій* в значении ‘аббревиация’ («*Abkürzung der Wörter (Abbreviatio)*») и др.

Инициальные буквы Ломоносов именует двояко: *буква въ началъ* (*Anfangsbuchstabe*), *буква прописная* (у Ставенхагена встречаются два варианта перевода: *Anfangsbuchstabe*, *großer Buchstabe*).

Некоторые термины Ставенхаген переводит описательно, не подбирая к ним специального одно-однозначного эквивалента. К таковым, к примеру, относятся *буква усугубленная*, т. е. удвоенная (у Ставенхагена: «*Buchstaben, die doppelt auf ein ander folgen*» [Ibid., S. 64]), *стеченіе* (*двухъ буквъ*) (у Ставенхагена: «*zwey Buchstaben, die beyfammen stehen*» [Ibid., S. 78]).

3.5. Единицы членения речи

Эта группа включает 10 терминов, которые описывают различные единицы членения речи, начиная от отдельного звука, который Ломоносов ассоциирует с буквой и полагает *нераздѣлимою частью слова* (*unzertrennlicher Theil eines Worts*), и заканчивая *періодомъ*

³ Именованіе *Häckgen* используется в качестве орфографического варианта слова *Häckchen* ‘крючок’ и не является терминологической инновацией Ставенхагена. Оно, к примеру, встречается в XVIII в. в сходном значении применительно к нотным записям в «*Musicalisches Lexicon, oder Musicalische Bibliothec*» Иоганна Готфрида Вальтера (статья «*Accento*»): «*Die Frantzosen [...] pflegen solche [Accenti ...] mit einem kleinen Häckgen, oder mit ganz kleinen und subtilen Nötgen (damit man die Manier von der Substantial-Note desto besser unterscheiden möge) [...] zu exprimiren*» [Walther, 1732, S. 5].

(в терминологии Ставенхагена – *Satz*) и его членами (*kleinere Sätze*). Между этими единицами располагаются *слоги* или *склады* (*Sylben*), а также *реченія*.

В грамматике Ломоносова этот последний термин обозначает единицу, занимающую промежуточное положение между слогом и словом либо приравненную к слогу или слову. Если сейчас под речением понимается словосочетание, «обладающее внутренней организованностью (цельностью) лексического, грамматического или стилистического характера» [Ахманова, 2004, с. 385], то Ломоносов считает речением «знаменательную часть слова». Логично было бы предположить, что под нею Ломоносов понимает корневую морфему, поскольку именно в ней заключено основное лексическое значение слова. Так, он пишет: «Произношеніе гóлоса въ одномъ складѣ припрягается другимъ складамъ. Таковыя сложенія производятъ оныя многоразличныя отмѣны, изъ которыхъ раждаются знаменательныя части слóва, то есть *реченія*...» [Ломоносов, 1755, с. 20]. Однако далее он приводит в качестве примеров таких речений слова, которые состоят из разного количества слогов, имеющих различный морфемный статус (словообразовательный и словоизменительный): *зе-мля*, *дне-вно-ю*, *те-пло-то-ю*, *на-грѣ-ва-ет-ся*, и называет их речениями. В другом месте своей грамматики Ломоносов утверждает, что речения «иногда состоятъ изъ одной согласной буквы съ безгласною; что только въ сочиненіи съ другими реченіями быть можетъ, когда она съ послѣдующими или съ предъидущими въ одинъ слогъ сливается...» [Там же, с. 50]. В этом случае речь идет о предлогах или частицах, часто употреблявшихся на письме слитно со словами, к которым они относились (*можнóль*, *онажѣ*). Послеломоносовские грамматики уже концептуально не различали *слово* и *реченіе*; ср. у Барсова: «Реченіе или слово есть изображеніе голосомъ, а по тому <и> буквами, одной час<т>ной мысли, состоящее изъ одного или нѣсколькихъ слоговъ» [РГ, 1981, с. 63]. Ставенхаген в своем переводе более последователен и точен, исключая *реченіе* как термин, который заслуживал бы отдельного переводческого эквивалента. В его тексте эта сомнительная с точки зрения семантики номинация передается словом *Wort* 'слово': «Die Stimme verbindet die Aussprache einer Sylbe mit andern folgenden Sylben. Diefе Verbindung verurfacht die fo mannigfaltigen Veränderungen... aus welchen die bedeutende Theile der Sprache, das ist ganze Wörter entspringen...» [Lomonosow, 1764, S. 15].

Речения или слова характеризуются в грамматике Ломоносова с точки зрения их слоговой структуры и подразделяются на *двусложныя* (*zweyfylbiges Wort*), *трисложныя* (*dreyfylbiges Wort*), *четыресложныя* (*vierfylbiges Wort*), *пятисложныя* (*fünffylbiges Wort*) и *многосложныя* (*vielsylbiges Wort* или *vielfylbiges Wort*). Речения, в свою очередь, формируют *періодъ*, который Ставенхаген переводит как *Satz*. Термин «предложение» в грамматическом значении, который был бы здесь более уместен как интонационно и грамматически оформленная, семантически целостная единица речи, у Ломоносова не встречается. Эта номинация лексикографирована только в 1792 г. в «Словаре Академии Российской» как термин логики, под которым понимаются «два и болѣе простыхъ понятій между собою сопряженныхъ, и совершенный разумъ составляющихъ» [САР, 1792, стб. 1285].

Выводы

1. Тематизация фонетических терминов, используемых Ломоносовым в «Российской грамматике», позволяет выявить пять базовых тематических групп специальной лексики, в числе которых 1) термины, характеризующие супrasegmentный уровень высказывания (интонация и просодия), 2) термины, номинирующие органы артикуляции, 3) термины, используемые для классификации гласных и согласных звуков, 4) термины графики и орфографии, 5) единицы членения речи. Наиболее разработанными оказываются у него третья и четвертая группы лексики.

2. Анализ используемой Ломоносовым фонетической терминологии показывает, что основная ее часть заимствована из публиковавшихся ранее грамматических трактатов, поскольку, разрабатывая научные основы описания русской грамматики, Ломоносов так или

иначе опирался на работы своих предшественников. Меньшая ее часть представляет собой авторскую терминологию, введенную в научный обиход самим Ломоносовым.

3. При переводе «Российской грамматики» Ставенхаген в основном прибегал к буквальному переводу фонетических терминов, используемых Ломоносовым, а также к описательному способу передачи семантики отдельных русских терминов, сообразуясь с нормами немецкого языка своего времени.

4. Сопоставительный анализ русских единиц специальной номинации и вариантов их перевода позволяет выявить ряд орфографических и морфологических дублетов⁴ в составе как русской, так и немецкой фонетических терминосистем.

Список литературы

- Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 576 с.
- Булич С. К.** Введение // August Ludwig Schlözer. Rufzische Sprachlehre (Русская грамматика). СПб.: Имп. Академія Наукъ, 1904. С. I–IX.
- Григорьева Л. Н.** Основные линии сопоставления «Российской грамматики» М. В. Ломоносова и ее перевода на немецкий язык // XLIII Международная филологическая конференция / Под ред. А. В. Зеленщикова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. Вып. 18: Секция грамматики (романо-германский цикл). С. 34–39.
- Иванов А. В.** Метаязык фонетики и метрики: Монография. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2004. 342 с.
- Иванов А. В.** Ударение: диахронное и лексикографическое описание эволюции и обособления лингвистического термина // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 48–67. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-48-67
- Иванов А. В., Иванова Р. А.** Семантическая структура термина «акцент» и его производных в историко-этимологическом и лексикографическом аспектах // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 855–862.
- Ломоносов М. В.** Россійская грамматика. СПб.: Имп. Академія Наукъ, 1755. 213 с.
- Макеева В. Н.** История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова / Под ред. С. Г. Бархударова. М.; Л.: АН СССР, 1961. (К 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова: 1711–1961). 175 с.
- Научное наследство. Естественнo-научная серия / Под ред. С. И. Вавилов. М.; Л.: АН СССР, 1948. Т. 1. 835 с.
- РГ – «Российская грамматика» А. А. Барсова / Под ред. Б. А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.
- САР – Словарь Академіи Россійской: В 4 ч. СПб.: Имп. Академія Наукъ, 1792. Ч. 3: Отъ 3 до М. 761 с.
- Соломоновская А. Л.** К вопросу о статусе и функционировании переводческих дублетов в европейском культурном пространстве поздней Античности, Средневековья и раннего Нового времени // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 108–118. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-108-118
- Успенский Б. А.** Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики. М.: Наука, 1975. 232 с.
- Bußmann, H.** Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, Alfred Kröner Verlag, 2002, 783 S.
- Freidhof, G., Scholz, B.** Vorwort. In: Russische Grammatik. Verfasset von Herrn Michael Lomonossow. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. München, Otto Sagner Verlag, 1980, S. 3. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 27).

⁴ О статусе и функционировании переводческих дублетов в европейских языках подробнее см. в [Соломоновская, 2019].

- Horbatsch, O.** (Hrsg.) Adelphotos. Die erste gedruckte griechisch-kirchenslavische Grammatik. L'viv-Lemberg 1591. München, Kubon & Sagner, 1973, 217 S. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 2)
- Horbatsch, O.** (Hrsg.) Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho, Kremjaneć, 1638: eine gekürzte Fassung der kirchenslavischen Grammatik von Meletij Smotryčkyj. München, Kubon & Sagner, 1977. 120 S. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 11)
- Kopiewitz, E.** Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis sclavonico-rosseanae adornata. Studio, atque opera Eliae Kopiewitz Seu de Hasta Hastennii. Amstelodami, e typogr. auctoris, 1700. 507 c.
- Lomonoŝow, M.** Rußische Grammatick. Aus dem Rußischen überfetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg, Gedruckt bey der Kayserlichen Academie der Wißenschafften, 1764, 383 S.
- Grasshoff, H., Lehmann, U.** (Hrsg.). Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. In 2 Bd. Berlin, Akademie-Verlag, 1968, Bd. 2, 492 S.
- Walther, J. G.** Muficalisches Lexicon, oder Muficalische Bibliothec. Leipzig, Verlegts Wolffgang Deer, 1732, 659 S.

References

- Akhmanova, O. S.** Dictionary of linguistic terms. Moscow, URSS, 2004, 576 p. (in Russ.)
- Bulich, S. K.** Introduction. In: August Ludwig Schlözer. Rufzische Sprachlehre. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1904, pp. I–IX. (in Russ.)
- Bußmann, H.** Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, Alfred Kröner Verlag, 2002, 783 S.
- Dictionary of the Russian Academy. In 4 parts. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1792, pt. 3, 761 p. (in Russ.)
- Freidhof, G., Scholz, B.** Vorwort. In: Russische Grammatick. Verfasset von Herrn Michael Lomonossow. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. München, Otto Sagner Verlag, 1980, S. 3. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 27).
- Grasshoff, H., Lehmann, U.** (Hrsg.). Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. In 2 Bd. Berlin, Akademie-Verlag, 1968, Bd. 2, 492 S.
- Grigorieva, L. N.** The main lines of comparison of M. V. Lomonosov's "Russian grammar" and its translation into German. In: Zelenschchikov, A. V. (ed.) 43th International Philological Conference. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2014, iss. 18: Section of grammar (Romano-Germanic cycle), pp. 34–39. (in Russ.)
- Horbatsch, O.** (Hrsg.) Adelphotos. Die erste gedruckte griechisch-kirchenslavische Grammatik. L'viv-Lemberg 1591. München, Kubon & Sagner, 1973, 217 S. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 2)
- Horbatsch, O.** (Hrsg.) Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho, Kremjaneć, 1638: eine gekürzte Fassung der kirchenslavischen Grammatik von Meletij Smotryčkyj. München, Kubon & Sagner, 1977. 120 S. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 11)
- Ivanov, A. V.** Metalanguage of phonetics and metrics. Arkhangelsk, Pomor State Uni. Press, 2004, 342 p. (in Russ.)
- Ivanov, A. V.** *Udareniye: Diachronic and Lexicographic Description of the Linguistic Term and Its Breaking Away from the Greek and Church Slavonic Tradition. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 48–67. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-48-67
- Ivanov, A. V., Ivanova, R. A.** Semantic structure of the term accent and its derivatives in historical-etymological and lexicographic aspects. *Cognitive Studies of Language*, 2021, vol. 3 (46), p. 855–862. (in Russ.)
- Kopiewitz, E.** Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis sclavonico-rosseanae adornata. Studio, atque opera Eliae Kopiewitz Seu de Hasta Hastennii. Amstelodami, e typogr. auctoris, 1700, 507 p.

- Lomonosov, M. V.** Russian grammar. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1755, 213 p. (in Russ.)
- Lomonoſow, M.** Rußifche Grammatick. Aus dem Rußifchen überfetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg, Gedruckt bey der Kayferlichen Academie der Wißenfchafften, 1764, 383 S.
- Makeeva, V. N.** History of creation of M. V. Lomonosov's "Russian grammar". Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1961, 175 p. (To the 250th anniversary of the birth of M. V. Lomonosov: 1711–1961). (in Russ.)
- Solomonovskaya, A. L.** About Status and Functioning of Double Translations in European Cultural Space of Late Antiquity, Middle Ages and Early Modern Period. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 108–118. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-108-118
- Uspenskiy, B. A.** The first Russian grammar in the native language. Pre-Lomonosov period of Russian language studies. Moscow, Nauka, 1975, 232 p. (in Russ.)
- Uspenskiy, B. A.** (ed.) A. A. Barsov's "Russian grammar". Moscow, Moscow State Uni. Press, 1981, 776 p. (in Russ.)
- Vavilov, S. I.** (ed.) Scientific heritage. Natural Science series. Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1948, vol. 1, 835 p (in Russ.)
- Walther, J. G.** Muficalifches Lexicon, oder Muficalifche Bibliothec. Leipzig, Verlegts Wolffgang Deer, 1732, 659 S.

Информация об авторе

Андрей Владимирович Иванов, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Andrey V. Ivanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 15.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.03.2022; принята к публикации 20.04.2022
The article was submitted 15.11.2021;
approved after reviewing 20.03.2022; accepted for publication 20.04.2022*

Научная статья

УДК 81.22

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-19-28

Проезжая через Нижний: Нижегородский текст (опыт реконструкции)

Андрей Евгеньевич Бочкарев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород
abotchkaev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-8604>

Аннотация

Статья посвящена реконструкции Нижегородского текста русской культуры по свидетельствам путешественников, писателей, публицистов и политических деятелей, поделившихся своими нижегородскими впечатлениями в опубликованных впоследствии путевых заметках, рассказах, очерках и дневниках. Реконструируемый на их основе Нижегородский текст воссоздает с достаточной степенью полноты некоторые сходные для всех вариантов нетривиальные смыслы. В калейдоскопе чередующихся дескрипций Нижний Новгород определяется и как чудесный, и как живописный, и как величественный, и как старинно-русский, и как европейский, и как третья столица России, и как сердце России, и как провинциальный, захолустный, и как православный, и как людской муравейник, и как торговый, базарный, стяжательный. Причем понять, почему в базисных суждениях о городе и его обитателях отбираются такие, а не какие-то другие свойства, можно, установив, что избирается в качестве основания суждения: местоположение, особенности рельефа, планировка, городские строения, исторические события, легенды и предания, ярмарочная деятельность, увеселительные заведения, нравы проживающих здесь людей или нечто другое. Синтетически разрешить внешне противоречивые суждения можно только путем разведения несовместимых дескрипций (i) по разным временным интервалам: например, прежде военный, сейчас торговый; зимой скука, летом веселье; (ii) разным локусам: по отношению к Кремлю, Откосу и Александровской набережной – красив, великолепен и живописен; по отношению к многочисленным церквям и монастырям – православный; по отношению к Толкучке и Миллионке – базарный и стяжательный, по отношению к расположившимся близ Ярмарки балаганам, трактирам и притонам – развеселый, пьяный и разгульный; (iii) по разным установкам мнения: для кого-то необустроенный и грязный, для кого-то благоустроенный и чистый; для кого-то благотворительный, для кого-то стяжательный; для кого-то нежный, для кого-то грубый.

Ключевые слова

Нижегородский текст, нетривиальные смыслы, символика городского пространства, установка мнения, оценка, противоречивые суждения

Для цитирования

Бочкарев А. Е. Проезжая через Нижний: Нижегородский текст (опыт реконструкции) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 19–28. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-19-28

© Бочкарев А. Е., 2022

Passing through Nizhny: Nizhny Novgorod Text (Essay-Reconstruction Approach)

Andrey E. Bochkarev

National Research University "Higher School of Economics"
Nizhny Novgorod, Russian Federation
abotchkarev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-8604>

Abstract

The paper is dedicated to the reconstruction of the Nizhny Novgorod text in the Russian culture based on the travelers', writers', publicists', and politicians' impressions found in their travel notes, stories, and essays. In the process of reconstruction the Nizhny Novgorod text recreates some non-trivial senses, similar to all the documents concerned. In many predicate descriptions Nizhny Novgorod is described as a beautiful Russian town, a third capital of Russia, a European or provincial town, an orthodox or trade center, as well as a market and money-grabbing place. To understand why such controversial properties are applied to the town we should try and get the essence of these judgments: topography, historical events and legends, urban structure, fair activities, the residents' manners and customs, etc. These contradictions can be solved by defining conflicting judgments (i) in different time intervals: military in earlier times, trading now; hot in summer, cold in winter; (ii) in different loci: with regard to the Kremlin, the Otkos and the Alexander promenade it is beautiful, magnificent and picturesque; with regard to numerous churches and monasteries it is orthodox by God; with regard to the Tol'kuchka and the Millionka on a market day it is greedy and money-grubbing; with regard to restaurants, pubs and crack houses near the Fair, it is sloppy drunk, dirty and dissolute; (iii) with regard to different attitudes or opinions: obnoxious, dirty and rude to some, well-managed, prosperous, charitable and delicate to others.

Keywords

Nizhny Novgorod text, non-trivial senses, symbolism of urban space, opinion, evaluation, conflicting judgments

For citation

Bochkarev, A. E. Passing through Nizhny: Nizhny Novgorod Text (Essay-Reconstruction Approach). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 19–28. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-19-28

Постановка проблемы

В отечественной семиотической традиции городское пространство осмысливается нередко как текст, особенно когда описывающие его произведения наделяют его какими-то особыми, нетривиальными смыслами, выходящими за рамки обычного таксономического значения. Так реконструируются Петербургский и Московский тексты русской культуры [Лотман, 2002; Топоров, 2003]. Реконструкция Петербургского текста как «основного текста» культуры совершается на материале петербургских произведений русской литературы XIX–XX вв., в том числе текстах Пушкина, Гоголя, Достоевского, Анциферова, Белого и др. (ср. [Калинин, 2005; 2010; Москва..., 1998; Манн, 2005; Тюпа, 2005]). Несмотря на различия в авторстве, жанре и времени создания, все входящие в корпус тексты обладают с достаточной степенью репрезентативности общими специфическими свойствами, позволяющими обобщить эмпирически данные тексты на следующем по отношению к ним уровне описания как особый тип городского текста. Как пишет В. Н. Топоров [2003], единство Петербургского текста задается не только объектом описания с характерными для Петербурга климатическими, топографическими, этнографически-бытовыми и культурными условиями, но и общей смысловой установкой как отраженной в языке культурной памяти. Петербургский текст отличается особой монолитностью, поскольку каждый из образующих его вариантов характеризуется, несмотря на различия в авторстве, жанре и времени создания, общими свойствами. В оппозиции к Москве Петербург определяется, с одной стороны, по мелиоративным признакам 'европейский', 'культурный', 'цивилизованный', с другой – по пейоративным признакам 'бездушный', 'казарменный', 'казенный'.

В ряду других российских городов заслуживает внимания и Нижний Новгород как особый тип городского текста. Тема Нижнего Новгорода фигурирует в различных источниках – преданиях и легендах, литературных произведениях, очерках журналистов, мемуарах политических деятелей, путевых заметках путешественников, оказавшихся в Нижнем Новгороде по воле случая, проездом или с намерением посетить Ярмарку, навестить близких, полюбоваться открывающимися со стен Кремля и Александровской (ныне Верхне-Волжской) набережной великолепными видами. Однако подвести эти разнородные по жанру произведения под Нижегородский текст как единую структуру текстового бытия, можно, на наш взгляд, лишь при условии, что объединяет их не только тема, но и специфические свойства, которыми наделяются в пределах общей концептуальной схемы все или почти все засвидетельствованные варианты¹.

Обратимся за примерами преимущественно к сторонним наблюдателям – отечественным и зарубежным путешественникам, публицистам и писателям конца XIX – начала XX в., поделившимся своими нижегородскими впечатлениями в опубликованных впоследствии рассказах, очерках и дневниках (Проезжая через Нижний, 2012)². Подчеркнем еще раз, что, несмотря на различия в авторстве, жанре и времени создания, сближает их не только тема, не только объект описания, но и, что важно, сходная смысловая установка. Поэтому, как и в случае с Петербургским текстом, вопрос «кто раньше сказал» или «кто на кого повлиял» становится по сути несущественным в плане общей структуры текстового бытия. Особую остроту межтекстовые переклички приобретают, когда объясняются более глубокими причинами, чем простое заимствование, не влиянием одного автора на другого, одного текста на другой (что, вероятно, имеет место), а наличием некоторой «сверх-традиции» как отраженной в языке культурной памяти.

Ориентиры оценки

В избранном корпусе текстов осмысление Нижнего Новгорода совершается по местоположению, особенностям рельефа, природно-климатическим условиям, знаменательным историческим событиям, легендам и преданиям, по входящим в городское пространство строениям, улицам и площадям, качеству обслуживания в гостиницах, нравам проживающих здесь людей. При этом свойства, по которым задается «смысл», варьируются в значительной степени в зависимости от того, что избирается в качестве отправной точки отсчета.

Неопределенность, потенциально вызывающая разногласия, начинается на стадии выбора и оценки: что избирать в качестве основания суждения и, главное, как оценивать, руководствуясь собственной системой представлений, те или иные аспекты объекта. Так, ценностные ориентиры избираемого по случаю мнения задают контуры смысла, смысловую конфигурацию созерцаемого объекта. Иначе говоря, когда хотят понять, осмыслить, семиологизировать какой-то объект, превратить его в поддающийся прочтению текст, от таксономических свойств объекта переходят к его представлению в мысли³. Особо значимым в таком случае оказывается не только то, что избирается в качестве объекта суждения, но и то, как представляется этот объект в том или ином контексте мнения. В этом отношении установка мнения служит, можно сказать, посредником между объектом и субъектом суждения.

Нижний Новгород характеризуется следующим образом:

- по местоположению – как царственно поставленный: *...царственно поставленный над всем востоком России город* (И. Е. Репин); величественный: *...имеет он <путешественник>*

¹ Разумеется, наряду с Нижегородским текстом можно выделить в качестве самостоятельного объекта и Горьковский текст, противопоставив их в диахроническом измерении по оппозитивным признакам ‘торговый’ – ‘промышленный’, ‘купеческий’ – ‘военно-промышленный’, ‘открытый’ – ‘закрытый’.

² Ср.: [Белоногова, 2007; Фортунатов, 2018; Нижегородский текст..., 2021].

³ Иначе говоря, концептуализации.

пред глазами своими величественную картину местоположения (В. Дмитриев); чудесный: *Местоположение Нижнего Новгорода единственное, чудесное, какого я не знаю лучше* (М. П. Жданов), красиво расположенный: *...необыкновенно красиво расположенный по крутизне город* (М. Чистяков, А. Разин), живописный⁴: *Нижний с реки живописен* (К. М. Станюкович), город прекрасных видов и панорам: *Нижний – город видов, город панорам. Я думаю, трудно найти другой город, который открывал бы буквально отовсюду <...> такие очаровательные виды* (В. М. Сидоров);

- по планировке и застройке – как разбросанный: *Расположение города очень нехорошо, разбросано; улицы кривые, неправильные, кроме одной Рождественской* (М. П. Жданов);

- по значимости – как третья столица России: *Нижний Новгород может назваться третьей столицей России* (Л. А. Ухтомский), крупный европейский центр: *... кипучая деятельность, порядок и благоустройство крупного европейского центра* (Е. Л. Марков), и захолустье: *Этот город <...> так же беспомощен, так же слаб духовно, как и любое русское захолустье* (Е. Шмурло);

- по отношению к историческому прошлому – как оплот российской государственности: *Нижний Новгород, верный своей исторической роли, и в годину лихолетия показал себя тем же гнездом воинствующей народности русской, каким он был в старые века; он встал во главе народного движения на защиту исторического существования России от одолевавшего ее польского католичества* (Е. Л. Марков);

- по отношению к настоящему – как торговый, меркантильный и базарный: *Как непохож теперешний Нижний на Нижний прошлых веков! Куда девался этот боевой город, этот передовой редут, сторожевой ратник восточных границ Московской земли! Он весь исчез в торговой жизни, в меркантильных интересах новых поколений. <...> самые стены Кремля не могут снять с Нижнего его теперешнего исключительно базарного отпечатка* (Е. Шмурло);

- по нравам проживающих здесь людей – как любезный: *Нравы нижегородцев весьма, весьма любезны. Есть странности, но где же нет их!* (В. Дмитриев), железный: *... в одной из здешних легенд нижегородцы названы «железными людьми»* (С. Филиппов), Преподобный Макарий проклял Нижний Новгород: *«Каменный сам, а сердца железные»* (Б. А. Садовской), поклоняющийся рублю: *Рубль – везде, во всем и повсюду: о нем только и говорят, для него лишь живут. <...> И стар, и млад, и прекрасный и не прекрасный пол – всё это поклоняется рублю и его различным разновидностям* (С. Филиппов).

Предметно-пространственные координаты: Верхний город – Нижний город – Заокская часть

Городское пространство осмысливается по семиотически наиболее «сильным» точкам: Верхний город – по Кремлю, Откосу, Александровской (ныне Верхне-Волжской) набережной, Александровскому саду, Печерскому Вознесенскому и Крестовоздвиженскому монастырям, приходским церквям, гостинице Смирнова на Благовещенской площади, улицам Большая и Малая Покровская, а также съездам, соединяющим Верхний город с нижней частью, в том числе Зеленскому, Похвалинскому, Успенскому, Казанскому и Георгиевскому; Нижний город – по Благовещенскому монастырю, Рождественской улице, церкви Рождества Пресвятой Богородицы, построенной именитыми людьми Строгановыми, Почайне; Заокская часть – по Ярмарке, ярмарочному собору, корпусам гостиного двора с лавками, трактирами и балаганами для увеселения народа, близлежащему селу Кунавино (ныне Канавино), Самокатской площади близ Мещерского озера. При этом, как и в случае с другими параметрами

⁴ Об осмыслении отдельных мест городского пространства как особо примечательных «картин» (ср. *Во всей Европе немного встретите вы таких картин*) свидетельствуют, в частности, художественные открытки с фотографий А. О. Карелина, М. П. Дмитриева, М. А. Хрипкова и др. См. [Царственно поставленный город, 2000].

оценки, оценочное значение варьируется существенным образом в зависимости от того, какая часть городского пространства избирается в качестве основания суждения.

По отношению к Кремлю, Откосу, Александровской набережной и Александровскому саду Нижний Новгород красив, великолепен и живописен: *Какой великолепный и цивилизованный вид открывается с верхней нижегородской набережной, ведущей в городской сад!* (А. К. Гейнс); по отношению к многочисленным церквям и монастырям – православный: *...кроме трех монастырей, до 30 каменных церквей, так что город вполне православный* (А. П. Субботин); по отношению к Ярмарке, Толкучке, Миллионке и прочим торговым местам – меркантильный, базарный и стяжательный: *...самые стены Кремля не могут снять с Нижнего его теперешнего исключительно базарного отпечатка* (Е. Шмурло), *Нижний – это стяжатель, для которого медный пятак единственная цель и стремление* (С. Филиппов); по отношению к гостиницам и постоялым дворам – грязный и дорогой: *...нет ни одного мало-мальски сносного приюта, везде грязь и дороговизна!* (М. И. Семевский); по отношению к расположившимся близ Ярмарки трактирам, балаганам и прочим увеселительным заведениям – веселый, пьяный и разгульный: *...город бесшабашного разгула* (В. М. Сидоров); по отношению к центральным улицам и площадям – благоустроенный и чистый: *...чистота, удобства и приличие бросаются в глаза приезжему, вообще не избалованному в своей родной стране особенно строгим благоустройством городов* (В. Кичеева); по отношению к задворкам и окраинам – грязный и зловонный: *...на задворках и по оврагам скопилась всякая дрянь и отбросы, сточные трубы засоряются, от них часто поднимается зловонный пар* (А. П. Субботин).

Понимание оценочных предикатов не требует особых усилий; затруднение вызывает скорее их истолкование (ср. [Арутюнова, 1998, с. 185]). Понимая, например, значение слов *хороший, замечательный, чудесный* или *плохой* не всегда понятно, почему говорящий находит что-то хорошим, замечательным, чудесным или плохим. Основанием квалификации служат всякий раз какие-то возведенные в абсолют субъективно-личностные аксиологические представления⁵, соотносясь с которыми можно уяснить, чем собственно хорош, замечателен или плох для субъекта суждения тот или иной объект наблюдения. Например, чем хороша «матушка Волга», почему перед прибывающим на пароходе путешественником открывается «один из величественных видов в целой России», чем плоха нижняя часть города, называемая Нижним Базаром, и чем замечательны, наконец, Нижегородский кремль, Откос или Александровский сад.

В качестве аргумента приводятся разные доводы.

(1) *Ах, хороша ты, матушка Волга!* – восклицает генерал-лейтенант русской Императорской армии этнограф А. К. Гейнс, а затем добавляет: *вольно дышится грудью широкою на твоих водах.*

(2) *Это один из величественных видов в целой России,* – заключает писатель, литературный критик и журналист А. П. Милюков. – *Высокий берег <...> с нагроможденными амфитеатром зданиями и церквями; перед ним две широкие реки, сливающиеся в один величавый поток, а дальше горизонт на тридцать верст, с зелеными лугами, синеватыми озерами и золотыми крестами церквей <...>. Взгляд ничем не сдавлен здесь, и грудь как-то легче и свободнее дышит на таком просторе.*

(3) *Расположение города очень нехорошо,* – констатирует действительный статский советник, вице-губернатор Харьковской губернии М. П. Жданов, посетивший город в поездке по губерниям Российской империи с поручением «наблюдения за состоянием в нашем отечестве сельского хозяйства и в особенности садоводства», а затем поясняет: *разбросано: улицы*

⁵ Эта черта речевых дескрипций в психолингвистике описывается как эмоционально-личностные смыслы, характеризующие все нестандартные, «нелогичные» ассоциативные реакции в ходе ассоциативного эксперимента [Яковлев, 2018, с. 50, 52].

кривые, неправильные, кроме одной Рождественской, отстроенной хорошими купеческими домами.

(4) Нижняя часть города, называемая Нижним Базаром, *плоха*, резюмирует историк, журналист и общественный деятель М. И. Семевский: *...скверная мостовая, грязные улицы, безобразные дома, нечистые лавки и вдобавок ни одной порядочной гостиницы из целого десятка*.

(5) Нижегородский кремль не уступает «по пространству» Московскому Кремлю, полагает А. П. Субботин, автор одного из первых в России руководств по так называемой коммерческой географии, поскольку обладает *такими же толстыми и высокими стенами, возведение которых потребовало египетской работы, пожалуй, немного меньше, чем возведение Хеопсовой пирамиды*.

Разумеется, содержащееся в оценке мнение можно поставить под сомнение, но нельзя опровергнуть факт существования самого мнения. Общая оценка складывается – таков механизм выведения оценки – из приписываемых объекту суждения частнооценочных свойств. Поэтому далеко небезразлично уяснить, какие возобладают в итоге свойства, куда склонится чаша весов – в пользу общей положительной или отрицательной оценки. Весьма примечательны в этой связи суждения, в которых объект наблюдения характеризуется оценочными предикатами с противоположными аксиологическими знаками. Так, в письме графу Панину посетившая Нижний Новгород императрица Екатерина Великая пишет: *Сей город ситуациею прекрасен, но строением мерзок: все либо на боку лежит, либо близко того*. Будучи в целом противоречивой, оценочное значение задается предикатами *ситуациею прекрасен* /+/ и *строением мерзок* /-/ в отношении противительной конъюнкции⁶, так что получателю не остается ничего другого, как гадать, какому частнооценочному свойству отдать предпочтение в общей оценке Нижнего Новгорода: прекрасному местоположению на слиянии двух больших рек или плохой планировке. Поскольку общая оценка задается обычно во втором конъюнкте, частные достоинства подавляются, как видно, недостатками⁷. Притом понять, почему в общей оценке доминирует такое свойство, можно только в рамках базовой системы представлений: что больше по душе государыне императрице – живописный ландшафт или регулярный план с «образцовыми» строениями⁸.

Не менее занимательны и противоречивые суждения о нижегородских гостиницах в оценке иностранцев. По заявлению Льюиса Кэрролла⁹, о гостиничном деле в Нижнем Новгороде можно судить по гостинице Смирнова на Благовещенской площади близ Кремля – *ужасной, хотя, несомненно, лучшей в городе*. В качестве основания квалификации английский путешественник приводит такие доводы в виде частнооценочных дескрипций: *Еда там была очень хороша* /+/ и *всё остальное очень скверно* /-/.

Особо показательна также оценка харчевен и трактиров на Нижегородской ярмарке. По мнению заезжего гостя из Германии, прусского чиновника барона Августа фон Гакстгаузена, на Нижегородской ярмарке можно было встретить не только харчевни для простого народа с кушаньями из рыбы, грибов, огурцов, картофеля и проч. В различных местах ярмарки были и *хорошие трактиры* с вежливыми половыми в тонких белых рубашках, охотно исполняющими все желания гостей, а после обеда еще и подающими закуренную трубку на длинном чубуке. Однако, заключает немец, *русская кухня на постном масле не совсем по нутру иностранцу, а порционные карты пишутся так неразборчиво, что, несмотря на мно-*

⁶ В определении Н. Д. Арутюновой это «но-отношения» [1998, с. 219].

⁷ В идеальном раскладе недостатки можно, разумеется, если и не подавить, то хотя бы компенсировать какими-то достоинствами в уступительных конъюнкциях с возмещающей частицей *зато*, сказав: *строением мерзок: все либо на боку лежит, либо близко того, зато ситуациею прекрасен*. Предельно убедительной общая положительная оценка становится при этом лишь тогда, когда приводимое в качестве контраргумента достоинство возобладает над частными недостатками, поскольку занимает в иерархии ценностей куда более важное место.

⁸ Ср. в этой связи высочайший указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо» (1763).

⁹ Как и в других случаях, этот пример взят из кн.: «Проезжая через Нижний».

гие немецкие названия кушаний, чрезвычайно затрудняют иностранца. Так оценка входит непосредственно в значение обозначаемых словами реалий: (1) «хорошо», что вежливые половые исполняют все желания гостей и что найти здесь можно многие немецкие кушанья; (2) «плохо», что порционные карты пишутся неразборчиво, что чрезвычайно затрудняет иностранца.

Компаративные классы с функцией оценочной шкалы

Наряду с аксиологическими операторами «хорошо» или «плохо» таксономия оценки проявляется предельно наглядно и в том, как создаются компаративные классы с функцией оценочной шкалы. Особо примечательны в этой связи сравнения Нижнего Новгорода с некоторыми избираемыми в качестве образца городами, занимающими в оценочной иерархии куда более почетное место, в том числе с Москвой, Киевом, Одессой, Парижем, Лондоном, Венецией и Константинополем. Условием сравнения служит всякий раз какой-то избираемый по случаю признак, свойство или состояние, по которому Нижний Новгород уподобляется в том или ином отношении другим городам. Например, по расположению на высоком берегу и открывающимся вдаль просторам Нижний Новгород нередко сравнивается с Киевом: *Своим прекрасным местоположением и видами Нижний напомнил мне Киев* (В. Кичеева), *Вид действительно очень напоминает киевский* (П. А. Крушеван); по оживленным торговым пристаням – с Одессой: *Вам вспоминается Одесса с ее гаванями и торговлей, с ее биржей, ценами на хлеб и погоней за наживой* (П. А. Крушеван); по капитальному строению Ярмарки – с Парижем и Лондоном: *Нижегородская ярмарка может гордиться этой капитальной постройкою перед Парижем и Лондоном* (А. П. Милюков); по весеннему половодью – с Венецией: *На все это особенно хорошо взглянуть весною во время полноводия <...> – русская Венеция* (В. Беккер); по положению Нижнего Базара – с Константинополем: *Нижний Базар напомнил мне своим положением Галату в Константинополе. Он точно так же примыкает к городской горе, как и подножие Перы* (А. П. Милюков).

Компаративные ряды могут создаваться, кроме того, и из элементов разносистемных парадигм. Для таксономии оценки принципиально важно при этом уяснить, почему для квалификации объекта избирается такая, а не какая-то другая – тоже окказиональная – точка отсчета: например, базар в суждениях вида *Тепереиний Нижний – это огромный базар* (Е. Шмурло), муравейник в суждениях вида *На ярмарке, внизу, на улицах, на пристанях и пароходах – везде копошится суетливый черный людской муравейник* (П. А. Крушеван), стяжатель в суждениях вида *Нижний – это стяжатель, для которого медный пятак единственная цель и стремление* (С. Филиппов), клад в суждениях вида *Нижний – клад для туриста* (С. Филиппов) или вавилонское столпотворение в суждениях вида *Взгляните на произведения всех стран, на вечно движущиеся обозы, на лавки и магазины с блестящею расстановкою товаров, на этот кипящий народ, в беспрестанном смешении европейцев с азиатцами; обратите внимание на русского торговца, который идет вместе с калмыком, немцем, бухарцем, индийцем, русским извозчиком; представьте эти миллионы капиталов, передаваемых в тысяче разнородных произведений России, Персии, Бухарии, Индии, Китая – и после этого верно назовете Нижегородскую ярмарку Вавилонским столпом по смешению языков стекающих сюда промышленников, связанных между собою узами обоюдных выгод* (В. И. Беккер).

Колебания в выборе подходящей номинации отражают отчасти сомнения в правильности квалификации. Но, даже признав, что разноречивые суждения зависят непосредственно от избираемой по случаю установки мнения и что в приложении к объекту затруднительно, а подчас и невозможно установить наиболее важные ценностные смыслы, нельзя не задаться вопросом, остается ли объект тождественным самому себе в таком многообразии номинаций.

Вместо заключения

В калейдоскопе чередующихся дескрипций Нижний Новгород определяется в оценке современников разносторонним, нередко противоречивым образом. Действительно, с точки зрения классической логики многие из приложимых к Нижнему Новгороду дескрипций противоречивы, поскольку, как утверждает закон исключенного третьего, один и тот же объект нельзя определять в одно и то же время и в одном и том же отношении противоположным образом. Например, как *прекрасный* и *мерзкий*, *военный* и *торговый*, *благотворительный* и *стяжательный*, *благочестивый* и *разгульный*, *чистый* и *грязный*, *скучный* и *веселый*, *европейский* и *захолустный*, *любезный* и *грубый*.

Синтетически разрешить противоречия можно, как представляется, только путем разведения несовместимых предикатов (i) по разным временным интервалам: прежде оплот российской государственности, сейчас торговый, базарный; (ii) разным локусам: на главных улицах и площадях чисто, на окраинах и задворках грязно; (iii) разным аспектам: в одном отношении благотворительный, в другом стяжательный; (iv) разным установкам мнения: для кого-то нежный, для кого-то грубый.

В результате в общественном сознании формируется внутренне противоречивый образ Нижнего Новгорода со смысловыми доминантами с противоположными аксиологическими знаками – как царственно поставленный и разбросанный, как любезный и железный, как нежный и грубый, как образцово чистый и грязный, как европейский и старинно-русский, как третья столица России и захолустье, как активный и полусонный, как благочестивый и разгульный, как твердыня российской государственности и огромный базар, как православный и забывший основные христианские заповеди. Пониманию здесь подлежит отношение к объекту, интерпретации – квалификация объекта по избираемому по случаю особо примечательному свойству.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- Белоногова В. Ю. Нижегородский текст в зарубежной и русской литературе XIX века // Грехнёвские чтения: Сб. науч. тр. Н. Новгород: Изд. Ю. А. Николаев, 2007. С. 107–133.
- Калинин И. А. Петербургский текст как продукт теоретической мифологизации // Петербургский сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 24–34.
- Калинин И. А. «Петербургский текст» московской филологии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2010. № 2 (70). С. 319–326.
- Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ю. М. Лотман. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 208–220.
- Манн Ю. В. Петербургский и московский тексты в творчестве Гоголя: принцип дополненности // Петербургский сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 193–204.
- Москва и «московский текст» русской культуры / Под ред. Г. С. Кнабе. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 224 с.
- Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности: Коллективная монография / Отв. ред. В. Т. Захарова. Н. Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина, 2021. 406 с.
- Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 616 с.
- Тюпа В. И. Коренная мифологема Петербургского текста // Петербургский сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 81–91.
- Фортунов Н. М. От поэтики места к структуре текста: Нижегородский контекст русской литературы (П. И. Мельников) // Духовная культура Нижегородского региона: опыт сис-

- темного описания: Коллективная монография / Под редакцией М. Г. Уртминцевой. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 18–31.
- Царственно поставленный город. Нижний Новгород в старой открытке / Сост. В. Машковцев; автор текста Т. В. Виноградова. Н. Новгород: Посад, 2000.
- Яковлев А. А.** Лингвистическая основа общей теории языкового сознания // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 45–55. DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-45-55

Список источников

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>
Проезжая через Нижний / Сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. Н. Новгород: Книги, 2012. 656 с.

References

- Arutyunova, N. D.** Language and Human World. Moscow, Yazyki russkoy kultury, 1998, 896 p. (in Russ.)
- Belonogova, V. Yu.** Nizhny Novgorod text in foreign and Russian literature of the 19th century. In: Grekhnev readings: Collection of scientific papers. Nizhny Novgorod, Yu. A. Nikolaev Publ., 2007, pp. 107–133. (in Russ.)
- Fortunatov, N. M.** From the poetics of place to the structure of the text: Nizhny Novgorod context of Russian literature (P. I. Melnikov). In: Spiritual culture of the Nizhny Novgorod region. An experience of systemic description: Collective monograph. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Uni. Press, 2018, pp. 18–31. (in Russ.)
- Kalinin, I. A.** Petersburg text as a product of theoretical mythologization. In: Petersburg collection. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2005, pp. 24–34. (in Russ.)
- Kalinin, I. A.** “Petersburg Text” of Moscow Philology. *Emergency Reserve. Debate about politics and culture*, 2010, no. 2 (70), pp. 319–326. (in Russ.)
- Knabe, G. S.** (ed.). Moscow and the “Moscow text” of Russian culture. Moscow, RSUH Press, 1998, 224 p. (in Russ.)
- Lotman, Yu. M.** St. Petersburg Symbolism and Problems of City’s Semiotics. In: Lotman Yu. M. Typology and History of the Russian Culture. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2002, pp. 208–220. (in Russ.)
- Mann, Yu. V.** Petersburg and Moscow texts in Gogol’s works: the principle of complementarity. In: Petersburg collection. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2005, pp. 193–204. (in Russ.)
- Mashkovtsev, V.** (comp.), **Vinogradova, T. V.** (author of the text). A regally placed city. Nizhny Novgorod in an old postcard. Nizhny Novgorod, Posad Publ., 2000. (in Russ.)
- Toporov, V. N.** The Petersburg Text of the Russian Literature. In: Selected works. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2003, 616 p. (in Russ.)
- Tyupa, V. I.** Root mythology of the Petersburg text. In: Petersburg collection. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2005, p. 81–91. (in Russ.)
- Yakovlev, A. A.** Linguistic basis for the general theory of the linguistic consciousness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 45–55. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-45-55

List of Sources

National Corpus of the Russian language. URL: <http://ruscorpora.ru/>
Morokhin, N. V., Pavlov, D. G. (ed.). Passing through Nizhny Novgorod. Nizhny Novgorod, Книги, 2012. 656 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Евгеньевич Бочкарев, доктор филологических наук, профессор
SPIN 3213-6724

Information about the Author

Andrey E. Bochkarev, Doctor of Sciences (Philology), Professor
SPIN 3213-6724

*Статья поступила в редакцию 05.03.2022;
одобрена после рецензирования 01.04.2022; принята к публикации 20.04.2022
The article was submitted 05.03.2022;
approved after reviewing 01.04.2022; accepted for publication 20.04.2022*

Научная статья

УДК 81'23

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40

Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации?

Ван Чжицян¹
Полина Пурбуевна Дашиинимаева²

^{1,2} Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Россия

¹ Хэбэйский северный университет
Чжанцзякоу, Китай

¹ wangzq0016@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1962-9859>

² polinadash58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1304-5390>

Аннотация

Данное исследование посвящено разграничению терминов «концепт» и «понятие», с одной стороны, и «фрейм», «гештальт» и «образ», с другой. Было выявлено, что исследователи не едины во мнении относительно и типологии когнитивных единиц, номинирующих способы концептуализации внешнего мира, и их содержаний. В статье приводятся наиболее актуальные на сегодняшний день классификации известных в целом когнитивных структур, однако обнаружено, что данные три категории являются наиболее часто встречающимися, соответственно, их понимание, включая их соотношение друг с другом, представляет для нас особый интерес. В данном исследовании эти категории рассматриваются по следующим векторам: обзор актуальных научных источников, дефиниция термина, основные признаки, иллюстрации, сравнение и определение степени равнозначности, близости или смежности по ряду их характеристик. На основании выполненного системного анализа делается вывод о том, что *фрейм*, *гештальт* и *образ* являются подчиненными категориями относительно концепта, чьи отличительные структурные и функционально-семантические признаки позволяют представлять их автономно-дискретными категориями, концептуализирующими в сознании индивида внешний мир. Также общность и дифференциальность отдельных характеристик трех категорий обосновывают смежность их соотношений.

Ключевые слова

концептуализация, фрейм, гештальт, образ, концепт, когнитивная категория

Для цитирования

Ван Чжицян, Дашиинимаева П. П. Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации? // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 29–40. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40

Frame, Gestalt and Image: Equivalence or Contiguity of Categorization?

Wang Zhiqiang¹, Polina P. Dashinimaeva²

^{1,2} Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

¹ Hebei North University
Zhangjiakou, China

¹ wangzq0016@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1962-9859>

² polinadash58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1304-5390>

Abstract

The study deals with making a distinction between the terms “concept” and “notion”, on the one hand, “frame”, “gestalt” and “image”, on the other. The survey shows that the researchers are not unanimous in their opinion regarding both the typology of cognitive structures and their content. Relevant classifications indicate clearly that frame, gestalt and image are most regular categories, so, understanding their content, apart from their relationship to each other within the framework of modern linguistics, is of particular interest to us. In the study, these concepts are considered in the following ways: a relevant scientific source survey, term definitions, key features, illustrations, and comparative research to distinguish between the equivalence, proximity, and contiguity degrees of the characteristics revealed. Based on such a systemic analysis, it has been found that gestalt, image and frame are categories of the external world conceptualization distinguished on the basis of their structural, functional and semantic features. As a result, it concludes, the categories “frame”, “gestalt” and “image” might be considered as contiguous concepts.

Keywords

conceptualization, frame, gestalt, image, concept, cognitive category

For citation

Wang Zhiqiang, Dashinimaeva, P. P. Frame, Gestalt and Image: Equivalence or Contiguity of Categorization? *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 29–40. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40

Введение

Интенсивное развитие психолингвистики, продиктованное современным уровнем развития науки, стало, в частности, базой для типологизации концептов и теоретического осмысления самого понятия «концепт». В результате было сформировано представление, что концепт выполняет функцию объединения ряда когнитивных структур, т. е. консолидации ментальных единиц, функция которых состоит в систематизации знаний в рамках человеческого сознания. Если исходить из этой логики, другие когнитивные структуры занимают подчиненное положение и могут называться категориями концептуализации окружающего мира. Как известно, к основным способам относят следующие категории: схема, образ, сценарий, фрейм, гештальт [Голованова, 2014, с. 122]. Данный ряд явлений представляет собой сущности размытой, недискретной природы прежде всего в силу своего близкого когнитивного статуса, что, вне сомнения, уменьшает степень привлечения принципа доказательности при их описании. И. А. Стернин [1998] объясняет сложность изучения перечисленных категорий концептов тем, что эти постулированные понятия взаимозависимы по своей сути и своему предназначению, потому их трудно идентифицировать и разграничить.

Так, когда человек, например, декодирует текст, то невозможно ответить однозначно на вопрос: *что* он активизирует в сознании по мере восприятия форм, визуализации содержания и формулирования системы смыслов – образ, фрейм или другие категории концептов? По-видимому, данная неспособность их идентифицировать обусловлена прежде всего тем, что мозг человека – это самодостаточный «черный ящик», где ментальные – ненаблюдаемые – процессы частично происходят в неосознаваемой сфере, что не снимает с исследователя задачу выявления критериев разграничения заданных единиц. В нашей статье мы попытаемся разграничить содержание трех основных терминов – «фрейм», «гештальт» и «образ».

О сущности и типологии концептов

Впервые термин «концепт» появился в российской науке в работе С. А. Аскольдова в 1928 г. Ученый понимает концепт как «мысленное образование, которое замещает нам неопределенное множество предметов одного и того же рода в процессе мысли» [Аскольдов, 1997, с. 267–269]. По его мнению, термин «концепт» отождествляется с «понятием», обобщенным на базе конкретного жизненного опыта. Но по мере глубокого развития когнитологии и психолингвистики, с середины 1970-х гг. лингвисты начали активно использовать термин «концепт» и отличать его от термина «понятие».

Ю. С. Степанов считает, что «концепт» и «понятие» – это термины разных наук. Первый – термин из культурологии и лингвокультурологии, а второй – из логики и философии. Понятие «определяется», а концепт «переживается». Концепт включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, эмоциональных и бытовых явлений [Степанов, 1997, с. 19–20]. С другой стороны, М. В. Пименова, разграничивая эти термины, полагает, что «понятие» – это часть концепта, а сами понятийные признаки входят в его структуру [Пименова, 2011, с. 126].

Ю. В. Акимцева в результате подробного обзора приходит к выводу, что «понятие» представляет собой термин в лингвистической науке и отражает самые общие и ключевые черты об объекте; а «концепт» – термин в когнитивной и психологической науках, имеет эмоциональную окраску. В отличие от понятия концепт зависит от культуры, опыта и психологической особенности человека [Акимцева, 2017].

Отличая концепт от понятия, русские ученые рассматривают термин «концепт» как «абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки», которые сохраняются в ментальной карте человека в виде «представлений, знаний, понятий, ассоциаций, переживаний» [Степанов, 1997, с. 41–42]; «ментальное образование, своеобразный фокус знаний о мире, когнитивная структура, включающая разнотипные единицы оперативного сознания» [Пименова, 2004, с. 45–47]; «орудие не только человеческого познания, но и моделирования памяти как одной из составляющих сознания, обеспечивающее хранение информации и ее воспроизведение» [Чернейко, 1997, с. 64].

Мы разделяем трактовку Л. О. Чернейко, у которой под концептом понимается единица ментальных ресурсов, хранящая и отражающая знания и опыт индивида.

Рассмотрев сущность концепта в соотношении с понятием, перейдем далее к его типологии. Как выше отмечено, концепты обладают разными средствами языковой репрезентации и одновременно могут делиться на разнообразные типы, и поэтому исследование типологии концептов до сих пор представляет собой актуальную и существенную задачу когнитологии и психолингвистики. Так, ученые классифицируют концепт по различным основаниям: по содержанию [Бабушкин, 1996; Попова, Стернин, 2001; Пименова, 2004], по ассоциативным признакам [Слышкин, 2004], по структурным принципам [Шведова, 2005], по степени абстрактности содержания [Вежбицкая, 1999] и т. д.

Среди вышеупомянутых самыми авторитетными и популярными являются классификации концепта по содержательному признаку [Лыткина, 2009; 2010].

Представим некоторые из них, чтобы показать подходы к типологизации.

- 1) А. П. Бабушкин различает инсайты, мыслительные картинки, сценарии, гиперонимы, схемы, фреймы, калейдоскопические концепты [1996, с. 43–67];
- 2) З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют концепты-представления, понятия, схемы, фреймы, сценарии и гештальты [2001, с. 72–74];
- 3) М. В. Пименова дифференцирует идеи, символы, образы, культурные концепты, причем внутри последней подразделяются дополнительно универсальные, социально-культурные, национальные, этические, мифологические концепты [2004, с. 10].

Как видно из классификаций, М. В. Пименова предлагает наиболее подробную типологию. Все представленные выше ученые выделяют категории концептов по типам содержания представления знаний.

Мы присоединяемся к представителям содержательной классификации. Концепт трактуется ими как «зонтичное» понятие, покрывающее различные виды ментальных явлений, которые соотносятся с разными форматами отображения знания. Иными словами, большой и разнородный объем знаний, *относящихся к одному концепту*, хранится, обрабатывается, (пере)структурируется и систематизируется в сознании человека в разных конфигурациях, в разной плотности и соотношенности. Это относится в равной мере и к таким разновидностям концепта, как гештальт, образ, фрейм.

Перед тем как более подробно рассмотреть эти три категории (основные, на наш взгляд, концептуальные единицы) в их соотношении друг с другом в терминах современной психолингвистики, подчеркнем мысль о том, что концепт – это крупное ментальное образование, а гештальт, образ, фрейм выступают как подчиненные «видовые» разновидности проявления этого большего образования. Это значит, что они соотносятся с первым как гипонимы с гиперонимом.

«Фрейм», «гештальт» и «образ»: термин, признаки, иллюстрации

Фрейм. Впервые термин «фрейм» (от англ. frame) был использован М. Минским, который находился под влиянием работ Ф. Бартлетта и Т. Куна, для объяснения способности человека овладевать новыми знаниями и интегрировать их со структурами опыта, существующими в памяти. По его – к сожалению, крайне абстрактному – определению, фрейм является «когнитивной структурой», которая может помочь осознать обширную группу явлений либо процессов и «сетью, состоящей из узлов и связей между ними» [Minsky, 1974, p. 7]. Он рассматривает фрейм как схему, специфика которой состоит в том, что она представляет и структурирует знание, значимое для понимания и интерпретации языковых выражений. «Фрейм – это знание о типизированной ситуации» [Ibid.]. Заметим в этой связи, что, согласно Е. Ф. Серебренниковой, фрейм можно разложить в виде формулы *фрейм = знание 1 + знание 2 + знание 3 + знание n* [Серебренникова, 2021, с. 30].

В 1970-х гг. Ч. Филлмор перенес понятие «фрейм» в лингвистику, соответственно сузив и конкретизировав его содержание. У него фрейм представляет собой «когнитивную структуру, концептуальные знания, заранее сформированные и интегрированные в слова» [Fillmore, Atkins, 1992, p. 75]. Иначе говоря, фреймы являются особыми когнитивными структурами, задача которых – стереотипизация языкового сознания, реализуемая с помощью сети ассоциаций и вербальных коммуникаций.

Рассматривая фрейм как разновидность концепта, российские ученые определяют фрейм следующим образом: «схема сцен, совокупность хранимых в памяти ассоциатов» [Бабушкин, 1996]; «многокомпонентный концепт, совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» [Попова, Стернин, 2001].

Вслед за Ч. Филлмором китайские лингвисты признают его статическую характеристику, выделяя следующие его признаки: 1) иерархичность; 2) системность; 3) культурная релятивность [Юй Цзинхэ, 2005; Сяо Кайжун, 2012].

На основе вышеприведенных утверждений можно с высокой степенью вероятности постулировать, что фрейм представляет собой концептуальную единицу *статического* типа, которая генерируется в рамках типовой ситуации. Многокомпонентный концепт – это совокупность *стандартных* знаний о явлении или предмете, который характеризуется целостностью его компонентов. Например, фрейм *коммерческие мероприятия* включает в себя четыре компонента: покупатель, продавец, товар и деньги. Все эти компоненты неразрывно связаны между собой, поэтому, когда в коммуникации упоминается какой-либо один компонент,

коммуниканты могут быстро ассоциировать его с остальными, тем самым активируя полный фрейм, что и дает им возможность адекватно понять мысль отправителя сообщения.

Но существует и другая точка зрения, в соответствии с которой фрейм группируется вокруг концептов и имеет модельную структуру [Ziem, 2008; Ван Дейк, 1989]. Как утверждает Т. А. ванн Дейк, «фреймы не являются произвольно выделяемыми “кусками” знания. Они являются единицами, организованными “вокруг” некоторого концепта» [Ван Дейк, 1989, с. 16–17]. Другими словами, фрейм формируется вокруг концептов, так как ассоциируется с концептами. Однако поскольку фрейм включает в себя слоты, конкретные наполнители (концепты) и общепринятые ценности, то, соответственно, он воплощает в себе единство статики (в части системности) и динамики (в части наполнения и ассоциаций) [Серебренникова, 2021, с. 35]. Например, в сознании носителей немецкого языка концепт *HEUSCHRE-SKE* (букв. саранча) в своем метафорическом значении «мелкие зарубежные финансовые инвесторы»¹ вводится во фрейм «государство», в слот «финансовая ситуация» с оценкой «крах» [Там же].

Несмотря на представленные трактовки данных авторитетных ученых, мы поддерживаем мнение о статичности фрейма. Фрейм, на наш взгляд, в качестве категории концепта содержит типизированное – устоявшееся, универсализованное – знание о ситуации. В результате мы имеем возможность понять смысл языковой единицы или текста с опорой на общепринятое в социуме знание, составляющего его (социума) пресуппозиционную базу. Что касается динамической природы когнитивной структуры, на наш взгляд, она очевидным образом присуща «сценарию».

Гештальт является одной из широко признанных схем организации разнообразного опыта человека, который включает мысли, чувства, моторную и речевую деятельность. В переводе с немецкого гештальт – это форма, образ или общий вид. Данный термин заимствован лингвистикой в ходе междисциплинарного взаимодействия с психологией, где он трактуется как «паттерн, конфигурация, определенная форма организации индивидуальных частей, которая создает целостность. <...> Основная идея гештальта состоит в том, что это <...> полное, покоящееся в себе целое»² [Перлс, 1996, с. 16].

Однако в (психо)лингвистических исследованиях термин «гештальт» еще не приобрел четкого определения. Имеется ряд подходов к его осмыслению.

В когнитивной лингвистике проблемой гештальт-структур занимался Дж. Лакофф. Ученый понимает гештальт как «способ оязыковления смысла, спонтанно для говорящего, и способ осмысления языковой формы, интуитивно-рационально – для слушающего» [Lakoff, 1996, p. 352].

По мнению Дж. Лакоффа, лингвистические гештальты

- 1) включают в себя несколько типов свойств – грамматические, семантические, фонологические, функциональные;
- 2) представляют собой способ соотнесения глубинных значений с поверхностными формами их вербальной передачи.

В российском языкознании циркулируют разные определения гештальта. Так, И. А. Стернин указывает, что гештальт представляет собой «закрепленный словом целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» [1998, с. 59]. По его мнению, фрейм, сценарии и тому подобные структуры представляют собой разновидности гештальта.

¹ В русском биржевом жаргоне они именуется относительно нейтральным термином «(финансовые) спекулянты».

² Основная предпосылка гештальт-психологии в отличие от других теорий состоит именно в том, что человеческая природа организована в виде целостных паттернов, и не может быть воспринята и понята по частям.

У Н. Н. Болдырева наблюдается близкое к этому понимание, когда он относит гештальт к наивысшей ступени познания, предполагающей владение разными категориями концептов, которые в процессе познания актуализируют свой понятийный, образный, фреймовый, схематический и другие уровни [2001, с. 36–38].

Л. О. Чернейко не придерживается психолингвистической трактовки термина. По ее мнению, дефиниция гештальта через понятия «образ», «фрейм» и др. некорректна. Гештальт в ее трактовке основан на импликации; это «импликатура глагольной (или именной) сочетаемости имени», чем он и отличается от образа, который эксплицирован [1997, с. 249]. Она относит гештальт к структурной метафоре.

Мы разделяем точку зрения И. А. Стернина и Н. Н. Болдырева. На наш взгляд, гештальт является ментальным продуктом, отражающим принцип целостности человеческого восприятия: он не может сводиться к частным категориям и свойствам суммы элементов, из которых он состоит. Гештальт как способ хранения знаний и концептуализации мира соединяет в себе чувственное и рациональное в их единстве и целостности.

Возьмем несколько примеров функционирования гештальта в сфере профессиональной деятельности. Специалистами по верстке в их профессиональной речи часто используется словосочетание «тяжелый файл». Это файл значительного объема со сложными схемами, который сложно копировать и пересылать через Интернет. В данном употреблении кроме понятийных элементов («файл», «схемы», «копировать») вербализуются также и эмоциональные («тяжелый», «большой»). В процессе общения говорящий описывает файл как что-то целое – без детализации частностей [Голованова, 2014, с. 124]. В речи академического сообщества – как у преподавателей, так и у студентов – активируются свои гештальты, например, *защита магистерской диссертации*. Это понятная всему академическому сообществу деятельность, которой можно дать рациональное определение. Но при этом преподаватели и студенты по-разному относятся к этой процедуре аттестации, особенно студенты, поскольку для них это рубежное испытание, отмеченное глубокими эмоциональными коннотациями [Там же].

Итак, гештальт отличается от фрейма следующими характеристиками:

- 1) гештальт – это целое, состоящее из ряда компонентов, но при этом представляющее собой нечто большее, чем простая сумма частей; рациональные компоненты в нем как бы склеиваются между собой чувственно-модальными составляющими;
- 2) гештальт – это более глубинная категория, которая включает в свой состав не только признак целостности, но и оценочность, ее признаки;
- 3) гештальт объединяет статические и динамические аспекты отображаемого явления или объекта воедино.

Образ. Во многих научных дисциплинах понятие «образ» является одним из ключевых. В рамках российской психологии образ получил достаточно широкое теоретическое осмысление. Под образом, по мнению многих психологов, понимается единица сознания, отражающая свойства организации всего сознания в целом (см. работы Shepard, Horowitz, А. А. Гостева, С. Д. Смирнова, П. И. Зинченко и др.).

В «Глоссарии психологических терминов» термин «образ» определяется как «субъективная представленность предметов окружающего мира, обусловленная как чувственно воспринимаемыми признаками, так и гипотетическими конструктами. <...> Образ также определяется характером практических действий, в процессе которых исходный образ видоизменяется, все более удовлетворяя практическим нуждам» [Губин, 1999, с. 97]. В таком толковании автор обращает свое внимание на *субъективность* и *динамичность* образа.

Термин «образ» в толковании «Большого психологического словаря» обладает безграничностью (от образа микрочастицы до образа вселенной), причем все содержание дается в нем *одновременно* [Мещеряков, Зинченко, 2009, с. 342].

А. Н. Леонтьев определяет образ как многоуровневое целостное образование, обладающее системой значений и полем смысла [1983, с. 253]. По его мнению, чувственная ткань –

это «материя образа», без которой образ не мог бы существовать. Схожее мнение высказывает и В. В. Петухов: «Образ – это многоуровневая целостная система представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности» [1984, с. 17].

Таким образом, в российской психолингвистике под образом понимается результат перцептивного процесса в познавательной деятельности человека, который эксплицитно отражает абстрактное знание схем действий и манипуляций с объектом изучаемой действительности [Величковский, 2006, с. 55].

Китайские русисты также обращают внимание на понятие «образ». Они рассматривают образ как отражение окружающего мира в мозге человека [Чжан Синьвэй, 2012; Сюй Гаоюй, 2008], проявляющееся в следующих характеристиках [Сюй Гаоюй, 2008]:

- 1) образ не совсем идентичен объекту, который отражает;
- 2) образ формируется самопроизвольно и стихийно, он не контролируется волей человека;
- 3) образ характеризуется субъективностью;
- 4) образ способен содержательно углубляться и расширяться в сознании человека в процессе накопления опыта и знаний.

Основываясь на достижениях психологов, И. А. Стернин и М. Я. Розенфельд выделяют разные типы образов: образ-факт, образ-эпизод и образ-прототип [2008, с. 186].

На наш взгляд, тип «образ-прототип» свидетельствует о *стандартности* образа (стандартные реакции на определенные стимулы). Например, в ассоциативном эксперименте, проведенном среди китайцев, большинство испытуемых ассоциирует слово-стимул 秋 (осень) с *листвой, урожаем хлебных злаков и фразеологическими оборотами* [Янь Кай, Чжу Хуадунь, 2021, с. 93]. Данные реакции можно, действительно, назвать стандартными для носителей китайской культуры, равно как в сознании носителя русского языка великий русский поэт – *Пушкин*, великая русская река – *Волга* и т. д.

Из сказанного очевидно, что образ характеризуется национально-культурной специфичностью. Например, все слова, обозначающие *элементы природы (вода, гора, солнце, луна, огонь* и др.), будучи результатами их активации в сознании, могут описываться как образы: кроме астрономических интерпретаций в сознании носителей языка эти образы также отражают перцептивное отношение индивида к объектам восприятия, способ мышления носителей той или иной культуры и их мировоззрение.

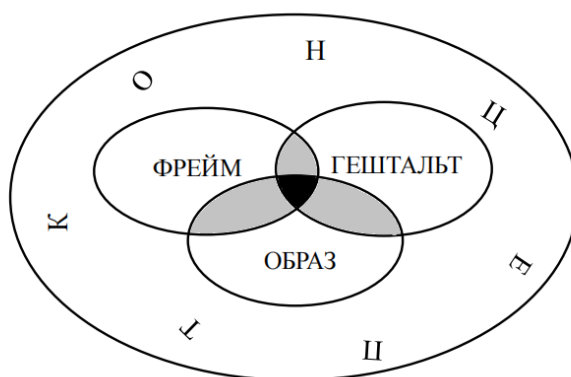
Подобное толкование образа отличается от образов в художественных произведениях. В литературоведении образ определяется как воссоздание, изображение любых предметов, объектов – людей, других живых существ, явлений предметного мира (образы природы, образы городов, образы вещей и т. д.) [Николаев, 2006]. В этом случае образы не только отражают реальность, но и создают вымышленный мир, который читатели иногда воспринимают как настоящий.

Что касается отличия образа от гештальта и фрейма, то оно обусловлено тем, что образ представляет собой более сложную категорию, соединяющую динамичность и статичность, целостность и иерархичность в совокупности. Образ предстает как субъективная интерпретация человеком реальности, которая формируется в процессе одновременного или параллельного видения *двух явлений и предметов*, при этом данное видение материализуется скреплением имен в единую номинацию. Образ приближается к *символическим репрезентациям* сознания.

Обсуждение

Рассмотренные нами термины «фрейм», «гештальт» и «образ» являются способами концептуализации окружающего мира, имеющими значительные расхождения по категоризации физических характеристик явлений, объектов и предметов, способами их репрезентаций

в виде ментальных соответствий, а также способами их представления в языке. Между собой они соотносятся как *смежные* категории концептов (см. рисунок).

Категоризация мира в концептуальных категориях
Categorization of the world through conceptual categories

Как известно, в математике смежность определяется принадлежностью вершин многоугольника или многогранника к одному ребру. Иными словами, смежность – это примыкание разных предметов к общему ребру. Так, мы «заимствуем» категорию «смежность» из математики и используем ее метафорически в психолингвистическом исследовании для описания функционально близких когнитивных структур, которым присущи и общность, и дифференциальность. Очевидно, что рассматриваемые нами категории – это гипонимы относительно гиперонима «концепт», которые активируются в сознании человека как функционально близкие ментальные механизмы, но обладают различной структурой и содержанием в зависимости от того, какие элементы внешнего мира в них отражаются (см. таблицу).

Критерии разграничения *фрейма*, *гештальта* и *образа*
Distinction criteria between *frame*, *gestalt* and *image*

Критерии		Фрейм	Гештальт	Образ
Структурируемость	целостность	–	+	+
	иерархичность	+	–	+
Степень изменчивости	статичность	+	±	–
	динамичность	–	±	+
Типизация знания		+	±	±
Культурная релятивность		±	±	+
Категоризация внешнего мира	реальный	+	+	+
	вымышленный	–	–	+
Символизм репрезентации в сознании		–	–	+

Из таблицы видно, что, хотя фрейм, гештальт и образ имеют ряд общих характеристик, они *не равнозначны*, а имеют статус *смежности* относительно друг друга. Так, смежные термины «фрейм», «гештальт» и «образ» характеризуются следующим образом.

(1) По критерию *структурируемости* фрейм, опираясь на совокупность существующих моделей структур знания, представляет собой *многокомпонентный* концепт; гештальт и об-

раз представляют объекты восприятия как *единое целое*, при этом фрейм и образ могут быть смежными по линии «иерархичность».

(2) По степени изменчивости фрейм является концептуальной единицей *статического типа*, гештальт сочетает *статiku и динамiku*, тогда как образу присуща динамичность.

(3) По критерию «*типизация знания*» фрейм представляет *типизированное* знание о предмете или явлении; гештальт соединяет в себе *чувственное и рациональное* знание; образ, как и гештальт, формируется *субъективно*, отражая отношение индивида к заданному объекту, при этом может указывать на *стереотипность* знания для определенной социальной группы.

(4) Образ обладает несомненной *культурной релятивностью* представления картины мира, тогда как фрейм и гештальт *не всегда* культурно насыщены.

(5) Все три понятия категоризируют *реальный* мир во внутренней картине мира индивида, однако образ нередко категоризирует также и *вымышленный*.

(6) Образ приближается к *символическим репрезентациям сознания*.

Заключение

В данной статье нами проанализированы основные категории концепта – фрейм, гештальт и образ. Учитывая большой разброс мнений относительно содержания данных когнитивных структур, мы ставили в качестве основной задачи следующий вопрос: *как, по каким параметрам их можно разграничить, выявляя степень равнозначности, близости и смежности ряда их характеристик?* Данная задача видится нам как методологически важный вопрос, поскольку ее решение способствует их более эффективной операционализации – установлению связей между концептуальными единицами и последующего измерения показателей описываемых явлений с их помощью. Безусловно отрицая равнозначность концептуальных категорий «фрейм», «гештальт», «образ», мы отмечаем их функциональную и структурную смежность на ряде общих и отличительных свойств. В частности, *категоризация реального мира* является общим признаком для всех категорий; *статичность, целостность, иерархичность, динамичность, типизация знания и культурная релятивность* – смежными для двух единиц из трех; а признаками *категоризация вымышленного мира и символизм репрезентации в сознании* обладает только категория «образ».

Список литературы

- Акимцева Ю. В. Характерные черты отечественного и зарубежного подходов в изучении концептуальной метафоры // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 193–195.
- Аскольдов С. А. Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология / Ин-т народов России и др.; под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. 317 с.
- Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 103 с.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по англ. филологии. Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «Зарубеж. филология». Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. 122 с.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 776 с.
- Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
- Величковский Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания: В 2 т. М.: Смысл, Академия, 2006. Т. 2. 430 с.

- Голованова Е. И. Образ, понятие, гештальт как форматы профессионального знания // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2014. № 6 (335). С. 122–125.
- Губин Н. Глоссарий психологических терминов. М.: Наука, 1999. 302 с.
- Леонтьев А. Н. Образ мира // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. / Под ред. В. В. Давыдова и др. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261.
- Лыткина О. И. Проблемы изучения концепта в современной лингвистике // Rhema. Рема. 2009. № 4. С. 67–80.
- Лыткина О. И. К вопросу о типологии концептов в современной лингвистике // Rhema. Рема. 2010. № 2. С. 68–75.
- Мешеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. 4-е изд. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.
- Николаев П. А. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн-Пресс, 2006. 584 с.
- Перлс Ф. С. Гештальт-подход и Свидетель терапии: [Пер. с англ.]. М.: Либрис, 1996. 240 с.
- Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1984. № 4. С. 13–20.
- Пименова Е. Е. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.
- Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4. С. 126–132.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 189 с.
- Серебренникова Е. Ф. Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации: Монография / Под общ. ред. Е. Ф. Серебренниковой. Иркутск: Изд-о ИГУ, 2021. 285 с.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 339 с.
- Степанов Ю. С. Словарь русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 1997. 824 с.
- Стернин И. А. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. Мю, 1998. С. 55–67.
- Стернин И. А., Розенфельд М. Я. Слово и образ. Монография. Воронеж: Истоки, 2008. 243 с.
- Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997. 319 с.
- Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. 639 с.
- Янь Кай, Чжу Хуадунь. Сопоставительный анализ категоризации концепта *ОСЕНЬ* в русском и китайском языковом сознании // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 87–103. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-87-103
- Fillmore, Ch. J., Atkins, B. T. S. Towards a Frame-based Lexicon: The Semantics of RISK and its Neighbors. In: Lehrer A., Kittay E. F. (eds.). Frames, Fields and Contrasts. New Essays in Semantic and Lexical Organization. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1992, pp. 75–102.
- Lakoff, G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. Chicago, University of Chicago Press, 1996, 421 p.
- Minsky, M. A framework for representing knowledge. Cambridge, 1974, 81 p.
- Ziem, A. Frames und sprachliches Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz. Hrsg. von Ekkehard Felder. Wissenschaftlicher Beirat: M. Hundt, W. A. Liebert, Th. Spranz-Fogasy, B. Wanning, I. H. Warnke, M. Wengeler. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2008, 485 S.
- Сюй Гаоюй (许高渝). 俄罗斯心理语言学和外语教学. 北京: 北京大学出版社, 2008. 360页.
- Сяо Кайжун (肖开容). 翻译中的框架操作. 西南大学, 2012.
- Чжан Синьвэй (张新卫). 俄语语言世界图景多维研究. 南京师范大学, 2012.
- Юй Цзинхэ (俞晶荷). 框架语义研究与翻译. 上海外国语大学, 2005.

References

- Akimtseva, Yu. V.** Characteristic features of domestic and foreign approaches to the study of conceptual metaphor. *Bulletin of VSU. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2017, no. 4, pp. 193–195. (in Russ.)
- Askoldov, S. A.** Russian literature: from the theory of literature to the structure of the text: Anthology. Institute of Peoples of Russia and others; ed. by V. P. Neroznak. Moscow, Academia, 1997, 317 p. (in Russ.)
- Babushkin, A. P.** Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of language. Voronezh, Voronezh State Uni. Press, 1996, 103 p. (in Russ.)
- Boldyrev, N. N.** Cognitive semantics: (A course of lectures in English philology): Proc. manual for university students studying in the specialty “Foreign Philology”. Tambov, Tambov State Uni. Press, 2002, 122 p. (in Russ.)
- Cherneiko, L. O.** Linguistic and philosophical analysis of an abstract name. Moscow, 1997. 319 p. (in Russ.)
- Dijk, T. A. van.** Language. Cognition. Communication. Trans. from English. Comp. by V. V. Petrova; ed. by V. I. Gerasimov. Moscow, Progress, 1989, 312 p. (in Russ.)
- Fillmore, Ch. J., Atkins, B. T. S.** Towards a Frame-based Lexicon: The Semantics of RISK and its Neighbors. In: Lehrer A., Kittay E. F. (eds.). *Frames, Fields and Contrasts. New Essays in Semantic and Lexical Organization*. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1992, pp. 75–102.
- Golovanova, E. I.** Image, concept, gestalt as formats of professional knowledge. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2014, no. 6 (335), pp. 122–125. (in Russ.)
- Gubin, N.** Glossary of psychological terms. Moscow, Nauka, 1999, 302 p. (in Russ.)
- Lakoff, G.** Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. Chicago, University of Chicago Press, 1996, 421 p.
- Leontiev, A. N.** Image of the world. Leontiev, A. N. Selected psychological works: In 2 vols. Ed. by V. V. Davydova et al. Moscow, Pedagogy, 1983, vol. 2, pp. 251–261. (in Russ.)
- Lytkina, O. I.** Problems of studying the concept in modern linguistics. *Rhema*, 2009, no. 4, pp. 67–80. (in Russ.)
- Lytkina, O. I.** To the question of the typology of concepts in modern linguistics. *Rhema*, 2010, no. 2, pp. 68–75. (in Russ.)
- Meshcheryakov, B. G., Zinchenko, V. P.** Big psychological dictionary. 4th ed. Moscow, AST; St. Petersburg, Prime-Eurosign, 2009, 811 p. (in Russ.)
- Minsky, M.** A framework for representing knowledge. Cambridge, 1974, 81 p.
- Nikolaev, P. A.** Literature and language. Modern illustrated encyclopedia. Moscow, Rosmen-Press, 2006, 584 p. (in Russ.)
- Perls, F. S.** Gestalt approach and Witness therapy: [Trans. from English]. Moscow, Libris, 1996, 240 p. (in Russ.)
- Petukhov, V. V.** The image of the world and the psychological study of thinking. *Vestnik Moscow University. Series 14, Psychology*, 1984, no. 4, pp. 13–20. (in Russ.)
- Pimenova, E. E.** Soul and spirit: features of conceptualization. Kemerovo, Graphics, 2004, 386 p. (in Russ.)
- Pimenova, M. V.** Conceptual research and national mentality. *Humanitarian vector. Series: Pedagogy, psychology*, 2011, no. 4, pp. 126–132. (in Russ.)
- Popova, Z. D., Sternin, I. A.** Essays on cognitive linguistics. Voronezh, Voronezh State Uni. Press, 2001, 189 p. (in Russ.)
- Serebrennikova, E. F.** Dynamics and statics in the knowledge of the reality of language: approaches, phenomena, methods of representation. Monograph. Ed. by E. F. Serebrennikova. Irkutsk, ISU, 2021, 285 p. (in Russ.)

- Shvedova, N. Yu.** Russian language: Selected works. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2005, 639 p. (in Russ.)
- Slyshkin, G. G.** Linguistic and cultural concepts and metaconcepts. Monograph. Volgograd, Peremena Publ., 2004, 339 p. (in Russ.)
- Stepanov, Yu. S.** Dictionary of Russian culture. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 1997, 824 p. (in Russ.)
- Sternin, I. A.** Concepts and gaps. In: Linguistic consciousness: formation and functioning. Moscow, 1998, pp. 55–67. (in Russ.)
- Sternin, I. A., Rosenfeld, M. Ya.** Word and image. Monograph. Voronezh, Istoki Publ., 2008, 243 p. (in Russ.)
- Velichkovsky, B. M.** Cognitive science: the foundations of the psychology of knowledge. In 2 vols. Moscow, Smysl, Academia, 2006, vol. 2, 430 p. (in Russ.)
- Vezhbitskaya, A.** Semantic universals and description of languages. Moscow, Yazyki Russkoy kultury, 1999, 776 p. (in Russ.)
- Xiao Kairong.** Frame manipulation in translation. Southwest University, 2012. (in Chin.)
- Xu Gaoyu I.** Russian Psycholinguistics and Foreign Language Teaching. Beijing, Beijing Uni. Press, 2008, 360 p. (in Chinese)
- Yan Kai, Zhu Huadun.** Comparative Analysis of the Categorization of the Concept *OCEHB* (Autumn / Fall) in Russian and Chinese Language Consciousness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 87–103. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-87-103
- Yu Jinghe.** Framework Semantics Research and Translation. Shanghai International Studies University, 2005. (in Chin.)
- Zhang Xinwei.** A Multidimensional Study of the Russian Language World Landscape. Nanjing Normal University, 2012. (in Chin.)
- Ziem, A.** Frames und sprachliches Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz. Hrsg. von Ekkehard Felder. Wissenschaftlicher Beirat: M. Hundt, W. A. Liebert, Th. Spranz-Fogasy, B. Wanning, I. H. Warnke, M. Wengeler. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2008, 485 S.

Информация об авторах

Ван Чжицянь, аспирант

Полина Пурбуевна Дашинимаева, доктор филологических наук, профессор

Information about the Authors

Wang Zhiqiang, PhD Student

Polina P. Dashinimaeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 28.01.2022;
одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 10.04.2022
The article was submitted 28.01.2022;
approved after reviewing 31.03.2022; accepted for publication 10.04.2022*

Научная статья

УДК 811.512.157

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-41-48

Эталоны сравнения с глаголами лексико-семантической группы отрицательного воздействия на объект в языке саха

Виктория Ивановна Харабаева

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

Stabilo.83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4803-1805>

Аннотация

Исследование семантических особенностей глагольных лексем как особого класса слов остается актуальной проблемой в современной лингвистике. В статье выявляются особенности функционирования эталонов сравнения, выраженных глаголами лексико-семантической группы отрицательного воздействия на объект на материале якутского языка. Глаголы, характеризующие отрицательное воздействие на объект, разделены на подгруппы: 1) глаголы повреждения объекта; 2) глаголы нанесения удара; 3) глаголы активного воздействия на объект с нанесением ему вреда вплоть до гибели. В сравнениях с эталонами, выраженными глаголами данной семантической группы, преобладают конструкции двух типов: 1) конструкции с эталоном сравнения, оформленным аффиксом *-лыы*; 2) конструкции с послелогом *курдук* 'как будто, подобно'. В сравнительных конструкциях более распространен ситуативно-эмоциональный тип эталона. Эталоны сравнения употребляются в основном при описании психического состояния, а также различных ситуаций или внешнего вида чего-либо.

Ключевые слова

якутский язык, лексико-семантические группы, глагол, отрицательное воздействие, объект, сравнительные конструкции, эталон сравнения

Для цитирования

Харабаева В. И. Эталоны сравнения с глаголами лексико-семантической группы отрицательного воздействия на объект в языке саха // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 41–48. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-41-48

Standard Comparison References for Verbs Meaning Negative Impact on the Object in the Yakut Language and Literature

Victoria I. Kharabaeva

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation

Abstract

Semantic studies of verbal lexemes as a special class of words that are significant and central in the sentence remain an urgent issue in modern linguistics. The article reveals the functioning of standards of comparison (the term intro-

© Харабаева В. И., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 41–48
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 41–48

duced by Maya Cheremisina to denote common natural references used in comparative constructions to evaluate, estimate or grade the effect caused by an action) with the verbs meaning “negative impact on the object”. The study is based on the material of the Yakut language and literature. The paper uses a lexico-semantic approach and the method of continuous sampling for collecting the material from lexicographic sources and fiction.

Verbs of physical negative impact on the object are divided into the following subgroups: 1) verbs damaging an object; 2) verbs striking an object; 3) verbs of great impact on the object, harming it up to bringing it to death. In comparative constructions with the verbs of this lexical-semantic group two types prevail: 1) constructions using the affix *-lyy*; 2) constructions with the postposition *kurduk* ‘as if, like’. In comparative constructions, the situational-emotional type of comparison is more common. Standards of comparison are used mainly when describing a mental state, various situations or the appearance of something. Verbs with the meaning of striking as a standard of comparison in the Yakut language are mainly used to describe sudden shock or confusion. Verbs with the meaning ‘beat with a whip, rod or willow’ and verbs with the meaning ‘sting, butt’ are compared to an action that occurs all of a sudden, impetuously. Verbs with the meaning ‘hit, prick, stab a thing with an object’ are used when comparing an action with a description of any sound, noise or physiological actions that happen with the body. Verbs with the meaning ‘deteriorate an inanimate object or damage some part of it’ are mainly used to describe the appearance of something.

Keywords

Yakut language, lexical-semantic groups, verb, negative impact, object, comparative constructions, standard of comparison

For citation

Kharabaeva, V. I. Standard Comparison References for Verbs Meaning Negative Impact on the Object in the Yakut Language and Literature. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 41–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-41-48

Введение

Глагольные лексемы являются такими «номинативными единицами, в значении которых фиксируются и закрепляются разные по своему содержанию семантические признаки, всевозможные ракурсы связей глагольного “действия”, “состояния” и т. п. с предметами и лицами, производящими эти действия или подверженные им» [Усманова, 2002, с. 58]. В последние десятилетия классификация глаголов по лексико-семантическим группам в разных языках привлекает внимание как лексикологов, так и представителей смежных дисциплин. Разделение глаголов по лексико-семантическим группам (далее – ЛСГ) позволяет наиболее полно осветить особенности функционирования их семантики. Полученная информация будет также способствовать решению вопроса об иерархической структуре глаголов в якутском языке.

В российской лингвистике классификация глаголов по семантическим характеристикам имеет достаточно длительную историю. Общее мнение, выраженное в работах А. А. Уфимцевой (1986), Д. Н. Шмелева (1973), О. С. Ахмановой (2004), В. И. Кодухова (1974), М. К. Шаковой (1984) и др., сводится к тому, что ЛСГ – это группировка слов одной части речи, объединенных однородностью или близостью значения. В числе последних работ по семантической классификации тюркской глагольной лексики можно выделить исследования М. Г. Усмановой [2002], М. Д. Чертыковой [2016], Р. А. Тадиновой [2005] и др.

В якутском языкознании исследование лексико-семантических групп глаголов обусловлено значимостью и центральной ролью данной части речи в формально-семантической структуре предложения, а также недостаточной изученностью глагольных ЛСГ в якутском языке.

Предмет исследования статьи – выявление особенностей функционирования эталонов сравнения, выраженных глаголами ЛСГ отрицательного воздействия на объект на материале якутского языка. Научная новизна определяется тем, что исследование эталонов сравнения, выраженных глаголами различных семантических групп, в якутском языкознании ранее не проводилось.

В статье применяются лексико-семантический подход и метод сплошной выборки при формировании материала из лексикографических источников и художественной литературы.

Источниками анализируемого материала послужили сравнительные конструкции с глагольными эталонами, выбранные из произведений якутских писателей, а также рукопись «Лексико-семантические группы имен и глаголов якутского языка (указатель)»¹ (2021) и «Толковый словарь якутского языка» [ТСЯЯ 2004–2019 гг.].

Результаты исследований и обсуждение

Основной целью данной статьи является анализ функционирования глаголов ЛСГ отрицательного воздействия на объект в качестве эталонов сравнительных конструкций. Однако сначала нужно описать семантические пределы понятия «отрицательное воздействие»² и дать общее представление о принципах выделения глаголов этой семантики и их классификации на подгруппы.

Глаголы отрицательного воздействия на объект относятся к большой ЛСГ глаголов физического воздействия на объект. Семантика глаголов физического воздействия на объект в различных языках, включая якутский, подразделяется исследователями на многочисленные подгруппы. Так, например, Д. Ф. Хакимзянова классифицирует глаголы данной группы по следующим семантическим микрогруппам: 1) глаголы давления; 2) глаголы удара; 3) глаголы касания; 4) глаголы очищения; 5) глаголы обработки; 6) глаголы рытья; 7) глаголы изменения положения; 8) глаголы приведения в состояние непокоя; 8) глаголы повреждения объекта; 9) глаголы отрицательного воздействия на объект; 10) глаголы разрушения; 11) глаголы соединения; 12) глаголы присоединения; 13) глаголы разделения; 14) глаголы отделения [Хакимзянова, 2008].

Группы глаголов со значениями 'глаголы повреждения объекта', 'глаголы нанесения удара', 'глаголы активного воздействия на объект с нанесением ему вреда, вплоть до разрушения для неодушевленного объекта' и 'глаголы лишения жизни для живого существа' объединяются нами в составе общей ЛСГ 'глаголы отрицательного воздействия на объект', поскольку все лексемы, относящиеся к этой лексико-семантической группе, содержат в своей семантике значение отрицательного воздействия на объект. При этом под отрицательным воздействием нами понимается как физическое воздействие на объект в прямом смысле с нанесением ему ущерба, повреждений или смерти, так и негативное моральное давление на живое существо. Опишем их состав и функционирование в деталях.

1. Группа 'глаголов повреждения объекта' подразделена на две подгруппы: 1) глаголы повреждения неодушевленного объекта; 2) глаголы повреждения тела живого существа.

Глаголы повреждения тела живого существа. В данную подгруппу объединяются лексемы с основным значением 'повреждать (повредить) тело или какую-либо часть тела живого существа, нанося ему ущерб (поломав, поранив и т. п.), причиняя тем самым физические страдания': *аал-* 'раздражать, причинять боль трением; натирать'; *бааһырт-* 'наносить рану кому-л.'; *буһар-* 'обвариться, обжечься'; *быс-* 'порезать (чем-л. острым) (например, *ингиригин быс* 'разрывать сухожилие')'; *дэһнээ-* 'нанести травму кому-л., увечить, поранить, ушибить'; *дьуккурут-* 'поранить, содрать, ободрать кожу, нанести телу неглубокое повреждение'; *эчэт-* 'причинить травму, увечье кому-л., получить травму' и т. д.

Глаголы повреждения неодушевленного объекта. В данную подгруппу объединяются лексемы с основным значением 'повреждать (повредить) какую-либо часть неодушевленного объекта, нанося ущерб': *алдьат-* '1. Повреждать, портить, ломать, привести в негодность какую-л. вещь. 2. Выводить из первоначального состояния, нарушать порядок, нормальное, приличное состояние чего-л.'; *булгурут-* 'ломать наотрыв, переламывать (что-л. твердое и не тонкое)'; *буорту гын-* 'испортить, портить, ломать; расстроить'; *буортулаа-* 'испортить';

¹ Лексико-семантические группы имен и глаголов якутского языка (указатель). Рукопись / Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Якутск, 2021.

² Синонимом этого понятия может выступать словосочетание «негативное воздействие», особенно если речь идет об одушевленном объекте (единичном или коллективном).

бутуй- 'приводить что-л. в беспорядок'; *быһан ыл-* 'отрывать'; *дьабайдаа-* 'марать, пачкать, размазывать'; *дьабахтаа-* 'запачкать, заляпать что-л. чем-л. жирным, липким'; *дьөл-* 'просверлить, пробить отверстие в чем-л., продырявить что-л.'; *дьүдэйт-* 'ослабить, ухудшить общее состояние чего-л.'; *илдьирит-* 'превращать в лохмотья; приводить в негодность (путем долгого ношения, пользования)' и т. д.

2. Глаголы нанесения удара. Отдельную группу глаголов с семантикой отрицательного воздействия на объект составляют глаголы нанесения удара. Типовая семантика данной группы 'наносить удары руками или ногами по кому-чему-л.': *дөйүт-* 'сильным ударом по голове оглушить кого-л.'; *кулаа-* 'бить, ударять с размаху; ударить наотмашь'; *кырбаа-* 'бить, ударять по чему-л. твердому'; *кэй-* 'бодать'; *лигий-* 'бить, колотить, стучать чем-л. по чему-л. или бить кого-л. обо что-л. (например, о стену)'; *обус-* 'ударять, бить, стучать (например, кулаком, ладонью)'; *саай-* 'с силой ударить кого-что-л.'; *сыс-* 'бить, избивать, наносить удары'; *түнэлээ-* 'бить, колотить, избивать'; *тэп-* 'бить ногой, пинать кого-что-л., лягать (о копытных животных)' и т. д.

3. Глаголы активного воздействия на объект с нанесением ему вреда вплоть до гибели. Типовая семантика: активное воздействие на объект с нанесением ему вреда вплоть до гибели, смерти, сокрушения, уничтожения. Базовые глаголы: *кыдый-* 'уничтожать, истреблять', *өлөр-* 'убить кого-л., забивать (дичь, скот и т. д.)', *суох онгор* 'уничтожить'. В их составе по признаку одушевленности выделяются две подгруппы.

Глаголы разрушения неживого объекта. Основная семантика – 'разрушать (разрушить) что-либо, сломав, приведя в негодность и уничтожив', т. е. 'прекратить существование чего-либо': *алдьат-* '1. Разбивать, раскалывать (например, посуду) 2. Разрушать, портить (например, дорогу, почву, природу тяжелой техникой)'; *бараа-* 'уничтожать, истреблять что-л.'; *дьизгинит-* 'сильно расшатать, погубить, уничтожить что-л.'; *дэлбэрит-* 'разбивать, раскалывать'; *ингнэр-* 'расстраивать, разрушать, уничтожить (посредством грубой силы)'; *кэрт-* 'рубить дерево'; *сууһар-* 'сокрушить, уничтожить, разрушить что-л.'; *сытыт-* 'гноить' (*оту сытыт* 'гноить сено'); *умат-* 'сжечь, спалить' (*сарайы умат* 'сжечь сарай') и т. д.

Глаголы лишения жизни живого существа. Довольно большую группу составляют глаголы со значением 'лишать (лишить) жизни (убивать, убить) кого-либо': *бараа-* 'уничтожать, истреблять животных'; *буорсаа-* '1. Убивать на охоте крупного зверя (например, медведя, лося). 2. перен. Убить, прикончить (человека)'; *быс-* 'уничтожать; лишать жизни'; *дьакый-* '1. Убивать кого-л., расправляться с кем-л. безоружным. 2. Уничтожать, убивать врага'; *дьаһай-* 'убить кого-л.'; *дьобулаа-* 'убить, расправиться, разделаться'; *дьууктаа-* '1. Расправляться с кем-л, убивать кого-л. без суда и следствия. 2. Уничтожать, истреблять хищников'; *өлөр-* 'убить кого-л., забивать (дичь, скот и т. д.)'; *өһөр-* 'губить, истреблять, уничтожать (например, врагов и т. д.)'; *сайылаа-* 'убивать, убирать, лишать жизни кого-л., избавляться от кого-л.' и т. д.

Рассмотрим теперь функционирование глаголов ЛСГ отрицательного воздействия на объект в составе сравнительных конструкций.

Сравнение объектов с целью выявления черт сходства или различия между ними является важной предпосылкой процесса познания и обобщения. В лингвистике логическая операция сравнения предполагает сопоставление двух объектов: «сравниваемый объект, выступающий как объект сравнения – первый компарат, и объект, с которым первый сопоставляется, выступающий как средство сравнения – второй компарат» [Крысин, 2003, с. 460]. Под эталоном сравнения понимается «слово или сочетание слов, привлеченное для описания, объяснения другого предмета или явления» [Мезенин, 1969, с. 7]. В основе сравнения лежит «образ, который является тем общим, что ассоциативно связывает предмет сравнения и явление окружающего мира, устанавливая их общие признаки, качества в результате близости или общ-

ности впечатлений от них» [Юй Фэнин, 2016, с. 47]. При этом основными свойствами сравнений, на наш взгляд, являются образность³ и оценочность.

По типу сравнительных конструкций в нашем материале наиболее часто встречаются сравнительные конструкции с показателем *курдук* 'подобный, словно, как', состоящие из глагольной формы в качестве эталона и показателя *курдук*. Второй распространенный тип сравнительных конструкций представляют конструкции с эталоном сравнения, оформленным аффиксом *-лыы*. Форма на *-лыы* в якутском языке занимает переходное, промежуточное положение между падежными формами и наречными образованиями [Васильев, 1986, с. 48] и близка по семантике к функционально аналогичным русским единицам 'подобно тому, как, словно'.

В якутском языке наиболее характерными являются следующие сравнительные конструкции с глаголами ЛСГ отрицательного воздействия на объект:

1) причастные формы с показателем *курдук* (*охсубут курдук* 'как будто ударили', *быһан ылбыт курдук* 'словно отрезали');

2) предикативное склонение причастий с показателем *курдук* (*тигээйи тикпитин курдук* 'как будто ужалила пчела', *кэрпиттэрин курдук* 'как будто срубили');

3) причастие + афф. *-лыы* (*аалбытыныы* 'словно натер', *быһабынан быһа соппутунуу* 'словно порезал ножом');

4) пассивные конструкции (*уоска оҕустарбыт курдук* 'словно ударенный по губе', *биһлээбинэн астарбыт курдук* 'как будто ударенный колким предметом') и конструкции сложноподчиненного предложения, в которых показатель *курдук* или аффикс *-лыы* присоединяет к главному предложению придаточное предложение: *Дьахталлар уот салаабытын курдук күргүөмүнэн күлсэн чабаарыһа түстүлэр* (ММТ, 51) 'Женщины гурьбой громко засмеялись, словно огонь опалил'.

Глаголы со значением нанесения удара в качестве эталона сравнения в якутском языке в основном употребляются при описании внезапного шока или неожиданно возникшего замешательства:

Ийэ эрэйдээх эмискэ кэнниттэн кэтэххэ бэрдэрбит курдук буолаахтаата, кулгааҕа чункунаата (С УТИ, 10) 'Бедная мать стала такой, как будто внезапно сзади ударили по затылку, уши заложило';

Ол иһин да, (дьахталлар), кини киирээтин уоска оҕустарбыт курдук ньым барбыттар эбит (АД КД, 36) 'Оказывается, поэтому (женщины), когда он вошел, замолчали, как будто ударили по губам';

...этиһээччилэр эмискэ уоска бэрдэрбит курдук ах баран хааллылар (СК ХуоХ, 61) '...сорящиеся вдруг замолчали, как будто их ударили по губам';

Ити тыллартан сирэйгэ бэрдэрбит курдук, эмээхсин төбөтө хонох гына түһээт, хонкулдьуйбат буолан хаалла (СК ХуоХ, 234) 'От этих слов, словно ударили по лицу, старуха высоко подняла голову и перестала двигать головой'.

Бычыа, быарга оҕустарбыттыы, һык эрэ диэн хаалла (БЭЭО, 59) 'Бычыа, словно его ударили по печени, не смог ничего сказать'.

Глаголы со значением 'бить кнутом, прutom, тальником' и глаголы со значением 'ужалить, бодать' сопоставляются с действием, которое происходит внезапно, порывисто:

Хобороос талабынан иэнгэ курбуулаппыттыы, өрө чинэрис гынаат, таһырдыа ыстанан табыста (ИГ ХК II, 67) 'Хоборос, словно ее ударили тальником по спине, вытянулась и выскочила на улицу';

«Хайа, догоор, буо!» — диэтэбинэ, сытыы чыпчаххайынан курбуулаппыт курдук ходоох гынарын чахчы (АА СК, 191) 'Если он скажет: "Что это такое!", — правда выпрямишься, словно тебя стегнули тонким прutom';

³ Как отмечает В. М. Мокиенко, «основа образности – способность создать наглядно-чувственные образы предметов и явлений» [1980, с. 127].

Сытыы чыпчахайынан быһыта биэрэн эрэрди иһиттэн тэтимнээхтик чангынаата (ИГ ХК II, 9) 'Он от души ритмично закричал, словно стегают острым прутком';

Тээллэриис, бүүргэ кэйдэрбит куһаҕан борооску курдук сарылаат, чардааттан ыстанан кэбистэ (ИГ ХК II, 163) 'Тээллэрис, вскрикнув, как забоданный в почки телец, прыгнул с памятника';

Боссоой, тигээйи тикпитини кэдэрис гынаат, тура экирээтэ (ИГ ХК II, 206) 'Боссой, лугнувшись, словно его ужалила пчела, вскочил'.

Глаголы со значением 'ударять, колоть, вонзять предмет в объект' употребляются при сравнении действия с описанием:

1) какого-либо звука, шума:

Ат сиэллэбинэ, көндөй уһааты дүңсүйбүт курдук тыаһыыр (ИГ ХК II, 95) 'Когда лошадь бежит, издаются звуки, словно ударяют пустой ушат';

Тымныттан сир хайыта тонгон, бухатыыр балталаабытыны "лүг" гынара (БЭЭО, 48) 'От мороза землю заморозило трещинами, гулко звучало, словно богатырь ударяет молотом';

2) физиологических действий, происходящих с организмом:

Охсуу күүһүттэн төбөм иһэ куолакалы охсубуттуу дүңкүнээбитэ (АГ У, 33) 'От силы удара в голове загудело, словно ударили в колокол';

Кыһалба сүрүбэ быһабынан аспыттыы сытыытык ыалдьан ылла (ИГ ХК II, 283) 'Сердце Кысалга пронзила острая боль, словно ударили ножом';

3) пристального взгляда:

(Дьахтар) бүргэһинэн үүттүүр курдук Хабырыһы тэһэ көрбүтүгэр этин сааһа арыллан, тингилэбэ дьырылаан ылла (ИГ ХК II, 9) 'Когда женщина посмотрела на Хабырыса пристально, словно хотела проткнуть илом, ему стало [так] сильно не по себе, что охватило дрожью стопы';

Надя мин диэки, кыахтааба буоллар, агаардас көрүүтүнэн дьөлө үүтүөхтүү тоно-луппакка одуулуу турарыгар харабым хаста даҕаны хатанна (ММТ, 11) 'Мой взгляд несколько раз зацепился за то, как Надя пристально смотрит на меня, словно хочет проткнуть взглядом, если бы могла'.

Глаголы повреждения неодушевленного объекта со значением 'повреждать (повредить) какую-либо часть неодушевленного объекта, нанося ущерб' в основном употребляются при описании внешнего вида чего-либо:

Муоһа уон тобус салаалааба, ким эрэ элбэхтик миинэн, кыпчыйбыт атабынан аалбытыны, агдата курдуу соролообут түүлээх үһү (ИГ ХК II, 32) 'Его рог имел девятнадцать разветвлений, бока вытерлись, словно кто-то при частой езде на нем, перетер сжатыми ногами';

Хоту кырытыгар хамыйабынан эмти быһан ылбыт курдук, кэлтэгэй төбөлөөх соботох сүдү булгуннах үллэн турар (АА СК, 190) 'На северной стороне стоит огромное возвышение с щербатой головой, словно с краю отрезали большой ложкой';

(Кыысчаан) Сылай биир көтөбү үргээбит, онто илдьириһэн түһэн мөкүлэрин ньии, танасчыл тамыйах кэбийбитигэр дылы буоланнар (ВГ АДЪТКС, 11) 'Девочка нарвала целую охапку, но они выглядели так плохо, словно теленок, любящий пожевать одежду, сжевал'.

Из группы **глаголов разрушения объекта** глагол *тобо тарпыт курдук* 'как будто со-рвали' часто употребляется при описании шума, гвалта как устойчивое сочетание:

Ыгырыа уйатын тобо тардыбыт курдук, күүгүнэһи буола түстэ (ИГ ХК II, 29) 'Внезапно встал гомон, словно сломали пчелиный улей';

Улуус киинин балыһата иһигэр киридэххэ, ыгырыа уйатын тобо тарпыт курдук суугунаан-саабынаан, киһи төбөтө хайа барыах айылааба (ММТ, 101) 'Внутри улусной больницы было так шумно, словно сорвали пчелиный улей'.

Заключение

Таким образом, в рамках предложенной классификации нами рассмотрено функционирование в качестве эталонов сравнения подгруппы глаголов, объединенных единой семантикой отрицательного воздействия на объект. Отрицательное воздействие на объект подразумевает физическое воздействие на объект с нанесением ему ущерба, повреждений или смерти. Было установлено, что глаголы данной семантики отличаются преднамеренной установкой на достижение осознаваемой цели. При этом глаголы повреждения объекта и глаголы нанесения удара описывают изменение формы, поверхности и качественных признаков объекта, а глаголы активного воздействия на объект с нанесением ему вреда вплоть до гибели изменяют количественные признаки объектов, приводят к негодности или уничтожению объектов.

Установлено, что в сравнениях более распространен ситуативно-эмоциональный тип эталона, поскольку он позволяет более наглядно и образно обрисовать ситуацию.

Типом сравнения называется специфическая процедура языкового выражения подобия между двумя состояниями и действиями, одно из которых ситуативное, а второе используется в качестве внеситуативного (константного) эталона для оценки силы воздействия первого.

Конструкции с эталоном сравнения, оформленным аффиксом *-лыы*, и конструкции с послелогом *курдук* выражают равенство между сравниваемыми элементами, семантически синонимичны и могут быть взаимозаменяемы.

Отрицательное воздействие на объект может осуществляться и с моральной, и с физической стороны, поэтому в эталонах присутствует комплекс признаков как психического, так и физического состояния.

Список литературы

- Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1986. 112 с.
- Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 450–455.
- Мезенин С. М. Конструкции современного английского языка, имеющие значение сравнения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. 19 с.
- Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1980. 207 с.
- Тадинова Р. А. Глагольные тюркизмы в кавказских языках. М.: Сов. писатель, 2005. 193 с.
- ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2004–2019.
- Усманова М. Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2002. 429 с.
- Хакимзянова Д. Ф. Семантическая деривация глаголов физического воздействия на объект в русском, татарском и английском языках: Автореф. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 24 с.
- Чертыкова М. Д. Глаголы со значением психической деятельности в хакасском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Абакан, 2016. 500 с.
- Юй Фэнин. Устойчивые сравнения, характеризующие лицо человека в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 255 с.

Список источников

- АА СК – Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм. Дьокуускай: Бичик, 1994. 360 с.
- АГ У – Андрей Геласимов. Утатыы. Нууччалыыттан тылбаастаатылар: А. Г. Гуринов, В. Н. Луковцев, Д. Н. Макеев. Дьокуускай: Айар, 2021. 272 с.

- АД КД – Ангелина Данилова. Кэтэһиэ дуо?: сэхэн уонна кэпсээннэр. Дьокуускай: Бичик, 2014. 96 с.
- С УТИ – Сыкына. Үрүн түүн имэнэ. Дьокуускай: Бичик, 2017. 128 с.
- СК ХуоХ С. Н. Курилов. Ханидуо уонна Халерхаа. 1 книга. Якутский: Якуткнигоиздат, 1971. 404 с.
- БЭЭО – Барыта эн эбээт, олох... кэпсээннэр. Дьокуускай: Бичик, 2013. 320 с.
- ИГ ХК II – И. Гоголев. Хара кыталык. Книга II. Якутский: Кинигэ изд-вота, 1982. 288 с.
- ММТ – Мин маннайгы тапталым: кэпсээннэр. Дьокуускай: Бичик, 2018. 160 с.
- ВГ АДЪТКС – Валентина Гаврильева. Акаары дьахтар туһунан кыра сэхэн. Дьокуускай: Бичик, 2019. 128 с.

References

- Chertykova, M. D.** Verbs with the meaning of mental activity in the Khakas language. Dr. of Philol. Sci. Diss. Abakan, 2016, 500 p. (in Russ.)
- Explanatory dictionary of the Yakut language. Novosibirsk, Nauka, 2004–2019. (in Russ.)
- Khakimzyanova, D. F.** Semantic derivation of verbs of physical impact on an object in Russian, Tatar and English. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Kazan, 2008, 24 p. (in Russ.)
- Krysin, L. P.** Ethnostereotypes in modern linguistic consciousness: to the formulation of the problem. In: Philosophical and linguoculturological problems of tolerance. Ekaterinburg, 2003, pp. 450–455. (in Russ.)
- Mezenin, S. M.** Constructions of modern English that have the meaning of comparison. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1969, 19 p. (in Russ.)
- Mokienko, V. M.** Slavic phraseology. Moscow, Higher school Publ., 1980, 207 p. (in Russ.)
- Tadinova, R. A.** Verbal Turkisms in the Caucasian languages. Moscow, Soviet writer, 2005, 193 p. (in Russ.)
- Usmanova, M. G.** Functional-semantic classification of the verbs of the Bashkir language. Dr. of Philol. Sci. Diss. Ufa, 2002, 429 p. (in Russ.)
- Vasiliev, Yu. I.** Ways of expressing comparison in the Yakut language. Novosibirsk, Nauka, 1986, 112 p. (in Russ.)
- Yu Fenging.** Stable comparisons that characterize a person's face in the Russian language picture of the world (against the background of the Chinese language). Cand. Philol. Sci. Dis. St. Petersburg, 2016, 255 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Виктория Ивановна Харабаева, кандидат филологических наук

Information about the Author

Victoriya I. Kharabaeva, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 02.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.04.2022; принята к публикации 25.04.2022
The article was submitted 02.02.2022;
approved after reviewing 10.04.2022; accepted for publication 25.04.2022*

Научная статья

УДК 81

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-49-63

Системы воинских званий в Вооруженных силах РФ и Вьетнамской народной армии: структурно-семантические сходства и различия

Доан Тхук Ань

Академия военных наук
Ханой, Вьетнам
doanthucanhk12@gmail.com

Аннотация

Военная номенклатурная терминология представляет собой особый слой лексического состава любого языка. Воинское звание является одним из важнейших показателей персонального уровня, достигнутого военнослужащим по отношению к другим военнослужащим в рамках установленной общегосударственной иерархической системы. С помощью воинских званий устанавливаются отношения подчиненности и старшинства между военнослужащими, соответствие занимаемым должностям, предельный возраст пребывания на военной службе и сроки перевода в запас. Системе воинских званий каждой страны присущи свои формально-семантические особенности, тесно связанные с историей их возникновения. В данной статье мы рассмотрим систему воинских званий в Вооруженных силах РФ и Вьетнамской народной армии (СРВ) с синхронной точки зрения. Этимология данного пласта слов-названий показывает, что именно должностные обязанности диктуют появление в языке слов, обозначающих воинские звания. Сопоставление воинских званий в двух странах показывает, что структурно-семантическое соответствие в их структуре есть, но оно далеко не полное, поскольку каждой системе присущи свои особенности и история возникновения. С лингвистической точки зрения интересно отметить роль внешнего языкового и военно-организационного фактора: если на формально-семантическую структуру воинских званий в русском языке сильное влияние оказали европейские (в большей степени немецкие) образцы, то во вьетнамской военной терминологии в основном сохранились ханвьетские термины. Статья дает общую характеристику системе воинских званий, в том числе историческому происхождению соответствующих названий, выявляет особенности лексики, обозначающей воинские звания в РФ и СРВ, освещает употребление слов, обозначающих воинские звания в русском и вьетнамском языках как в общении, так и в служебной записи. Итоги представленной работы могут иметь определенное значение для лексикографии и практики перевода в военной, газетно-информационной и общекультурной коммуникации.

Ключевые слова

специфика терминообразования, воинские звания, система наименований званий, сокращения воинских званий, военнослужащие

Для цитирования

Доан Тхук Ань. Системы воинских званий в Вооруженных силах РФ и Вьетнамской народной армии: структурно-семантические сходства и различия // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 49–63. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-49-63

© Доан Тхук Ань, 2022

Systems of Military Ranks in the Armed Forces of the Russian Federation and Vietnamese National Army

Doan Thuc Anh

Military Science Academy
Ha Noi, Viet Nam
doanthucanhk12@gmail.com

Abstract

The military rank is one of the most important indicators of the personal level achieved by a serviceman in relation to other servicemen within the established nationwide hierarchical system. Military ranks help establish relationships of subordination and seniority between military personnel, compliance with the positions held, and the age limit for military service and in the reserve. Military ranks are insignia of military personnel. The system of military ranks in each country has its own characteristics and origin. Military ranks in the Russian and Vietnamese armies vary depending on the historical period. The formation of the system of personal military ranks went through the centuries-old stages of their evolution. As we know, the changes taking place in society are reflected in the language in the form of an appropriate vocabulary design. Military nomenclature terminology is a special layer of the lexical composition of any language. As a specific layer of military vocabulary, on the one hand, it reflects a direct impact of extralinguistic factors on the language, and on the other hand, it contributes to the manifestation of certain general trends in the development and functioning of the national language. In this article, we will consider the system of military ranks in the armed forces of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam from a synchronous point of view. The article gives a general description of the system of military ranks, reveals the features of the vocabulary denoting military ranks in the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam, highlights the use of words denoting military ranks in Russian and Vietnamese languages in communication and in official records. The results of the presented work may have a certain significance for lexicography and translation practice.

Keywords

specificity of term formation, military ranks, the system of rank names, reductions in military ranks, military personnel

For citation

Doan Thuc Anh. Systems of Military Ranks in the Armed Forces of the Russian Federation and Vietnamese National Army. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 49–63. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-49-63

Введение

Военная номенклатурная терминология представляет собой особый слой лексического состава любого языка, поскольку перемены, происходящие в обществе, его армии и на флоте, отражаются в языке в виде соответствующего словарного оформления.

Для различия военнослужащих по воинским званиям в вооруженных силах в разных государствах применяются знаки воинских званий. К ним относятся два главных элемента: погоны, нарукавные и / или нагрудные знаки, а также ряд дополнительных – кокарда, пуговицы, другие элементы навоенной форме одежды и иногда сами элементы формы одежды.

Погоны созданы для разграничения служебных обязанностей между военнослужащими, так как чем выше статус, тем больше обязанностей ложится на их плечи. Порядок присвоения воинских званий в каждом государстве определяется правовой системой данного государства. Современная система воинских званий как в РФ, так и в СРВ сложилась в процессе становления и развития регулярной армии и не раз претерпевала изменения. Поэтому, как отмечает российский военный переводчик и специалист по дальневосточным языкам В. А. Сербин, исследовавший данный вопрос в переводческом аспекте, «перевод номенклатурных понятий вызывает немало трудностей. Переводчик по роду своей деятельности вынужден <...> искать реалии в родном языке», призывая «провести стандартизацию и унификацию систем номенклатурных понятий <...> двух языков». Это позволит «обеспечить полное понимание в диалоге между представителями армий двух государств [Сербин, 2021,

с. 30, 32]. Мы признаем существование такой проблемы и надеемся внести вклад в ее успешное разрешение, рассмотрев ее с вьетнамской стороны.

В данной статье системы воинских званий в Вооруженных силах РФ и СРВ будут также рассмотрены в сопоставительном плане по преимуществу с синхронной точки зрения. Цель статьи состоит в том, чтобы дать общую характеристику двум системам воинских званий (ВС РФ и СРВ), выявить сходства и различия в формально-семантической структуре воинских званий, осветить употребление слов, обозначающих воинские звания в русском и вьетнамском языках как в обыденном неформальном общении, так и в служебных документах.

Результаты исследования и обсуждение

Понятие о воинских званиях

Воинские звания представляют собой систему иерархических отношений в вооруженных силах, полиции, спецслужбах или других учреждениях, организованных по военной линии. Система воинских званий определяет доминирование, власть и ответственность в военной иерархии. Она включает в себя принципы осуществления властных полномочий в военной цепочке командования, которая является важным компонентом организации коллективных действий. Это значит, что воинское звание является и одним из важнейших показателей персонального уровня, достигнутого военнослужащим по отношению к другим военнослужащим в рамках установленной общегосударственной иерархической системы, и выступает в качестве мощного мотивирующего фактора. В связи с этим фрейм воинских званий занимает важное место в картине мира военнослужащего любого государства [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 199–200].

На протяжении большей части военной истории системы ранжирования доказали свою эффективность для проведения военных операций, командования и координации сил, и, в частности, в обеспечении их материально-технической поддержки. Со временем военные операции становились все масштабнее и сложнее, число воинских званий росло, а сами системы рангов становились все более сложными¹. В современных вооруженных силах звания используются почти повсеместно.

Система воинских званий в Вооруженных силах Российской Федерации и Вьетнамской народной армии

Воинские звания в Вооруженных силах РФ. Системе воинских званий каждой страны присущи свои особенности и история возникновения. В русских войсках до середины XVI в. воинских званий не было. В ходе военных реформ Ивана Грозного звания *стрелецкий голова* и *сотник*, введенные для стрелецких полков, стали носить постоянный характер. Применение в русской армии европейских воинских званий началось в XVII в. и было связано с наймом на русскую службу иноземных полков: звания получали иностранные наемники. К концу того же века такие же чины стали присваиваться и командирам русского происхождения.

Особая роль в истории становления системы воинских званий в царской армии принадлежит Петру I. При нем началась европеизация России, была введена в созданной им регулярной армии и единая система воинских званий (точнее, чинов!), которая была аналогична западноевропейской системе² и окончательно оформлена в Табели о рангах 1722 г. В резуль-

¹ Ранг используется не только для обозначения лидерства, но и для установления уровня оплаты труда. По мере повышения звания возрастает уровень оплаты труда, но вместе с ним и объем ответственности.

² При этом очень важная роль принадлежит немецкой терминологии и военнослужащим немецкого происхождения в старой российской армии, которых было очень много среди офицерского состава. На это указывает, в частности, М. А. Чигашева [2002]. Характерно, однако, и то, что в XVII в. в самой немецкой терминологии большинство единиц было из французского языка, хотя встречались и звания из итальянского, арабского, испанского [Там же, с. 2].

тате в сухопутных войсках сложилась система воинских званий: *рядовой, ефрейтор, капрал* и т. д. Согласно Императорскому указу были введены новые чины в кавалерии, пехоте, морском флоте и гвардии.

Отличительной особенностью имперской России является то, что в Табель о рангах было вписано казачье войско, но оно считалось отдельной армией со своей системой званий. Впрочем, родового термина «звание» тогда еще не было, в этом качестве использовалось лишь слово «чин».

Данная Табель о рангах от 1722 г. просуществовала вплоть до отречения от престола Николая II и была отменена лишь в 1917 г. Развитие и совершенствование воинских чинов и званий в период с 1796 по 1917 г. было детально проанализировано и систематизировано совсем недавно историком А. П. Виноградовым в диссертации «Воинские чины и звания Русской армии и флота (1722–1917 гг.)» [2009]. До него часть вопросов, связанных с младшими офицерскими чинами российской армии в XVIII–XIX вв., рассматривалась в статье А. В. Канунникова [2000] и еще ранее в краткой заметке В. Гаврищука «Воинские звания в русской армии» [1991].

Однако сразу после Октябрьской революции декретом Советского правительства от 16 декабря 1917 г. чины, звания и титулы Российской империи были упразднены. Декретом ВЦИК «О порядке замещения должностей в Рабоче-крестьянской Красной армии» командиры отдельных частей, бригад, дивизий стали назначаться Наркоматом по военным делам, а командиры батальонов, рот и взводов рекомендоваться на должности местными военкоматами.

Тем не менее, во время Гражданской войны воинские звания сохранялись в вооруженных формированиях Белого движения в России и за рубежом, а потом возродились в коллаборационистских организациях в период Великой Отечественной (Второй мировой) войны, сначала продолжая традиционную дореволюционную иерархию и наименования, а впоследствии меняясь под немецким и отчасти даже советским влиянием.

В СССР воинские звания были введены постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 г. Некоторые оказались новыми, часть совпала с традиционными для русской армии и флота; введено высшее воинское звание – *Маршал Советского Союза*. Кроме того, во избежание ассоциировавшегося с Белой армией слова *генерал* до 1940 г. звания высшего состава основывались на сокращенных названиях командных должностей: *комбриг, комдив, командарм 2-го ранга, командарм 1-го ранга, флагман флота*. В 1940 г. генеральские и адмиральские звания были все-таки возвращены; были также восстановлены звания *ефрейтор* и *младший сержант* (новое звание). С 1943 г. в ВС СССР учреждены звания *маршал* и *Главный маршал родов войск*, с 1945 г. – Генералиссимус Советского Союза.

Для военнослужащих гвардейских частей и соединений КА и ВМФ приказом НКО СССР № 167 от 28 мая 1942 г. были введены гвардейские воинские звания. Они образовывались с добавлением слова «гвардии» перед основным званием (например, *гвардии рядовой*), в КА и в ВМФ перед воинским званием добавлялись слова «гвардейского экипажа» (например, *гвардейского экипажа политрук, гвардейского экипажа военврач 1-го ранга* и т. д.). В соответствии со статьей 9 Закона о всеобщей воинской обязанности от 1967 г. для военной службы характерно наличие института присваиваемых в установленном порядке персональных воинских званий, в соответствии с которыми военнослужащие и военнообязанные делились на начальников и подчиненных, старших и младших со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями.

В 1972 г. были введены звания *прапорщик* и *мичман*, позже добавлены воинские звания *старший прапорщик* и *старший мичман*.

В СССР соответствующие друг другу войсковые и корабельные ³ воинские звания считались равными, присваивались военнослужащим персонально и могли быть первыми или очередными.

Эта система в общем унаследована не только ВС РФ, но и в значительной части вооруженными силами других постсоветских государств.

Согласно федеральному закону от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021), конкретнее, по его статье 46 в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах устанавливаются следующие составы военнослужащих и воинских званий (см. табл. 1):

Таблица 1

Составы военнослужащих и воинские звания
в Вооруженных силах Российской Федерации

Table 1

Military personnel and military ranks
in the Armed Forces of the Russian Federation

Составы военнослужащих	Воинские звания	
	войсковые	корабельные
Солдаты, матросы, сержанты, старшины	рядовой ефрейтор младший сержант сержант старший сержант старшина	матрос старший матрос старшина 2 статьи старшина 1 статьи главный старшина главный корабельный старшина
Прапорщики и мичманы	прапорщик старший прапорщик	мичман старший мичман
Офицеры		
Младший офицерский состав	младший лейтенант лейтенант старший лейтенант капитан	младший лейтенант лейтенант старший лейтенант капитан-лейтенант
Старший офицерский состав	майор подполковник полковник	капитан 3 ранга капитан 2 ранга капитан 1 ранга
Высший офицерский состав	генерал-майор генерал-лейтенант генерал-полковник генерал армии	контр-адмирал вице-адмирал адмирал адмирал флота
	Маршал Российской Федерации	

Поясним понятийную структуру табл. 1. Составы описывают иерархию категорий (уровней) военнослужащих, которых три: низшая, включающая шесть «параллельных» званий-ступеней для армии и флота; средняя с двумя равноценными званиями для армии и флота;

³ В ВС РФ названия воинских званий Военно-морского флота и сухопутных войск различны. Ведь Военно-морской флот России как структурный вид вооруженных сил зародился раньше, чем сухопутные войска, что является гордостью моряков. «У России есть только два союзника – ее армия и флот» – крылатое выражение, предположительно, принадлежащее российскому императору Александру III (1845–1894 г.).

и высшая (или «офицерская»). В высшей значении иерархии подчеркивается с особой тщательностью и подробностью: среди офицеров выделяется три дополнительных состава, соотносимых семантически с признаком возраста, а именно: младший (по четыре звания), старший (по три звания) и высший (по четыре звания). Самое высокое звание – Маршал Российской Федерации – выходит за рамки сложившейся ранее системы и существует само по себе.

Таким образом, в современной России звания немного изменились, как и погоны, но незначительно. Различать звания между собой помогают погоны и их цвет. И сегодня должность военнослужащего определяется по количеству звезд на погоне.

Воинские звания во Вьетнамской народной армии

Датой создания Вьетнамской народной армии (ВНА) считается 22 декабря 1944 г. В этот день был создан первый отряд регулярных сил, которым командовал Во Нгуен Зиап. В дальнейшем Во Нгуен Зиап стал первым главнокомандующим ВНА. В мае 1945 г. отряды регулярных сил получили наименование «Армия освобождения Вьетнама». 4 ноября 1949 г. вьетнамские вооруженные силы (ранее носившие название «Армия защиты Родины») получили новое название – Вьетнамская народная армия. Был установлен призывной принцип комплектования армии. В настоящее время все подразделения ВНА находятся в одной из трех групп: *Основные силы* (*Chủ lực*), *Местные силы* (*Địa phương*), *силы народной обороны* (*Dân quân-Tự vệ*). Каждая из этих групп имеет свой резерв. В составе ВНА существуют следующие виды войск: *Сухопутные силы* (*Lục quân* – *lục* (суша) + *quân* (солдат)); *Силы пограничной охраны* (*Biên phòng Việt Nam* – *biên* (граница) + *phòng* (защитить)); *Военно-морские силы* (*Hải quân nhân dân Việt Nam* – *hải* (море) + *quân* (солдат)); *морская пехота* (*Lính thủy đánh bộ* – *lính* (солдат) + *thủy* (вода) + *đánh* (ударить) + *bộ* (суша)); *морская полиция* (*Cảnh sát biển Việt Nam* – *cảnh sát* (полиция) + *biển* (море)); *военно-воздушные силы и ПВО* (*Phòng không-Không quân* – *phòng* (защитить) + *không* (воздух) – *không* (воздух) + *quân* (солдат)); *Операции в киберпространстве* (*Tác chiến Không gian mạng* – *tác chiến* (вести военные действия) + *không gian* (пространство) + *mạng* (сеть Интернета)); *Силы обороны мавзолея президента Хо Ши Мина* (*Bảo vệ Lăng Chủ tịch Hồ Chí Minh* – *bảo vệ* (охранить) + *lăng* (мавзолей) + *Chủ tịch Hồ Chí Minh* (президент Хо Ши Мин)).

Название «Вьетнамская народная армия» было утверждено президентом Хо Ши Мином.

Первые воинские звания, сама их структура были установлены во Вьетнаме в 1946 г. первоначально на основе заимствований из системы воинских званий японской армии, разделенной на 5 уровней и 15 ступеней. Однако из-за военной обстановки эта система применялась редко, за исключением нескольких особых случаев. Система наименований воинских званий Вьетнамской народной армии была модифицирована в 1958 г. по образцу системы воинских званий Народно-освободительной армии Китая, введенной тремя годами ранее.

После этого несколько раз происходили изменения на уровне старших полковников и полковников (соответственно четырехзвездочный и трехзвездочный полковники). С 1982 г. звание «трехзвездочный полковник» было упразднено. С 1992 г. восстановлено звание трехзвездочного и четырехзвездочного полковников.

В соответствии со статьей 10 Закона об офицерах Вьетнамской народной армии 1999 г. система воинских званий офицеров состоит из трех уровней (младший, средний и высший составы), и каждый уровень имеет 4 ступени в порядке от самого высокого до самого низкого. В соответствии со статьей 8 Закона о военной службе 2015 г. воинские звания сержантов делятся на 3 ступени: *hạ sĩ* (младший сержант), *trung sĩ* (сержант), *thượng sĩ* (старший сержант), и, соответственно, воинские звания солдат делятся на 2 ступени: *bình nhì* (рядовой); *bình nhất* (ефрейтор).

Сегодня система воинских званий во Вьетнамской народной армии, претерпевшая некоторые незначительные изменения, в целом достигла уровня совершенства и стабильности (табл. 2). В соответствии с законом об офицерах Вьетнамской народной армии 2019 г. воен-

нослужащие по-прежнему подразделяются на 3 группы (состава): 1-я группа – *солдаты, матросы и сержанты*; 2-я – *прапорщики и мичманы*; 3-я – *офицеры (младшие, старшие и высшие)* (Сводный документ 24, 2019).

Таблица 2

Составы военнослужащих и воинские звания
во Вьетнамской народной армии

Table 2

Military personnel and military ranks
in the Vietnam People's Army

Составы военнослужащих	Воинские звания	
	войсковые	корабельные
Binh sỹ/ chiến sỹ (солдаты, матросы)	binh nhì (рядовой / рядовой 2 класса) binh nhất (ефрейтор / рядовой 1 класса)	binh nhì Hải quân (матрос) binh nhất Hải quân (старший матрос)
Hạ sỹ quan (сержанты)	hạ sỹ (младший сержант) trung sỹ (сержант) thượng sỹ (старший сержант)	hạ sỹ Hải quân (старшина 2 статьи) trung sỹ Hải quân (старшина 1 статьи) thượng sỹ Hải quân (главный старшина)
Офицеры		
Sỹ quan cấp úy (младший офицерский состав)	thiếu úy (младший лейтенант) trung úy (лейтенант) thượng úy (старший лейтенант) đại úy (капитан)	thiếu úy Hải quân (младший лейтенант) trung úy Hải quân (лейтенант) thượng úy Hải quân (старший лейтенант) đại úy Hải quân (капитан-лейтенант)
Sỹ quan cấp tá (старший офицерский состав)	thiếu tá (майор) trung tá (подполковник) thượng tá (полковник) đại tá (старший полковник)	thiếu tá Hải quân (капитан 3 ранга) trung tá Hải quân (капитан 2 ранга) thượng tá Hải quân (капитан 1 ранга) đại tá Hải quân (старший капитан 1 ранга)
Sỹ quan cấp tướng (высший офицерский состав)	thiếu tướng (генерал-майор) trung tướng (генерал-лейтенант) thượng tướng (генерал-полковник) đại tướng (генерал армии)	chuẩn đô đốc (контр-адмирал) phó đô đốc (вице-адмирал) đô đốc (адмирал)

Особенности лексики, обозначающей воинские звания в вооруженных силах РФ и ВНА

Становление системы персональных воинских званий также прошло вековые этапы своей эволюции. При этом следует отметить, что данная область военной терминологии практически идентична во многих лингвокультурах, тесно контактировавших с европейскими колониальными странами. Большое количество терминов, функционирующих в индоевропейских языках в течение нескольких столетий, имеет латинское происхождение. Подтверждением тому служат единые корни слов. Это слой так называемой интернациональной лексики: например, фр. *capitaine*, англ. *captain*, рус. *капитан*; англ. *commander* – рус. *командир*; фр. и англ. *lieutenant*, рус. *лейтенант*; англ. *major*, рус. *майор*. Некоторые воинские звания имеют одинаковые наименования во многих государствах. При этом иногда встречаются случаи так называемой омонимии, когда одинаково (или весьма близко) звучащие наименования означают звания, находящиеся на разных ступенях воинской иерархии.

Воинские звания появились в Западной Европе в XVI–XVII вв. сначала как названия командных должностей. Первым из них можно считать звание *капитан* (позднелат. *capitaneus* ‘военачальник’; от лат. *caput* ‘голова’), которое изначально означало командира отряда наемников. Слово *лейтенант* (фр. *lieutenant* ‘заместитель’) имело значение ‘заместитель капитана’. Русское слово *полковник* означало ‘командир полка’. Это слово соответствовало слову *colonel* в английском и французском языках, итальянскому званию *colonnello*, которые имели значение ‘командующий колонной’, т. е. построением во время перемещения полка на марше или наступления. Звание *подполковник* (*lieutenant-colonel*⁴), соответственно, указывало на заместителя полковника, как и лейтенант у капитана. С появлением батальонов *подполковник* стал назначаться командиром первого батальона полка. Во главе второго – четвертого батальонов полка стояли *майоры*, т. е. в переводе с лат. *старшие*. Еще в XIV в. старших капитанов, которым подчинялось несколько отрядов, возглавляемых обычными капитанами, стали называть *генерал-капитанами*. В результате появилось звание *генерал*. Заместителем *полного генерала* стал назначаться *генерал-лейтенант*, а ниже его по званию был *генерал-майор*.

В русскую терминологическую систему военных званий было введено значительное количество терминов из немецкого языка. Исключение составляет морская терминология. Она заимствована главным образом из английского и голландского языков: например, *матрос* (голланд. *matroos*), *боцман* (англ. *boatsman*, от *boot* – ‘лодка’ и *man* – ‘человек’), *лоцман* (голланд. *loodsman*), *мичман* (англ. *midshipman*) и др.

На это влияние указывает В. В. Виноградов, который в книге «Великий русский язык» пишет, что в процессе развития национального языка укреплялись и расширялись интернациональные средства выражения, складывалась интернациональная терминология науки и культуры, в основном одинаковая у всех европейских народов с античной латино-греческой языковой основой [Виноградов, 1945, с. 10]. Начало активного процесса реорганизации военно-морского дела он датирует эпохой Петра Великого⁵, сопровождавшейся «вторжением потока слов» из западноевропейских языков. Из немецкого пришли слова: *ефрейтор*⁶, *вахта*, *лагерь*; из польского языка были заимствованы или под влиянием польского были образованы некоторые наименования лиц начальствующего состава армии нового

⁴ От фр. *lieu* – место, и *tenir* – держать.

⁵ Впрочем, в русском языке необходимость в словах, обозначающих воинские звания, возникла гораздо раньше. Она была связана с появлением нового типа армии – регулярных войск, имеющих вполне определенную штатную иерархическую организацию.

⁶ Это слово оказалось трудным для восприятия на слух: в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера [1996] приводятся несколько уже полностью забытых вариантов слова *ефрейтор*, а именно *лефрейтор*, *ефлетур*, *ефлейтур*, *лефретор* [Чигашева, 2002, с. 3].

(солдатского) строя – *полковникъ* (польск. *poikownik*, *puikownik*), *подполковникъ* (польск. *podpuikonik*) [Виноградов, 1945, с. 10].

А что касается лексики, обозначающей воинские звания Вьетнамской народной армии, то система наименований званий в основном представляет собой ханвьетские заимствования: *trung tướng* – генерал-лейтенант, *thượng tướng* – генерал-полковник. Для воинских званий солдатского состава Вьетнамской народной армии характерна корневая морфема *bình* = солдат, боец. Эта категория включает в себя два воинских звания *bình nhì* = рядовой и *bình nhất* = ефрейтор. Ефрейтор – это воинское звание, присваиваемое рядовому за отличия в службе. Отсюда семантика вьетнамского звания *bình* + “*nhất* старший (передовой, т. е. лучший) солдат. Во Вьетнамской народной армии была еще одна категория между солдатами и офицерами – *прапорщики*, упраздненная в 1981 г., которая в российской армии существует. Слово состоит из морфемы *chuẩn* – готовиться, и *uý* – маркер младшего офицерского состава, т. е. тот, кто готовится стать офицером.

Офицерский состав во Вьетнамской народной армии делится на младших (*cấp úy*) и старших офицеров (*cấp tá*). Соответственно корневыми морфемами, образующими звания в этих категориях, являются *uý* (младший офицерский состав) и *tá* (старший офицерский состав).

Для воинских званий генеральского состава Вьетнамской народной армии (*cấp tướng*) также характерны морфемы, указывающие на степень старшинства в сочетании с корневой морфемой *tướng*: полководец, начальник (*thiếu tướng* – генерал-майор, *trung tướng* – генерал-лейтенант, *thượng tướng* – генерал-полковник, *đại tướng* – генерал-армии).

Что касается специальных военно-морских званий во вьетнамской армии, то морфологически они отличаются только на уровне высших офицеров (адмиралов), остальные же одинаковы для всех видов и родов войск. При этом звание *đô đốc* (адмирал) является опорным, к нему в производных званиях добавляются конкретизирующие морфемы *chuẩn* – «контр» и *phó* – «вице». В результате в системе воинских званий высшего офицерского состава военно-морских сил Вьетнамской народной армии образовалось три звания: *chuẩn đô đốc* (контр-адмирал), *phó đô đốc* (вице-адмирал) и *đô đốc* (адмирал).

При образовании слов, обозначающих воинские звания, во вьетнамском языке допустимо приписать слогу *đại* (старший) значение ‘военный’, которое реализуется в терминологических словосочетаниях *đại tá* – старший полковник (букв. четырехзвездочный полковник), *đại tướng* – генерал (букв. четырехзвездочный генерал). Говоря о российской военной терминологии, следует отметить формальное наличие званий *маршал родов войск* и *генералиссимус*. Правда, в настоящее время такие звания больше не присваиваются, однако в истории России они имели место и поэтому сегодня очень часто встречаются в текстах мемуарной литературы.

Древнее происхождение имеет и заимствованное слово *маршал*, этимология которого не очень ясна и связывается с англо-нормадским⁷, древневерхненемецким⁸ и даже кельтским. Маршал заботился о безопасности короля, дисциплинарном надзоре за двором, об организации внешнего хода гофтагов, а на войне с XII в. был предводителем всего войска [Властные институты..., 2011, с. 135–136].

На вьетнамский язык современное воинское звание *маршал* переводится как *nguyên soái*, а *генералиссимус* – *đại nguyên soái*.

⁷ LE PETIT ROBERT (1979) возводит современное французское слово *maréchal* к англо-нормандскому *marescal* и датирует 1086 г.

⁸ Согласно К. К. Кашлевой, предложившей недавно новый перевод первой авантюры «Песни о нибелунгах» [Кашлева, 2021, с. 127], в котором эта лексема встречается, слово *marschal* означало один из высших чинов при дворе того времени, а именно управляющего конюшнями и руководящего выездами (*comes stabuli*). Со ссылкой на Schützeichel (Шютсайхель) она уточняет, что слово *Marahscalk* состоит из двух корней: *marah* ‘лошадь’ и *scalc* ‘слуга’ и первоначально использовалось в древневерхненемецком для обозначения конюха [Schützeichel, 2011, S. 216].

Сравнение современных систем воинских званий в России и Вьетнаме

Система воинских званий офицера вьетнамской армии состоит из трех уровней, каждый из которых имеет 4 ступени в порядке от высокого до низкого. В категории сержантского состава во Вьетнамской народной армии нет звания старшины, а категория прапорщиков и вовсе отсутствует; в категории старших офицеров в Вооруженных силах РФ нет званий «старший полковник» (четырёхзвездочный полковник – *đại tá*), «старший капитан 1 ранга» (*đại tá Hải quân*) и т. д. Воинские звания во Вьетнамской народной армии, как и за рубежом, представляют собой систему с четко выраженной иерархией. Ввиду своей системности и логичности воинские звания и воинские формирования достаточно легко запоминаются и усваиваются. Кроме призывников военнослужащие ВНА делятся на две категории: офицеры (*sĩ quan*) и военнослужащие-специалисты (*quân nhân chuyên nghiệp* – *QNCN*). Все военнослужащие действительной службы ВНА делятся на солдат, сержантов, офицерский состав, генералов и адмиралов. Каждая категория военнослужащих имеет свою карьерную ступенчатость. Категория солдатского состава включает в себя два воинских звания: *bình nhì* – рядовой и *bình nhất* – ефрейтор.

Сержантскому составу присуща система, схожая с воинскими званиями в российской армии. Здесь следует отметить, что в российской армии есть воинское звание *старшина*, отсутствующее и не имеющее аналога во Вьетнамской народной армии. Для более точного подбора эквивалента данному термину следует обратиться к реалиям, существовавшим в истории Вьетнама. Путем сопоставительного анализа систем воинских званий в двух языках можно выяснить, что воинскому званию *старшина* соответствует вьетнамское *thượng sĩ nhất* (корабельное воинское звание *главный корабельный старшина* – *thượng sĩ nhất Hải quân*) [Сербин, 2021, с. 32]. Авторы-составители Русско-вьетнамского военного учебного словаря⁹ при переводе этих русских званий на вьетнамский язык используют соответствия *chuẩn úy* и *chuẩn úy Hải quân*. И все вышеперечисленные варианты перевода приемлемы в практике перевода.

Офицерский состав во Вьетнамской народной армии разделяется на младших (*cấp úy*) и старших (*cấp tá*) офицеров.

В Российской Федерации и во Вьетнаме действует два типа званий для военнослужащих – войсковые и корабельные (военно-морские, флотские) звания.

Для воинских званий генеральского состава Вьетнамской народной армии (*cấp tướng*) характерны такие же степени старшинства, как у русских: *thiếu tướng* – генерал-майор, *trung tướng* – генерал-лейтенант, *thượng tướng* – генерал-полковник и *đại tướng* – генерал-армии. В системе воинских званий высшего офицерского состава военно-морских сил Вьетнамской народной армии имеются три звания как системные различия: *chuẩn đô đốc* – контр-адмирал, *phó đô đốc* – вице-адмирал и *đô đốc* – адмирал. В России воинские звания данной категории включают в себя четыре ступени: *контр-адмирал*, *вице-адмирал*, *адмирал* и *адмирал флота*. В результате возникает полное соответствие высших званий в сухопутной армии и на флоте, поскольку адмирал флота соответствует генералу армии. В Вооруженных силах Российской Федерации встречается и звание *Маршал Российской Федерации*, чего нет во Вьетнамской народной армии.

Еще одно отличие в российской армии связано со званием *прапорщик*¹⁰, которое во Вьетнамской народной армии существовало, но было упразднено. В Вооруженных Силах СССР и в настоящее время в России прапорщик представляет собой отдельную категорию военнослужащих между сержантами, старшинами и младшими офицерами. Воинскому званию *старший прапорщик* во вьетнамском соответствует термин *chuẩn úy nhất*. В указанном сло-

⁹ Зыонг Ки Дык и Нгуен Данг Нгуен, издательство «Куан Дой Нян Зан». Ханой, 1982.

¹⁰ Прапорщик – изначально знаменосец. Слово образовано от *prápor* «знамя» по образцу нем. *Fähnrich* «прапорщик», собственно «знаменосец»: *Fahne* «знамя», швейцарско-нем. *Venner*; см. <https://lexicography.online/etymology/vasmet/п/прапорщик>.

варе слова *прапорщик* и *старший прапорщик* переводятся соответственно как *phó úy, phó úy nhất*.

Во Вьетнамской народной армии бытует также специфичное понятие *quân nhân chuyên nghiệp* (военнослужащие-специалисты). Это отдельная категория военнослужащих-контрактников, имеющих специальное техническое или иное профессиональное образование (например, техническое, командное, транспортное обеспечение и т. д.). Они проходят службу на основании заключенного контракта с Министерством национальной обороны.

В отличие от военнослужащих действительной службы, контрактники делятся на разряды в зависимости от уровня профессионального образования: младший, средний и высший состав (*sơ cấp, trung cấp, cao cấp*). Низшим звеном у военнослужащих-специалистов является «прапорщик военнослужащий-специалист» (*chuẩn úy QNCN*), а самым высоким – «полковник военнослужащий-специалист» (*thượng tá QNCN*). В силу такой асимметрии в переводе на русский язык это звание иногда передается очень непривычным словосочетанием *полковник-прапорщик*, которое невозможно понять в системе как действующих, так и существовавших ранее военных званий.

Употребление русских и вьетнамских обозначений воинских званий в служебном общении и в служебных нормативных документах

Иерархия званий неразрывно связана с военным этикетом и, в частности, с моделями обращения. В 20-х гг. XX в. в результате пролетарской революции Советская Россия отказалась от дворянских обращений и заменила их народными *товарищ* и *гражданин*. Эти же обращения были приняты и среди социал-демократов Европы – *camarade, citoyen* (фр.) и т. д. Слово *товарищ, товарищи* приобретает в Советской России значение «единомышленник, борющийся за интересы народа». Произошло четкое разграничение: *товарищи* – это большевики, те, кто верит в революцию. Господа – не товарищи, а враги.

Это повлекло за собой радикальную смену всей системы норм и правил советского воинского этикета, культуры общения военнослужащих советских Вооруженных сил, которые действуют и до сих пор, т. е. после формального падения советского строя и «реабилитации» в гражданской жизни обращений *господин, госпожа*. Общевоинские уставы Вооруженных сил РФ как свод законов жизни военнослужащих армии и флота придали нормам и правилам воинского этикета законодательный характер. Наиболее очевидны правила воинской вежливости, отраженные в главе «О воинской вежливости и поведении военнослужащих» (статьи 67–74 УВС ВС РФ). Там нормативно закреплён порядок обращения к военнослужащему на «вы» с употреблением слова *товарищ* как символа войскового товарищества.

В дальнейшей истории были и новации, которые свидетельствуют об определенном возрождении традиций старой русской армии. Так, ряд изменений, касавшихся взаимоотношений между военнослужащими, был зафиксирован в Уставе внутренней службы, учрежденном в 1946 г.: вводилась команда *Товарищи офицеры!*, которая должна была подаваться при встрече начальников.

Обращение *товарищ* с прибавлением соответствующего воинского звания употреблялось как в российской, так и во вьетнамской армии. И в настоящее время официально оно сохранилось: *Товарищ полковник! – Đồng chí đại tá!*

Во время встреч официально протокольного характера русские военнослужащие обращаются друг к другу по воинским званиям и фамилиям. При обращении к офицеру или другому военнослужащему нужно представиться, указывая при этом свое воинское звание и фамилию, например: *Лейтенант Иванов*. Старший (начальник) при обращении к младшему (подчиненному) в официальной обстановке общения может применить следующие формулы общения: *Товарищ сержант* и (или) *Сержант Петров*. В аналогичных условиях младший (подчиненный), обращаясь к старшему (начальнику), может использовать только одну формулу: *Товарищ капитан*. Можно привести и другие примеры: *Товарищ капитан! Взвод к за-*

нятиям готов. Командир взвода лейтенант Петров; Здравия желаем, товарищ капитан! Моя фамилия – подполковник Мешков; Здравия желаю, товарищ полковник! Младший лейтенант Иванов прибыл!; Рядовой Сидоров!; Товарищ рядовой!; Товарищ сержант, разрешите обратиться. Рядовой Попов; Товарищ полковник. Разрешите обратиться к капитану Иванову...

Что касается вьетнамцев, то в обыденной жизни люди называют друг друга *anh* (брат) и *em* (сестра), но, поступая на военную службу, они должны обращаться друг к другу словом *đồng chí* (т. е. товарищ, как и в России). Во вьетнамской военной речи подчиненные и младшие, обращаясь по вопросам службы к начальникам и старшим, называют их по воинскому званию, добавляя перед воинским званием слово *товарищ*. Например: *đồng chí thiếu tá* – Товарищ майор!. А начальники и старшие, обращаясь по вопросам службы к подчиненным и младшим, называют их или 1) по воинскому званию и полному имени (*thiếu úy Vũ Tấn Thắng* – младший лейтенант Ву Тхат Тханг), или 2) по воинскому званию и имени (*thiếu úy Thắng* – младший лейтенант Тханг), или 3) по воинскому званию, добавляя перед ним слово *товарищ* (*đồng chí thiếu úy* – Товарищ младший лейтенант!). К своему начальнику во ВНА разрешается и обращение *thủ trưởng* – командир, руководитель.

В служебной записи (особенно скорой) русских военнослужащих регулярным порядком допущено и принято краткое написание воинских званий.

1. Войсковые: к-н – капитан; м-р – майор; п/п-к – подполковник; п-к – полковник; ген. м-р – генерал-майор; ген. м-р А – генерал-майор авиации; ген. м-р Ар – генерал-майор артиллерии; ген. м-р ТВ – генерал-майор танковых войск; ген. л-т – генерал-лейтенант; ген. л-т А – генерал-лейтенант авиации; ген. л-т Ар – генерал-лейтенант артиллерии и т. д.

2. Корабельные: гв. э-ж – гвардейского экипажа и др.

Адмирал Флота Советского Союза не сокращалось.

В документах встречаются и сокращения типа старшина 1-й статьи, капитан 3 ранга, капитан 2 ранга. Встречают и сокращенные названия должностей в соответствии с воинскими званиями. Например, в 1935 г. в армии и на флоте были введены персональные воинские звания, и многие из них напрямую указывали на должностные обязанности: *младший комвзвода*, *комбриг*, *комиссар*, *воентехник*, *военинженер*, *бригвоенюрис*, *военврач*, *военветврач*, *комдив*, *комкор*, *командарм*. Теперь они остались только в исторических документах и свидетельствах¹¹.

В практике ВНА вьетнамские воинские звания также обозначаются условными знаками. Данный прием допущен и распространен обычно при составлении документов в виде таблиц или записей в рукописном виде. Например, при составлении неофициальных списков личного состава или ведении дежурного журнала вьетнамцы используют цифры и знаки для обозначения воинских званий: *bình nhì* (рядовой) – В1; *bình nhất* (ефрейтор) – В2; *hạ sĩ* (младший сержант) – Н1; *trung sĩ* (сержант) – Н2; *thượng sĩ* (старший сержант) – Н3; *thiếu úy* (младший лейтенант) – 1/; *trung úy* (лейтенант) – 2/; *thượng úy* (старший лейтенант) – 3/; *đại úy* (капитан) – 4/; *thiếu tá* (майор) – 1//; *trung tá* (подполковник) – 2//; *thượng tá* (полковник) – 3//; *đại tá* (старший полковник) – 4//; *thiếu tướng* (генерал майор):

1 <i>trung tướng</i> (генерал-лейтенант)	2 <i>thượng tướng</i> (генерал-полковник)
3 <i>đại tướng</i> (генерал армии)	4

¹¹ Это же касается звания *краснофлотец* – воинское звание рядового состава ВМФ СССР с февраля 1918 г.; как персональное воинское звание введено в 1935 г. В 1940 г. введено звание старшего краснофлотца. В 1946 г. эти звания заменены званиями *матрос* и *старший матрос* (Большой энциклопедический словарь).

Заключение

Воинские звания присваиваются военнослужащим персонально и находятся в строгом соответствии с должностными обязанностями лица, носящего тот или иной чин. Военная лексика представляет собой очень подвижный класс терминологических единиц, поскольку именно их состав прямо и непосредственно отражает изменения в различных сферах воинской иерархии. Как специфический пласт военной лексики, она, с одной стороны, отражает «принудительное» воздействие на язык экстралингвистических факторов, а с другой – способствует проявлению определенной национальной специфики терминообразования при наличии общемировых (особенно, западноевропейских) тенденций развития и функционирования воинской службы. Таким образом, рассматривая вопрос о взаимодействии лексики языка в целом и номенклатуры воинских званий в общетеоретическом лингвокультурном плане, нельзя не согласиться с остающимся крайне актуальным положением, выдвинутым советским филологом Р. А. Будаговым, согласно которому «общественная природа языка обнаруживается прежде всего в лексике» [1974, с. 45]. Наш материал показывает, что оно верно как для синхронного состояния российской и вьетнамской систем званий в армии и на флоте, так и для анализа их исторического развития.

Этимология данного пласта слов-названий показывает, что появление в языке слов, обозначающих воинские звания, диктуется в первую очередь характером должностных обязанностей. С лингвистической точки зрения интересно отметить, что если на формулировку номинаций воинских званий в русском языке сильное влияние оказали западные образцы, то во вьетнамской военной терминологии в основном сохранились ханвьетские термины. Но особенности употребления слов, указывающих на эквивалентные в лингвистическом отношении воинские звания, диктуются, тем не менее, в русском и вьетнамском языках национальными социально-политическими и идеологическими факторами.

Список литературы

- Будагов Р. А. Человек и его язык. М.: Изд-во МГУ, 1974. 262 с.
- Виноградов А. П. Воинские чины и звания Русской армии и флота (1722–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 31 с.
- Виноградов В. В. Великий русский язык. М.: ОГИЗ: Гос. изд.-во худож. лит., 1945. 172 с.
- Властные институты и должности в Европе в Средние века и ранее Новое время / Под ред. Т. П. Гусаровой. М.: КДУ, 2011.
- Гавришук В. Воинские звания в русской армии // Армия. 1991. № 15. С. 74–78.
- Канунников А. В. Младший офицерский чин российской армии в XVIII–XIX вв. // Военно-исторический журнал. 2000. № 1. С. 96.
- Кашлева К. К. Новый перевод первой авантюры «Песни о нибелунгах» на русский язык // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 117–134. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-117-134
- Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 234 с.
- Сербин В. А. Семантические особенности перевода воинских званий во вьетнамском языке // Litera. 2021. № 2. С. 30–41. DOI 10.25136/2409-8698.2021.2.34586
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб.: Азбука, 1996.
- Чигашева М. А. Онтология наименования воинских званий и должностей в русском и немецком языках // Сборник научных трудов филиала. Ульяновск: УФВУС. 2002. С. 55–61.
- Schützeichel, R. Althochdeutsches Wörterbuch. De Gruyter, 2011.

Список источников

- Общевоинские уставы ВС РФ.
 Постановление ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 г.
 Федеральный закон от 28.03.98 № 53-ФЗ (ред. от 08.12.2011). О воинской обязанности и военной службе. Статья 46. Составы военнослужащих и воинские звания.
 Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 26.05.2021). О воинской обязанности и военной службе. (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021).
 Điều 8 Luật Nghĩa vụ quân sự 2015.
 Điều 10 Luật Sĩ quan Quân đội nhân dân Việt Nam, 1999.
 Dương Kỳ Đức, Nguyễn Đăng Nguyên. Từ điển giáo khoa quân sự. Nhà xuất bản Quân đội nhân dân, 1982.
 Văn bản hợp nhất 24/VBHN-VPQH năm 2019 hợp nhất Luật Sĩ quan Quân đội nhân dân Việt Nam do Văn phòng Quốc hội ban hành.
<https://voer.edu.vn/m/quan-ham/65c55f2d>
<https://www.qdnd.vn/ban-doc/thu-ban-doc/loi-chao-ngay-dau-quan-ngu-515610>

References

- Budagov, R. A.** Man and his language. Moscow, Moscow State Uni. Press, 1974, 262 p. (in Russ.)
Chigasheva, M. A. Ontology of the names of military ranks and positions in Russian and German. In: Collection of scientific works of the branch. Ulyanovsk, UVVUS, 2002, pp. 55–61. (in Russ.)
Gavrishchuk, V. Military ranks in the Russian army. *Army*, 1991, no. 15, pp. 74–78. (in Russ.)
Gusarova, T. P. (ed.). Power institutions and positions in Europe in the Middle Ages and earlier New time. Moscow, KDU Publ., 2011. (in Russ.)
Kanunnikov, A. V. Junior officer rank of the Russian army in the 18th – 19th centuries. *Military Historical Journal*, 2001, no. 1, p. 95. (in Russ.)
Kashleva, K. K. New translation of the first adventure “The Song of the Nibelungs” into Russian. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 117–134. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-117-134
Minyar-Beloruchev, R. K. General theory of translation and interpretation. Moscow, Military Publ., 1980, p. 234. (in Russ.)
Schützeichel, R. Althochdeutsches Wörterbuch. De Gruyter, 2011.
Serbin, V. A. Semantic features of the translation of military ranks in the Vietnamese language. *Litera*, 2021, no. 2, pp. 30–41. (in Russ.) DOI 10.25136/2409-8698.2021.2.34586
Vasmer, M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. St. Petersburg, Azbuka Publ., 1996. (in Russ.)
Vinogradov, A. P. Military ranks and ranks of the Russian army and navy (1722–1917). Abstract of Cand. of Hist. Sci. Diss. Moscow, 2009, 31 p. (in Russ.)
Vinogradov, V. V. Great Russian language. Moscow, OGIZ: National publishing house in art-lit., 1945, 172 p. (in Russ.)

List of Sources

- Decree of the Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the USSR of September 22, 1935.
 Duong Ki Duc – Nguyen Dang Nguyen. Russian-Vietnamese military educational dictionary. National Army Publishing House, Hanoi, 1982.
 Federal Law No. 53-FZ of March 28, 1998 (amended December 8, 2011) on military duty and military service. Article 46. Compositions of military personnel and military ranks.

Federal Law No. 53-FZ of March 28, 1998 (as amended on May 26, 2021). About military duty and military service. (as amended and supplemented, effective from 01.09.2021).

General military charters of the Armed Forces of the Russian Federation.

Section 8 of the Military Service Act 2015.

Section 10 of the Law on Officers of the Vietnam People's Army, 1999.

Consolidation document 24/VBHN-VPQH in 2019 consolidating the Law on Officers of the Vietnam People's Army promulgated by the Office of the National Assembly.

<https://voer.edu.vn/m/quan-ham/65c55f2d>

<https://www.qdnd.vn/ban-doc/thu-ban-doc/loi-chao-ngay-dau-quan-ngu-515610>

Информация об авторе

Доан Тхук Ань, кандидат филологических наук

Information about the Author

Doan Thuc Anh, Doctor of Philology

Статья поступила в редакцию 25.02.2022;

одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 25.04.2022

The article was submitted 25.02.2022;

approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 25.04.2022

Научная статья

УДК 81.32 + 811.581.11 + 81'1

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-64-80

Особенности применения статистических мер в задачах выделения китайских иероглифических биграмм

Дмитрий Сергеевич Коршунов

Военный университет радиоэлектроники

Череповец, Россия

dmitry-korshunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-5904>

Аннотация

Для изучения современной лексики определенной профессиональной тематики есть возможность создавать коллекции текстов и применять к ним программные средства лингвистического анализа. Однако существует проблема качества автоматической сегментации китайского текста на слова. Одним из способов выделения в китайском тексте лексических единиц является применение статистических мер выделения коллокаций к иероглифическим биграммам. Цель настоящей работы заключается в проведении сопоставительного анализа семи разных статистических мер оценки коллокаций как средства выделения двусложных лексических единиц (биномов) в несегментированном иероглифическом тексте на китайском языке. Предметом анализа являются лексико-грамматические и частотные характеристики биграмм, имеющих наибольшие значения рассматриваемых статистических мер. Их сопоставление позволяет сделать вывод об особенностях статистических мер, в частности о том, каким лингвистическим задачам какая мера лучше соответствует. Языковым материалом исследования послужила коллекция из 560 новостных текстов военной тематики на китайском языке объемом более 720 тысяч знаков. Результаты показывают, что рассмотренные статистические меры можно разделить на три группы по тому, какие характеристики биграмм получают наибольшие значения. К первой группе относятся меры MI, MS и logDice, которые дают приоритет редким биграммам с ограниченной сочетаемостью компонентов, таким как китайские двусложные одноморфемные слова «ляньмяньцзы». Эти меры плохо выделяют термины, но могут использоваться для поиска фразеологически связанных компонентов. Меры второй группы, t-score и log-likelihood, ориентированы на частотность, близки к анализу по частоте, но лучше него справляются с нелексическими биграммами, при этом log-likelihood несколько понижает ранг числительных и местоимений, лучше всех выделяя именно характерную для профессионального дискурса лексику. К третьей группе относятся меры MI³ и MI.log-f, которые усредняют противоположные подходы первых двух групп. Мера MI³ оценивается как наиболее универсальная, она могла бы использоваться для сравнения различных корпусов или коллекций текстов. Делается вывод, что использование статистических мер в отношении иероглифических биграмм возможно и целесообразно при учете соответствия их специфики исследовательской задаче.

Ключевые слова

китайский язык, бином, иероглифические биграммы, коллокации, статистические меры, коллекция текстов

Для цитирования

Коршунов Д. С. Особенности применения статистических мер в задачах выделения китайских иероглифических биграмм // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 64–80. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-64-80

Distinctive Features of Association Measures Applied to Chinese Character Bigram Extraction Tasks

Dmitry S. Korshunov

Military University of Radio Electronics

Cherepovets, Russian Federation

dmitry-korshunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-5904>

Abstract

Studying professional discourse, a researcher has now an opportunity to create collections of texts and apply linguistic analysis software tools to them. However, when it comes to Chinese discourse there is a problem with the reliability of automatic word segmentation of texts. One of the ways to extract lexical units in Chinese texts is to apply statistical association measures for collocations to Chinese character bigrams. The purpose of this work is to conduct a comparative analysis of seven different statistical measures for collocations as a means of extracting two-syllabic lexical units (binomes) in an unsegmented Chinese character text. The subject of the analysis is the lexical, grammatical and frequency characteristics of bigrams with higher values of the statistical measures. Their comparison makes it possible to draw a conclusion about the features of statistical measures, in particular, about the best correspondence of linguistic tasks to statistical measures. The linguistic material of the study was a collection of 560 military-related news texts in Chinese with more than 720 thousand characters. The results show that the statistical measures considered can be divided into three groups according to the characteristics of bigrams receiving the highest values. The first group includes measures MI, MS and logDice, which give priority to rare bigrams with limited compatibility of components, such as the Chinese two-syllable single morpheme words “lianmianzi”. These measures do not extract terms well, but can be used to search for phraseologically related components. The measures of the second group, t-score and log-likelihood, are frequency-oriented, similar to frequency analysis, but they cope with non-lexical bigrams better, while log-likelihood somewhat lowers the rank of numerals and pronouns, picking out best the typical vocabulary of professional discourse. The third group includes measures MI³ and MI.log-f, which average the opposite approaches of the first two groups. The MI³ measure is considered to be the most universal one; it could be used to compare different corpora or collections of texts. It is concluded that applying statistical association measures to Chinese character bigrams is possible and appropriate, when taking into account the correspondence of their specifics to a research task.

Keywords

Chinese language, binome, Chinese character bigrams, collocations, statistical association measures, text collection

For citation

Korshunov, D. S. Distinctive Features of Association Measures Applied to Chinese Character Bigram Extraction Tasks. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 64–80. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-64-80

Введение

Описание проблемы

С развитием электронных средств массовой коммуникации у лингвистов появилась возможность не только обращения к большим корпусам текстов, но и формирования собственных коллекций текстов под частные задачи, к примеру, для изучения современной лексики определенной профессиональной тематики, создания лексических минимумов по языку специальности [Власова и др., 2019]. Для работы с такими коллекциями текстов доступны различные программные средства лингвистического анализа, такие как AntConc¹, Sketch Engine² и др. Они способны работать не только с английским, но и со многими другими языками, включая китайский.

Однако структурно-типологические особенности китайского языка и его системы письма представляют определенную проблему для автоматической обработки. Если в языках, например, с фонетическим письмом статистическим вычислениям в любом тексте предшествует его сравнительно простая в реализации сегментация на слова, то для китайского языка эта процедура является нетривиальной задачей – как известно, китайская письменность не

¹ <https://laurenceanthony.net/software/antconc/>

² <https://www.sketchengine.eu/>

предусматривает разделения слов пробелами. В таком случае сегментация на слова выполняется искусственно, для чего также существуют программные средства³. Они действуют на основе принятых разработчиками критериев, которые не всегда одинаковы, что, естественно, приводит к неоднозначным решениям: расхождениям в выделении слов в одном и том же предложении и, следовательно, в числе слов в одном и том же предложении.

Так, в работе [Chen et al., 2017] приводится пример различной сегментации в двух крупных китайских корпусах текстов предложения 姚明进入总决赛 *yáo míng jìn rù zǒng juésài* «Яо Мин выходит в финал», где неодинаково трактуются имя собственное Яо Мин и существительное «финал» 总决赛 *zǒng juésài* (букв.: «главный решающий матч»). В одном корпусе оба комплекса идентифицируются как целые слова, в другом корпусе ИС раскладывается на фамилию и имя, а в составе лексического комплекса 总决赛 *zǒng juésài* (русс. «финал») выделяется отдельная лексема 总 *zǒng* «главный». Оба варианта могут быть рационально аргументированы в формально-семантическом плане.

Неоднозначность сегментации китайского текста на лексемы снижает качество и надежность получаемых из корпуса данных, поэтому исследователи ищут способы обойти эту структурно-семантическую проблему. Для ряда прикладных лингвистических задач разработаны компьютерные программы на основе нейронных сетей, которые, по заявлениям авторов, могут работать с опорой только на иероглифы, без сегментации текстов на слова, показывая при этом даже лучшие результаты (см., например, [Meng et al., 2019]).

Не прибегать к искусственной сегментации на лексемы в тех языках, где понятие слова элиминировано самим строем языка, решил и коллектив российских ученых, работающих над автоматизацией обработки тибетских письменных текстов. В них, как и в китайских, отсутствуют пробелы, а из-за грамматических особенностей тибетского языка «любое разбиение текста на словоформы оказывается <...> необоснованным» [Гроховский и др., 2019, с. 71]. Лексический уровень в тибетских языках приходится описывать через синтактику морфем, что возвращает нас к параллели с китайским языком, где слово, по выражению В. Б. Касевича, является всего лишь «частным случаем слогоморфемной синтагмы» [Касевич, 2011а, с. 392]⁴. А в корпусном исследовании Да Цзюня [Да, 2004] вместо сегментации текста на «слова» был выполнен частотный анализ иероглифических биграмм, т. е. текстовых последовательностей из двух иероглифов, независимо от семантической или грамматической связанности записываемых ими слогоморфем.

Да Цзюнь исходит из допущения, принятого в отношении коллокаций в европейских языках, что частое соупотребление двух компонентов не является случайным. Такие биграммы автор предлагает рассматривать «как близкое приближение к китайскому слову из двух иероглифов» (as a close approximation to a two-character word in Chinese) [Ibid., p. 505]. Это теоретическое решение, безусловно, имеет право на существование, поскольку известно, что роль так называемых биномов (сочетаний из двух слогоморфем) в организации китайского текста специфична и высока, а «категории слова в китайском языке принадлежит, скорее, периферийная позиция», при этом «грамматическая природа биномов может быть разной» [Касевич, 2011б, с. 616]⁵. Существенно для сопоставления и то, что «бином как целое в грамматическом и семантическом отношении часто аналогичен слову языков типа русского» [Там же, с. 619].

В китайском языке частотные биграммы могут совпадать со словарными и несловарными лексическими единицами, а также быть «внутрисловными» (intra-word bigrams), когда, допустим, в слове из трех слогоморфем получаются две накладываются биграммы (например, 锦标 и 标赛 из 锦标赛 *jǐnbīāosài* «чемпионат»), и «межсловными» (interword bigrams), «захва-

³ Например, <https://laurenceanthony.net/software/segmentant/>

⁴ Первая публикация в: Типология и грамматика. М., 1990. С. 67–72.

⁵ Первая публикация в: Востокословение. Филологические исследования / Отв. ред. проф. В. Г. Гузев, проф. О. Б. Фролова. СПб., 1993. Вып. 18. С. 66–77. В соавторстве с В. В. Рыбиным, Е. М. Шабельниковой.

тывая» по слогоморфеме от смежных слов (например, 气预 из 天气预报 *tiānqì yùbào* ‘прогноз погоды’) [Li Jingyang et al., 2006, p. 549]. Кроме того, биграммы могут совпадать с синтаксическими конструкциями (这是 *zhè shì* ‘это [есть]’), их смежными элементами (了一 *le yī*) и т. п.

Поскольку в ходе частотного анализа иероглифических биграмм выделяются не только биномы, но и довольно большое количество сочетаний, не совпадающих с лексическими единицами, для отделения значимых сочетаний от незначимых Да Цзюнь использовал статистические меры определения силы ассоциативной связанности элементов (measure of the strength of association). Для всех биграмм своего корпуса он рассчитал значение коэффициента взаимной информации MI (mutual information) [Church, Hanks, 1990], предположив, что биграммы с частотой более 50 вхождений в 14-миллионном корпусе и значением $MI \geq 3,5$ будут «хорошими кандидатами» на статус двусложных китайских слов [Da, 2004, p. 508]. Показательно, однако, что, указывая значение коэффициента для каждой биграммы, автор воздерживается от выводов об их лексичности.

Коэффициент взаимной информации и другие статистические меры были в свое время разработаны для выявления коллокаций – устойчивых словосочетаний, характер связи между компонентами которых в разных школах и традициях понимается по-разному. В отечественной лингвистике этот термин нередко используется как некое переходное понятие между фразеологизмами и свободными словосочетаниями, удобное для изучения, например, лексических функций [Иорданская, Мельчук, 2007; Грудева, Тиханович, 2014, с. 15–59]. С развитием статистических методов исследования коллокации стали чаще рассматриваться как любое «неслучайное сочетание двух и более лексических единиц», характерное как для языка в целом, так и для определенной выборки текстов [Ягунова, Пивоварова, 2010, с. 30]. М. В. Влавацкая, делая краткий обзор становления термина «коллокация» и интерпретаций его понимания, подчеркивает значимость этого понятия в лингвистической науке: «В глобальном смысле коллокация лежит в основе всего языкового использования» [2019, с. 439].

Идея применить концепцию коэффициента взаимной информации к иероглифическим биграммам для сегментации китайского текста впервые возникла еще в 1990 г. у американских исследователей [Sproat, Shih, 1990]. Преодолеть некоторые ограничения их подхода попытался коллектив китайских ученых, использовавших одновременно коэффициент MI и меру t-score [孙茂松 / Сунь Маосун и др., 1997]. В своей англоязычной работе часть этого авторского коллектива впервые в явном виде предложила под переменными в соответствующих статистических формулах понимать не слова, а китайские иероглифы⁶. Поскольку в китайском языке почти каждая записываемая иероглифом слогоморфема обладает свойствами единицы лексического уровня, любое неслучайное сочетание двух и более слогоморфем может считаться коллокацией.

Статистические меры

В настоящее время разработано порядка 80 статистических мер, позволяющих оценить силу связанности лексических единиц [Хохлова, 2017, с. 349]. Наиболее распространенными из них, судя по литературе, являются коэффициент взаимной информации MI и t-score.

Именно меры MI и t-score (по отдельности или вместе) в обязательном порядке присутствуют в программных средствах для поиска коллокаций в различных корпусах китайских текстов [Li Shouji, Guo Shulun, 2016, p. 65].

Каждая мера имеет свои достоинства и недостатки. На материале новостных текстов на русском языке Е. В. Ягунова и Л. М. Пивоварова делают вывод, что «коллокации, выделяемые с помощью MI, отражают предметную область», «MI наилучшим образом позволяет вы-

⁶ В оригинале: “We adopt these measures almost completely here, with one major modification: the variables in two relevant formulae are no longer words but Chinese characters” [Sun et al., 1998, p. 1266] (курсив авторов. – Д. К.).

делять наименования объектов, термины, сложные номинации; t-score, напротив, лучше работает при выделении “общезыковых устойчивых сочетаний” (производных служебных слов, дискурсивных слов) и “устойчивых конструкций” [Ягунова, Пивоварова, 2010, с. 37]. С учетом этого китайский специалист Дэн Яочэнь предлагал в практических исследованиях коллокаций использовать эти меры вместе [邓耀臣 / Дэн Яочэнь, 2003, с. 77].

К особенностям меры MI относится ее способность находить в корпусе редкие словосочетания [Хохлова, 2017, с. 350], сильно завышая, однако, их значимость, что в большинстве случаев следует расценивать как недостаток. «Чем более редки слова, образующие коллокацию, тем выше будет для них значение MI, что делает данную меру совершенно “беззащитной” перед опечатками, иностранными словами и другим информационным шумом, который неизбежен в большой коллекции. Поэтому для данной меры используется порог отсечения по частоте» [Ягунова, Пивоварова, 2010, с. 33–34]. Ван Сугэ с коллегами ценят способность меры MI находить произвольную связь между компонентами коллокации [王素格 / Ван Сугэ и др., 2006, с. 35], но коллектив исследователей из провинции Хубэй отмечает, что простой анализ по частоте обнаруживает более осмысленные и эффективные коллокации, чем мера MI [Lan Huang et al., 2017, p. 31].

Что касается меры t-score, то она представляет собой лишь несколько модифицированное ранжирование коллокаций по частоте, что делает данную меру малопригодной, например, для поиска терминологических словосочетаний [Ягунова, Пивоварова, 2010, с. 33–34]. Вместе с тем разработчики известной онлайн-системы средств корпусного анализа Sketch Engine отмечают, что «в большинстве случаев мера t-score более надежна или более полезна, чем мера MI»⁷.

Для преодоления недостатков названных мер был разработан ряд их модификаций. В исследованиях М. В. Хохловой, В. П. Захарова были отобраны и на материале ряда существительных русского языка сравнивались семь статистических мер: MI, log-likelihood (LL), t-score, MI³, minimum sensitivity (MS), logDice и MI.log-f. В работе М. В. Хохловой были описаны некоторые особенности этих мер, но общий вывод указывал на их относительную взаимозаменяемость и необходимость дальнейшей экспертной оценки [Хохлова, 2017]. В. П. Захаров предлагал, в частности, методику интегрированной оценки коллокатов с помощью семи рассматриваемых статистических мер, а также оценивал степень соответствия результатов их применения оценкам экспертов [Zakharov, 2017a; 2017b].

Ниже приводятся формулы расчета указанных мер, взятые из работ [Захаров, Хохлова, 2010; Хохлова, 2017]⁸:

- 1) $MI = \log_2 \frac{f(n,c) \times N}{f(n) \times f(c)};$
- 2) $t\text{-score} = \frac{f(n,c) - \frac{f(n) \times f(c)}{N}}{\sqrt{f(n,c)}};$
- 3) $\log\text{-likelihood} = 2 \sum f(n,c) \times \log_2 \frac{f(n,c) \times N}{f(n) \times f(c)};$
- 4) $MI^3 = \log_2 \frac{f^3(n,c) \times N}{f(n) \times f(c)};$

⁷ В оригинале: “In most cases, T-score is more reliable or more useful than MI Score” (https://www.sketch-engine.eu/my_keywords/t-score).

⁸ Формула меры log-likelihood для единообразия переменных приводится в форме, представленной не в самой работе [Захаров, Хохлова, 2010], а в одноименной презентации авторов, доступной онлайн: <http://www.myshared.ru/slide/665373>.

$$5) \text{ MI.log-}f = \text{MI} \times \ln(f(n, c) + 1);$$

$$6) \log \text{ Dice} = 14 + \log_2 \frac{2f(n, c)}{f(n) \times f(c)};$$

$$7) \text{ MS} = \min \left\{ \frac{f(n, c)}{f(n, c) \times f(n, \bar{c})}, \frac{f(n, c)}{f(n, c) \times f(\bar{n}, c)} \right\}.$$

В этих формулах используются следующие переменные:

n – ключевое слово (в иероглифической биграмме – слогоморфема, записываемая первым иероглифом биграммы);

c – коллокат (слоγοморфема, записываемая вторым иероглифом биграммы);

$f(n, c)$ – частота встречаемости ключевого слова n в паре с коллокатом c (частота встречаемости биграммы);

$f(n), f(c)$ – абсолютные (независимые) частоты ключевого слова n и слова c в корпусе (тексте);

$f(n, \bar{c})$ – частота встречаемости ключевого слова n без коллоката c ;

$f(\bar{n}, c)$ – частота встречаемости коллоката c без ключевого слова n ;

N – общее число словоформ (иероглифов) в корпусе (тексте).

Цель настоящей работы – провести сопоставительный анализ применения разных статистических мер оценки коллокаций как средства выделения двусложных лексических единиц (биномов) в неsegmentированном иероглифическом тексте на китайском языке.

Предметом анализа являются лексико-грамматические и частотные характеристики биграмм, имеющих наибольшие значения рассматриваемых статистических мер. Их сопоставление позволит сделать вывод о тактике применения статистических мер, в частности о взаимосвязи между особенностью лингвистической задачи и соответствующей ее наилучшему достижению мерой.

1. Материалы и методы

В качестве языкового материала использовались информационные сообщения сайта Китайской государственной службы новостей (中国新闻), отражающего практику работы крупнейших информационных агентств и изданий Китая. В частности, из архива новостей военного раздела сайта⁹ методом сплошной выборки были взяты все публикации за третий квартал 2018 г., что составило 560 текстовых сообщений общим объемом 720 708 знаков (иероглифов и знаков препинания).

Далее с помощью компьютерной программы, разработанной ранее нашими студентами, подсчитывалась частота отдельных иероглифов и совместного употребления последовательностей из двух иероглифов (иероглифических биграмм) в коллекции текстов. Частота биграмм вычислялась следующим образом: сочетание первого знака (иероглифа) со следующим справа знаком (иероглифом) проверялось по всей коллекции текстов на количество вхождений, далее операция повторялась для второго знака (иероглифа) в сочетании с третьим, третьего с четвертым и т. д. Затем биграммы, состоящие не из двух иероглифов (сочетания с цифрами, знаками препинания, латинскими буквами) удалялись. Помимо абсолютной частоты (т. е. фактического количества вхождений), для всех биграмм подсчитывалась частота в пересчете на миллион употреблений (ipm). Затем с помощью Microsoft Office Excel по приведенным выше формулам вычислялись и ранжировались значения отобранных семи ста-

⁹ <https://www.chinanews.com/mil/>.

статистических мер. Далее анализировались частотные и лексико-грамматические характеристики биграмм, показавших наибольшие значения.

2. Результаты

Значения указанных выше статистических мер были рассчитаны для всех биграмм имеющегося языкового материала (35 370 биграмм с частотой появления в коллекции текстов не менее двух раз) и ранжированы в порядке убывания. Первые 20 результатов по каждой мере, а также по абсолютной частоте встречаемости биграмм в коллекции текстов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Первые 20 биграмм, выделенные разными статистическими мерами

Table 1

The first 20 bigrams rated by different statistic measures

№	MI	MI ³	MI.log-f	logDice	t-score	MS	LL	Частота Frequency
1.	缥缈	训练	介绍	魔鬼	中国	魔鬼	中国	中国
2.	霹雳	记者	记者	牺牲	训练	牺牲	训练	训练
3.	叱咤	中国	牺牲	胳膊	部队	胳膊	记者	部队
4.	吭哧	介绍	什么	胞胎	军事	胞胎	部队	来源
5.	徜徉	任务	退役	絮叨	官兵	絮叨	官兵	军事
6.	愤恨	组织	组织	哗叽	工作	哗叽	任务	官兵
7.	憧憬	退役	研究	尴尬	他们	尴尬	工作	工作
8.	玻璃	官兵	指挥	橄榄	我们	橄榄	军事	一个
9.	珀玕	指挥	潜艇	盐碱	记者	盐碱	他们	他们
10.	羞涩	自己	训练	缥缈	一个	缥缈	我们	我们
11.	肆虐	技术	世界	霹雳	任务	霹雳	比赛	记者
12.	闵汝	什么	驾驶	叱咤	美国	叱咤	导弹	美国
13.	鞠躬	导弹	编辑	吭哧	进行	吭哧	进行	任务
14.	伉俪	工作	自己	徜徉	比赛	徜徉	组织	进行
15.	咳嗽	潜艇	包括	愤恨	战斗	愤恨	战斗	比赛
16.	嗅蓄	比赛	魔鬼	憧憬	作战	憧憬	来源	作战
17.	枯燥	研究	技术	玻璃	国防	玻璃	装备	战斗
18.	枸杞	问题	必须	珀玕	海军	珀玕	美国	海军
19.	琅琊	我们	问题	羞涩	飞行	羞涩	报道	军人
20.	翡翠	装备	医疗	肆虐	来源	肆虐	技术	国防

При попарном сравнении ста максимальных результатов по каждой мере обнаружены как значительные совпадения в составе лексических единиц, так и полное отсутствие совпадений. В табл. 2 приводятся данные о количестве одинаковых биграмм, выделенных парами разных статистических мер.

Таблица 2

Количество совпадающих биграмм между разными мерами
(из первых 100)

Table 2

The number of matching bigrams between different measures
(out of the first 100)

Меры Measures	MI	MI ³	MI.log-f	logDice	t-score	MS	LL	Частота Frequency	Всего Total
MI		0	0	57	0	66	0	0	123
MI ³	0		75	20	58	21	72	56	302
MI.log-f	0	75		24	34	23	47	32	235
logDice	57	20	24		10	85	11	10	217
t-score	0	58	34	10		10	82	91	285
MS	66	21	23	85	10		12	10	227
LL	0	72	47	11	82	12		77	301
Частота Frequency	0	56	32	10	91	10	77		276

Исходя из суммарного количества совпадений с другими мерами (последняя колонка табл. 2) наиболее универсальными оказались меры MI³ и log-likelihood, а наиболее специфической – самая популярная изначально мера MI. Она имеет совпадения лишь с двумя мерами (logDice и MS, 57 и 66 случаев соответственно), и ни одного – с остальными пятью. Все другие меры в той или иной степени разделяют результаты между собой.

Как видно, наибольшее количество совпадений – 91 из 100 – наблюдается между анализом по частоте и мерой t-score, что подтверждает приведенный выше вывод Е. В. Ягуновой и Л. М. Пивоваровой об их схожести, согласно которому t-score является «лишь несколько модифицированным ранжированием коллокаций по частоте». Второй по близости парой являются меры MS и logDice (85 совпадений из 100), что также ожидаемо¹⁰. При этом пересечений между двумя парами мер очень мало – всего по 10. Эти пары обозначают два «полюса», два принципиально разных статистических подхода: частота и t-score «поднимают» ранг самых частых биграмм, а MS и logDice – самых уникальных, как правило, редких, компонентов которых реже всего употребляются друг без друга.

Рассмотрим на конкретных примерах разницу между этими двумя подходами и отдельными мерами.

¹⁰ На сайте Sketch Engine основной характеристикой меры MS является ее похожесть на меру logDice: “a statistics measure similar to logDice” (https://www.sketchengine.eu/my_keywords/minimum-sensitivity).

3. Обсуждение

3.1. Меры MI, MS и logDice: приоритет ограниченной сочетаемости

Первые места в рейтинге этих трех мер занимают в основном биграммы, представляющие собой достаточно редкое¹¹ для китайского языка явление: так называемые «ляньмяньцзы» (连绵字, встречается также вариант 连绵词) – слитные, нечленимые двусложные слова. Как правило, используемые в них слоги имеют либо одинаковую инициаль, либо рифмующуюся финаль (хотя могут и не иметь таких признаков), а записывающие их иероглифы нередко содержат общий семантический элемент (ключ). Например: 缥缈 *piāomiǎo* ‘туманный’, 霹雳 *pīlì* ‘удар грома’, 徜徉 *chángyáng* ‘бродить, скитаться’, 愤恨 *fēnhèn* ‘негодовать’, 玻璃 *bōli* ‘стекло’ и др. Это слова из первого десятка рейтинга меры MI и второго десятка рейтингов MS и logDice (см. табл. 1). Последние две меры полностью совпадают в своих первых 32 позициях и в первой десятке, несколько отличающейся от рейтинга MI, содержат такие слова, как 魔鬼 *móguǐ* ‘нечисть’, 牺牲 *xīshēng* ‘жертвовать’, 胞胎 *bāotāi* ‘плод, младенец в утробе матери’, 橄榄 *gǎnlǎn* ‘оливки’ и др. (см. табл. 1).

Очевидно, что это очень редкие, практически случайные для военной тематики слова¹². Борьба с завышением значимости редких сочетаний в литературе предлагается установлением порога отсечения по частоте, конкретное значение которого определяется эмпирически. Мы последовательно проверяли разные значения частот, начиная с минимальных, пока не дошли до 60 ipm – порога, выше которого мы в данной работе считаем биграммы частотными. Результат получился лучше, но по-прежнему не очень убедительным (табл. 3).

В десятку первых по значению MI с указанным порогом отсечения вошли уже упомянутое 牺牲 *xīshēng* ‘жертвовать’, слова 贡献 *gòngxiàn* ‘вклад’, 威胁 *wēixié* ‘угроза’, 伙伴 *huǒbàn* ‘партнер’, а также шесть ИС или их фрагментов (в табл. 3 обозначены звездочкой), из которых только 辽宁 *liáoníng* (название провинции и авианосца) и 浙江 *zhèjiāng* (название провинции) можно отнести к распространенным словам.

Таблица 3

Первые 20 биграмм MI, MS и logDice с частотой более 60 ipm

Table 3

The first 20 bigrams of MI, MS and logDice with a frequency of 60+ ipm

№	MI	Частота, ipm Frequency, ipm	logDice	Частота, ipm Frequency, ipm	MS	Частота, ipm Frequency, ipm
1.	牺牲	112,4	牺牲	112,4	牺牲	112,4
2.	辽宁*	70,8	介绍	341,3	介绍	341,3
3.	沃洛*	79,1	什么	359,4	记者	986,5
4.	贡献	68,0	驾驶	177,6	驾驶	177,6
5.	孟泽*	83,3	记者	986,5	世界	301,1
6.	厚鑫*	90,2	退役	560,6	训练	1540,2
7.	吴谦*	155,4	包括	177,6	退役	560,6
8.	威胁	87,4	世界	301,1	厚鑫*	90,2

¹¹ По данным А. А. Хаматовой все двусложные морфемы, включая «ляньмяньцзы» и иностранные заимствования, составляют около 3 % всех морфем китайского языка [Хаматова, 2003, с. 32].

¹² Языковым материалом для анализа, как указано в п. 1, служила коллекция новостных текстов военной тематики.

Окончание табл. 3

№	MI	Частота, ipm Frequency, ipm	logDice	Частота, ipm Frequency, ipm	MS	Частота, ipm Frequency, ipm
9.	浙江*	61,1	训练	1540,2	什么	359,4
10.	伙伴	61,1	潜艇	391,3	潜艇	391,3
11.	驱逐	124,9	必须	181,8	任务	958,8
12.	驾驶	177,6	指挥	593,9	问题	491,2
13.	巡逻	133,2	研究	355,2	技术	617,4
14.	侦察	120,7	厚鑫*	90,2	指挥	593,9
15.	包括	177,6	辽宁*	70,8	环境	269,2
16.	介绍	341,3	沃洛*	79,1	包括	177,6
17.	轰炸	88,8	组织	677,1	培养	166,5
18.	必须	181,8	驱逐	124,9	爷爷	156,8
19.	选择	137,4	技术	617,4	必须	181,8
20.	荣誉	117,9	威胁	87,4	解放	516,2

Меры logDice и MS при введении порога отсечения в 60 ipm показали себя лучше: в верхней двадцатке рейтинга первая мера выделяет только три ИС, вторая – лишь одно; 14 лексических единиц из 20 совпадают, причем ряд из них достаточно явно отражает тематику военных новостей: 驾驶 *jiàshǐ* ‘водить, пилотировать’, 记者 *jìzhě* ‘корреспондент’, 退役 *tuìyì* ‘уволиться со службы’, 世界 *shìjiè* ‘мир, свет’, 训练 *xùnliàn* ‘тренировка, подготовка’, 潜艇 *qiántǐng* ‘подводная лодка’, 指挥 *zhǐhuī* ‘командовать’, 技术 *jìshù* ‘техника’ и т. д.

Тем не менее, суть этих мер осталась прежней: они нацелены на поиск элементов с ограниченной сочетаемостью. Это свойство может никак не коррелировать с устойчивостью терминологических и им подобных выражений профессионального дискурса, поэтому рассматриваемые здесь статистические меры не очень хорошо подходят, например, для целей отбора наиболее употребительной лексики.

К достоинствам этих статистических мер относится (в комбинации с высоким порогом отсечения по частоте) то, что они довольно хорошо справляются с «нелексическими» биграмами: синтаксическими конструкциями, в основном структурно незавершенными, и различными синтагматическими фрагментами более крупных единиц и конструкций, которые в простом частотном списке (при $\text{ipm} \geq 60$) составляют суммарно 28,8 % [Коршунов, 2020, с. 22]. Автор одной из мер, MS (minimum sensitivity), отмечал эту способность отфильтровывать незначимые слова как качество, важное для решения многих практических задач языковой обработки¹³ [Pedersen, 1998].

Кроме того, к достоинствам меры logDice (и, соответственно, близкой к ней MS) можно отнести независимость от размера корпуса, что позволяет использовать их для больших корпусов и сравнений между разными корпусами¹⁴.

¹³ В оригинале: “The tendency of minimum sensitivity to filter out bigrams containing non-content words is an important quality in many practical language processing applications” [Pedersen, 1998].

¹⁴ В оригинале: “logDice is not affected by the size of the corpus and, therefore, can be used to compare scores between different corpora. logDice is the preferred statistic measure for large corpora” (https://www.sketchengine.eu/my_keywords/logdice).

3.2. Частота, меры t-score и log-likelihood: приоритет частотности

Результаты меры t-score, как показано в табл. 2, в наибольшей степени совпадают с частотным списком (91 из 100) и результатами меры log-likelihood (82 из 100), которые между собой также ожидаемо имеют большое число общих результатов (77 из 100).

Анализ первых ста биграмм в трех вариантах рейтинга – по частоте, t-score и log-likelihood – показывает, что, во-первых, применение статистических мер улучшает качество результатов по сравнению с анализом по частоте, во-вторых, из них именно log-likelihood лучше всего выделяет знаменательные (содержательные) лексические единицы.

Так, в первой сотне результатов t-score отсутствуют такие нелексические биграммы из частотного списка, как 的一 *de yī*, 队的 *duì de*, 了一 *le yī*, 国军 *guó jūn*, 的战 *de zhàn*, 是一 *shì yī*, 上的 *shàng de*, 的军 *de jūn*. Большинство из них является сочетанием грамматического элемента с фрагментом соседнего слова, 国军 *guó jūn* представляет собой межсловную биграмму от словосочетаний 中国军人 *zhōngguó jūnrén* ‘китайские военнослужащие’ или 中国军队 *zhōngguó jūnduì* ‘китайские войска’ и т. п. В первой сотне результатов меры log-likelihood по сравнению с частотным списком помимо уже названных нелексических биграмм отсутствуют также синтаксическая конструкция 这是 *zhè shì* ‘это [есть]’, указательное местоимение 这个 *zhège* ‘этот’, глагольная форма 成为 *chéngwéi* ‘стать’, внутрисловная биграмма 防部 *fángbù* от 国防部 *guófángbù* ‘министерство обороны’.

При этом единственная нелексическая биграмма в первой сотне log-likelihood находится только на 92-м месте (放军 *fàngjūn*, часть номинации 解放军 *jiěfàngjūn* ‘[народно-]освободительная армия’), в частотном списке занимающая 61-е место, а в рейтинге t-score – 60-е. Лексические единицы «периферийных» частей речи с особой семантикой, такие как местоимения и числительные¹⁵, также в основном занимают в результатах log-likelihood более низкие позиции (далее приводятся места в рейтингах по частоте, t-score и log-likelihood соответственно):

- 他们 *tāmen* ‘они’ – 9, 7, 9;
- 我们 *wǒmen* ‘мы’ – 10, 8, 10;
- 什么 *shénme* ‘что, какой’ – 90, 80, 46;
- 一个 *yīge* ‘один’ – 8, 10, 25;
- 第一 *dìyī* ‘первый’ – 29, 30, 49;
- 一次 *yīcì* ‘один [раз]’ – 42, 50, 84.

Качественно – с точки зрения лексического значения биграмм и его соответствия тематике коллекции текстов, послужившей языковым материалом, – три рассматриваемые меры можно считать вполне эффективными. При этом по количеству знаменательных лексических единиц лучшие результаты демонстрирует log-likelihood, за ней идет t-score. Наши данные подтверждают вывод группы китайских и британских исследователей о том, что log-likelihood является эффективной мерой для корпусов среднего размера [Piao et al., 2006, p. 19].

3.3. Меры MI³ и MI.log-f: компромисс функциональных приоритетов

Как упоминалось выше, мера MI³ оказалась наиболее универсальной с точки зрения совпадений с другими мерами (см. табл. 2), а мера MI.log-f имеет больше всего общих результатов с MI³ (75 из 100). Можно предположить, что эти меры соединяют два подхода, являя собой результат компромисса между ориентацией на выявление уникальных (единичных)

¹⁵ Ср.: «Среди периферийных частей речи действительно есть классы, выделяемые по значению. Местоимения и числительные для “экзотических” языков часто могут быть выделены только на основе семантики» [Алпатов, 2016, с. 20]. В нашем случае важно, что местоимения и числительные имеют настолько универсальные в масштабах языка значения, что по частоте употребления приближаются к служебным словам.

коллокатов и функциональным приоритетом определения частоты совместной встречаемости.

Такую комбинацию характеристик – частотные биграммы с ограниченной сочетаемостью элементов – мы уже получали искусственно, когда к результатам первых трех мер (MI, MS и logDice) применяли порог отсека по частоте (см. п. 3.1). И действительно, в первой двадцатке рейтинга MI.log-f (см. табл. 1) имеется 14 совпадений с двадцатью лучшими результатами меры MS с порогом отсека 60 ipm и 15 совпадений – с logDice (см. табл. 3). Из этих сравнений можно сделать вывод, что мера MI.log-f представляет собой разновидность мер MI, MS и logDice, предназначенных для поиска ограниченной сочетаемости, но с уже учтенным порогом отсека по частоте¹⁶.

Что касается меры MI³ (см. табл. 1), то она имеет ровно половину совпадений (10 из 20) с лучшими частотными результатами мер MS и logDice (ipm ≥ 60, см. табл. 3), а также 12 совпадений из 20 с log-likelihood (ср. табл. 1). Такие показатели подтверждают ее функциональную универсальность, способность усреднять противоположные тенденции¹⁷. Она хорошо справляется с нелексическими биграммами (в первой сотне рейтинга нет ни одной), с фрагментами ИС (всего два в первой сотне – на 88-м и 100-м местах), не завышает ранг местоимений и числительных (什么 *shénme* ‘что, какой’ – 12-е место; 我们 *wǒmen* ‘мы’ – 19-е; 他们 *tāmen* ‘они’ – 26-е; 一个 *yīge* ‘один’ – 82-е). Наши результаты подтверждают вывод о том, что мера MI³ преодолела недостатки своего прототипа (MI) и стала одним из самых простых и эффективных статистических средств в извлечении коллокаций двухкомпонентного состава (биграмм) [全昌勤等 / Цюань Чанцин и др., 2005, с. 56].

Заключение

Таким образом, сопоставление семи статистических мер выделения коллокаций применительно к иероглифическим биграмм на китайском языке и сравнение их с частотой совместной встречаемости биграмм позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, статистические меры имеют то преимущество перед простым анализом по частоте, что они понижают ранг биграмм, не совпадающих с лексическими единицами, т. е. дают более качественный результат как минимум в пределах первых десятков (сотни) мест своего рейтинга.

Во-вторых, функционал имеющихся статистических мер ориентирован на выявление разных характеристик биграмм, а их адекватное применение диктуется конкретной исследовательской задачей. Так, мера MI эффективнее других находит в коллекции текстов самые редкие сочетания; в частности, она показала себя наилучшим инструментом для выделения китайских одноморфемных двусложных слов «ляньмяньцзы». Близкие результаты демонстрируют меры MS и logDice, которые чуть лучше других справляются с ИС (т. е. дают им более низкий ранг), особенно при введении адекватного порога отсека по частоте. Еще более хорошие результаты дает мера MI.log-f: она учитывает частотность и не требует искусственных порогов.

Все перечисленные меры ориентированы на выделение биграмм с ограниченной сочетаемостью компонентов, что является одним из важных признаков фразеологически связанных сочетаний. Соответственно если задача исследователя подразумевает поиск статистически подтвержденной идиоматической связи между слогоморфемами, то на основе наших результатов ему можно рекомендовать использование меры MI.log-f.

¹⁶ Косвенно это подтверждается выводом В. П. Захарова о том, что мера MI.log-f является лидером по точности выделения высокоранговых коллокаций в корпусе как с примененным порогом отсека по частоте, так и без него, а также рекомендацией в общих случаях использовать для извлечения коллокаций меры MI.log-f, logDice и MS [Zakharov, 2017a; 2017b].

¹⁷ Отдельный вопрос – какой научный или практический интерес может представлять такое усреднение.

Если же исследовательская задача заключается в отборе наиболее частотной лексики, характерной для данной коллекции текстов, то хорошей альтернативой простому анализу по частоте является мера *t-score*, а лучшей – *log-likelihood*. Последняя особенно хорошо отделяет знаменательные лексические единицы от синтагматического «мусора» (окказиональных, хоть и частых, сочетаний фрагментов слов, грамматических элементов и синтаксических конструкций), а также не позволяет завышать ранг числительных и местоимений.

Наиболее универсальной статистической мерой в нашем исследовании оказалась M^3 , которая не искажает результаты ни по частоте совместной встречаемости биграмм, ни по выявлению ограниченности сочетаемости их компонентов. Она обладает способностью к сбалансированному учету этих противоположных параметров. Позволим себе высказать предположение, что данная мера могла бы с успехом использоваться для сравнения различных корпусов или коллекций текстов.

Таким образом, целесообразность использования статистических мер для выделения коллокаций иероглифических биграмм на китайском языке можно считать доказанной. Однако их эффективность зависит от учета исследователем их функциональной адекватности специфике стоящих перед исследователем задач. Вопрос о возможности выделять в китайском тексте этим же комплексом средств более длинные лексические единицы – предмет отдельного исследования.

Список литературы

- Алпатов В. М. Части речи и семантика // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 11–26.
- Влавацкая М. В. Типология коллокаций в комбинаторной лингвистике // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 439–442.
- Власова Е. А., Карпова Е. Л., Ольшевская М. Ю. Лексический минимум по языку специальности: сколько слов достаточно? Разработка принципов минимизации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 63–77. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-63-77
- Гроховский П. Л., Добров А. В., Доброва А. Е., Захаров В. П., Сомс Н. Л. Компьютерный морфосинтаксический анализ несегментированного текста (на материале корпуса тибетских грамматических сочинений) // Структурная и прикладная лингвистика: Межвуз. сб. / Отв. ред. И. С. Николаев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. Вып. 12: К 60-летию отделения прикладной, компьютерной и математической лингвистики СПбГУ. С. 69–80.
- Грудева Е. В., Тиханович А. Н. Лексическая функция MAGN в современном русском языке: корпусное и экспериментальное изучение: Моногр. Новосибирск: Изд-во СибАК, 2014. 264 с.
- Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2010. № 9 (16). С. 137–143.
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007. 673 с.
- Касевич В. Б. Субморфы, слогоморфемы и слогоморфемные языки // Касевич В. Б. Труды по языкознанию: В 2 т. / Под ред. Ю. А. Клейнера. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2011а. Т. 2. С. 389–394.
- Касевич В. Б. О стратегиях сегментации текста (на материале китайского, японского и русского языков) // Касевич В. Б. Труды по языкознанию: В 2 т. / Под ред. Ю. А. Клейнера. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2011б. С. 615–622.
- Коршунов Д. С. Частота совместной встречаемости иероглифов как показатель лексичности (при отборе лексики китайского военного дискурса) // Филологические науки в МГИМО. 2020. Т. 6, № 4 (24). С. 14–24. DOI 10.24833/2410-2423-2020-4-24-14-24

- Хаматова А. А. Словообразование современного китайского языка. М.: Муравей, 2003. 224 с.
- Хохлова М. В. Особенности статистических мер при выделении биграмм // Тр. Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2017». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 349–354.
- Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Сб. НТИ. Сер. 2. 2010. № 6. С. 30–40.
- Chen, X. C., Shi, Z., Qiu, X. P., Huang, X. J. Adversarial multi-criteria learning for Chinese word segmentation. *Proceedings of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2017, vol. 1, pp. 1193–1203.
- Church, K., Hanks, P. Word association norms, mutual information, and lexicography. *Computational Linguistics*, 1990, no. 16 (1), pp. 22–29.
- Da, Jun. Chinese text computing. 2004. (на кит., англ. яз.) URL: <http://lingua.mtsu.edu/chinese-computing> (дата обращения 23.03.2020).
- Lan Huang, Juan Zhou, Jing Xue, Yongxing Li, Youfu Du. DACE: Extracting and Exploring Large Scale Chinese Web Collocations with Distributed Computing. *American Journal of Information Systems*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 27–32. DOI 10.12691/ajis-5-1-4
- Li Jingyang, Sun Maosong, Zhang Xian. A Comparison and Semi-Quantitative Analysis of Words and Character-Bigrams as Features in Chinese Text Categorization. In: *Proceedings of the 21st International Conference on Computational Linguistics and 44th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Sydney, 2006, pp. 545–552.
- Li Shouji, Guo Shulun. Collocation Analysis Tools for Chinese Collocation Studies. *Journal of Technology and Chinese Language Teaching*, 2016, no. 7 (1), pp. 56–77.
- Meng, Y., Li, X., Sun, X., Han, Q., Yuan, A., Li, J. Is Word Segmentation Necessary for Deep Learning of Chinese Representations? *Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2019, pp. 3242–3252.
- Pedersen, T. Dependent Bigram Identification. *Proceedings of American Association of Artificial Intelligence*, 1998, pp. 193. URL: <https://www.aaai.org/Papers/AAAI/1998/AAAI98-193.pdf>
- Piao, S., Sun Guangfan, Rayson, P., Yuan Qi. Automatic Extraction of Chinese Multiword Expressions with a Statistical Tool. In: *Proceedings of the Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics Workshop on Multiword Expressions in a Multilingual Context*. Trento, Italy, 2006, pp. 17–24.
- Sproat, R., Shih, C. A statistical method for finding word boundaries in Chinese text. *Computer Processing of Chinese and Oriental Languages*, 1990, vol. 4, no. 4, pp. 336–351.
- Sun, M. S., Shen, D. Y., Benjamin, K. T. Chinese Word Segmentation without Using Lexicon and Hand-crafted Training Data. *Meeting of the Association for Computational Linguistics and International Conference on Computational Linguistics Association for Computational Linguistics*, 1998, no. 48 (2), pp. 1265–1271.
- Zakharov, V. Automatic Collocation Extraction: Association Measures Evaluation and Integration. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2017)*. Moscow, RSUH, 2017a, vol. 1, iss. 16 (23), pp. 396–407.
- Zakharov, V. Comparative Evaluation and Integration of Collocation Extraction Metrics. In: Ekstein K., Matousek V. (eds.). *Lecture Notes in Computer Science*, vol. 10415 (Text, Speech, and Dialogue – 20th International Conference, TSD 2017, Prague, Czech Republic, August 27–31, 2017, Proceedings). Springer International Publ. AG, 2017b, pp. 255–262.
- 王素格, 杨军玲, 张武 (Ван Сугэ, Ян Цзюньлин, Чжан У). 自动获取汉语词语搭配 (Автоматическое извлечение коллокаций на китайском языке) // *中文信息学报*, 2006. 第20卷. 第6期. 31–37页. (на кит. яз.)

- 邓耀臣 (Дэн Яочэнь). 词语搭配研究中的统计方法 (Статистические методы исследования коллокаций) // 大连海事大学学报 (社会科学版), 2003. 第2卷. 第4期. 74–77页. (на кит. яз.)
- 孙茂松, 黄昌宁, 邹嘉彦, 陆方, 沈达阳 (Сунь Маосун, Хуан Чаннин, Цзоу Цзянь, Лу Фан, Шэнь Даян) 利用汉字二元语法关系解决汉语自动分词中的交集型歧义 (Снятие неоднозначности при автоматической сегментации китайского текста с помощью иероглифических биграмм) // 计算机研究与发展, 1997. 第34卷. 第5期. 332–339页. (на кит. яз.)
- 全昌勤, 刘辉, 何婷婷 (Цюань Чанцин, Лю Хуэй, Хэ Тинтин). 基于统计模型的词语搭配自动获取方法的分析与比较 (Анализ и сопоставление методов автоматического извлечения коллокаций на основе статистических моделей) // 计算机应用研究, 2005. 第22卷. 第9期. 55–57页. (на кит. яз.)

Список источников

- 中国新闻网 – 中新网 [сайт китайской службы новостей «Чжунсинь»]. 军事新闻滚动新闻 [список военных новостей]. (на кит. яз.) URL: <https://www.chinanews.com/mil/news> (дата обращения 29.01.2019 – 28.02.2019).

References

- Alpatov, V. M.** Parts of Speech and Semantics. In: Krasnykh V. V., Izotov A. I. (eds.). *Language, Consciousness, Communication: Collection of articles*. Moscow, MAKS Press, 2016, vol. 53, pp. 11–26. (in Russ.)
- Chen, X. C., Shi, Z., Qiu, X. P., Huang, X. J.** Adversarial multi-criteria learning for Chinese word segmentation. *Proceedings of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2017, vol. 1, pp. 1193–1203.
- Church, K., Hanks, P.** Word association norms, mutual information, and lexicography. *Computational Linguistics*, 1990, no. 16 (1), pp. 22–29.
- Da, Jun.** Chinese text computing. 2004. (in Chin., Engl.) URL: <http://lingua.mtsu.edu/chinese-computing> (accessed: 23.03.2020).
- Grokhovskiy, P. L., Dobrov, A. V., Dobrova, A. E., Zakharov, V. P., Soms, N. L.** Computer Morphosyntactic Analysis of the Non Segmented Text (Based on the Material of the Corpus of Tibetan Grammar Treatises). In: Nikolayev I. S. (ed.). *Structural and Applied Linguistics: Interuniversity Collection*. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2019, vol. 12, pp. 69–80. (in Russ.)
- Grudeva, E. V., Tikhonovich, A. N.** Lexical function of MAGN in modern Russian: corpus and experimental study: Monograph. Novosibirsk, SibAK Publ., 2014, 264 p. (in Russ.)
- Iagunova, E. V., Pivovarova, L. M.** Nature of collocations in the Russian language. Experience of automatic extraction and classification on the material of news texts. *Sb. NTI. Series 2*, 2010, no. 6, pp. 30–40. (in Russ.)
- Iordanskaya, L. N., Melchuk, I. A.** Meaning and compatibility in the dictionary. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2007, 673 p. (in Russ.)
- Kasevich, V. B.** On the strategies of text segmentation (based on the material of Chinese, Japanese and Russian languages). In: Kasevich, V. B. *Works on Linguistics: In 2 vols.* Ed. by Yu. A. Kleyner. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State Uni. Press, 2011, vol. 2, pp. 615–622. (in Russ.)
- Kasevich, V. B.** Submorphs, syllomorphisms and syllable languages. In: Kasevich, V. B. *Works on Linguistics: In 2 vols.* Ed. by Yu. A. Kleyner. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State Uni. Press, 2011, vol. 2, pp. 389–394. (in Russ.)

- Khamatova, A. A.** Word formation of the modern Chinese language. Moscow, Muravey Publ., 2003, 224 p. (in Russ.)
- Khokhlova, M. V.** Distinctive features of association measures for bigram extraction. In: Proceedings of the International Conference “Corpus Linguistics – 2017”. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2017, pp. 349–354. (in Russ.)
- Korshunov, D. S.** Frequency of Co-Occurrence of Chinese Characters as an Indicator of Lexicality (When Selecting the Vocabulary of Chinese Military Discourse). *Philological Sciences at MGIMO*, 2020, vol. 6, no 4 (24), pp. 14–24. (in Russ.) DOI 10.24833/2410-2423-2020-4-24-14-24
- Lan Huang, Juan Zhou, Jing Xue, Yongxing Li, Youfu Du.** DACE: Extracting and Exploring Large Scale Chinese Web Collocations with Distributed Computing. *American Journal of Information Systems*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 27–32. DOI 10.12691/ajis-5-1-4
- Li Jingyang, Sun Maosong, Zhang Xian.** A Comparison and Semi-Quantitative Analysis of Words and Character-Bigrams as Features in Chinese Text Categorization. In: Proceedings of the 21st International Conference on Computational Linguistics and 44th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Sydney, 2006, pp. 545–552.
- Li Shouji, Guo Shulun.** Collocation Analysis Tools for Chinese Collocation Studies. *Journal of Technology and Chinese Language Teaching*, 2016, no. 7 (1), pp. 56–77.
- Meng, Y., Li, X., Sun, X., Han, Q., Yuan, A., Li, J.** Is Word Segmentation Necessary for Deep Learning of Chinese Representations? *Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2019, pp. 3242–3252.
- Pedersen, T.** Dependent Bigram Identification. *Proceedings of American Association of Artificial Intelligence*, 1998, pp. 193. URL: <https://www.aaai.org/Papers/AAAI/1998/AAAI98-193.pdf>
- Piao, S., Sun Guangfan, Rayson, P., Yuan Qi.** Automatic Extraction of Chinese Multiword Expressions with a Statistical Tool. In: Proceedings of the Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics Workshop on Multiword Expressions in a Multilingual Context. Trento, Italy, 2006, pp. 17–24.
- Sproat, R., Shih, C.** A statistical method for finding word boundaries in Chinese text. *Computer Processing of Chinese and Oriental Languages*, 1990, vol. 4, no. 4, pp. 336–351.
- Sun, M. S., Shen, D. Y., Benjamin, K. T.** Chinese Word Segmentation without Using Lexicon and Hand-crafted Training Data. *Meeting of the Association for Computational Linguistics and International Conference on Computational Linguistics Association for Computational Linguistics*, 1998, no. 48 (2), pp. 1265–1271.
- Vlasova, E. A., Karpova, E. L., Olshevskaya, M. Yu.** Vocabulary: How Many Words Are Enough? Principles of Minimizing Learners’ Vocabulary. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 63–77. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-63-77
- Vlavatskaya, M. V.** Typology of Collocations in Combinatorial Linguistics. *The world of science, culture and education*, 2019, no. 4 (77), pp. 439–442. (in Russ.)
- Zakharov, V.** Automatic Collocation Extraction: Association Measures Evaluation and Integration. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2017). Moscow, RSUH, 2017a, vol. 1, iss. 16 (23), pp. 396–407.
- Zakharov, V.** Comparative Evaluation and Integration of Collocation Extraction Metrics. In: Ekstein K., Matousek V. (eds.). Lecture Notes in Computer Science, vol. 10415 (Text, Speech, and Dialogue – 20th International Conference, TSD 2017, Prague, Czech Republic, August 27–31, 2017, Proceedings). Springer International Publ. AG, 2017b, pp. 255–262.
- Zakharov, V. P., Khokhlova, M. V.** Study of effectiveness of statistical measures for collocation extraction on Russian texts. *Computational Linguistics and Intelligent Technologies*, 2010, vol. 9 (16), pp. 137–143. (in Russ.)

- 王素格, 杨军玲, 张武 (Wang Suge, Yang Junling, Zhang Wu). 自动获取汉语词语搭配 (Automatic Collocation Extraction in Chinese) // 中文信息学报, 2006. 第20卷. 第6期. 31–37页. (in Chin.)
- 邓耀臣 (Deng Yaochen). 词语搭配研究中的统计方法 (Collocation statistical research methods) // 大连海事大学学报 (社会科学版), 2003. 第2卷. 第4期. 74–77页. (in Chin.)
- 孙茂松, 黄昌宁, 邹嘉彦, 陆方, 沈达阳 (Sun Maosong, Huang Changning, Benjamin K. Tsou, Lu Fang, Shen Dayang) 利用汉字二元语法关系解决汉语自动分词中的交集型歧义 (Using character bigram for ambiguity resolution in Chinese word segmentation) // 计算机研究与发展, 1997. 第34卷. 第5期. 332–339页. (in Chin.)
- 全昌勤, 刘辉, 何婷婷 (Quan Changqin, Liu Hui, He Tingting). 基于统计模型的词语搭配自动获取方法的分析与比较 (Analysis and comparison of automatic collocation extraction methods based on statistical models) // 计算机应用研究, 2005. 第22卷. 第9期. 55–57页. (in Chin.)

List of Sources

- 中国新闻网 – 中新网 [“Zhongxin” news service site]. 军事新闻滚动新闻 [military news scroll list]. URL: <https://www.chinanews.com/mil/news> (accessed: 29.01.2019–28.02.2019) (in Chin.)

Информация об авторе

Дмитрий Сергеевич Коршунов, кандидат филологических наук
SPIN 7282-7336

Information about the Author

Dmitry S. Korshunov, Candidate of Sciences (Philology)
SPIN 7282-7336

*Статья поступила в редакцию 14.03.2022;
одобрена после рецензирования 10.04.2022; принята к публикации 23.04.2022
The article was submitted 14.03.2022;
approved after reviewing 10.04.2022; accepted for publication 23.04.2022*

Научная статья

УДК 81-13; 612.82

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-81-92

Деятельностная теория и теория языкового сознания П. Я. Гальперина: результаты ЭЭГ исследования в перспективе обучения иностранным языкам с помощью ИКТ

**Елена Николаевна Штерн¹
Александр Николаевич Савостьянов²
Дмитрий Алексеевич Лебедкин³**

¹ Лингватор: лаборатория немецкого языка
Новосибирск, Россия

² Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины
Новосибирск, Россия

³ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ profil.d@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1040-3597>

² a.savostianov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3514-2901>

³ lebedkin.dmitriy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4356-9067>

Аннотация

Представлены результаты ЭЭГ исследования особенностей осцилляторной активности мозга при выполнении языковых заданий (на базе немецкого языка). Целью исследования было выявление нейрофизиологических показателей, позволяющих утверждать наличие существенной разницы между способами ввода информации при рассмотрении языковой активности обучающихся на нейролингвистическом уровне. Методический подход в экспериментальной группе основывался на теории поэтапного формирования умственной деятельности и языкового сознания в понимании П. Я. Гальперина, согласно которой родной язык превращается в язык-модель, и уже с его помощью осознаются механизмы работы языка, а этот навык, в свою очередь, переносится на процесс овладения немецким языком, постепенно делая возможным отказ от родного языка. Полученные результаты позволяют утверждать наличие определенных различий между группами испытуемых, заключающиеся в меньшей амплитуде пика P300 и меньшей его протяженности у экспериментальной группы в сравнении с контрольной. Была замечена меньшая активность в альфа-диапазоне для экспериментальной группы. В совокупности эти параметры позволяют говорить о меньших (по сравнению с контрольной группой) трудностях при выполнении заданий. Результаты исследования послужат нейро- и психолингвистическим основанием для разработки информационно-коммуникационных технологий в обучении немецкому языку на базе уже имеющегося лингводидактического курса, ведущего к сдаче теста на уровень знания языка в соответствии с международными требованиями CEFRL. Ориентировочные основы действия 3-го типа из теории деятельности П. Я. Гальперина, эффективность выведения которых подтверждается нейро- и психолингвистическими параметрами, могут являть собой альтернативную основу для разработки цифровых обучающих программ, базирующихся до сих пор в зарубежных и российских приложениях на кривой Эббингауза.

Ключевые слова

деятельностная теория, языковое сознание, ИКТ в обучении языкам, осцилляторная активность мозга при выполнении языковых заданий

Для цитирования

Штерн Е. Н., Савостьянов А. Н., Лебедкин Д. А. Деятельностная теория и теория языкового сознания П. Я. Гальперина: результаты ЭЭГ исследования в перспективе обучения иностранным языкам с помощью

© Штерн Е. Н., Савостьянов А. Н., Лебедкин Д. А., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 81–92
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 81–92

ИКТ // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 81–92.
DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-81-92

P. Ya. Galperin's Activity Theory and Language Consciousness Theory: Results of EEG-Based Research with Regard to ICT-Assisted Foreign Language

Elena N. Shtern¹, Alexander N. Savostyanov², Dmitry A. Lebedkin³

¹ Lingvator: German language laboratory
Novosibirsk, Russian Federation

² State Research Institute for Neurosciences & Medicine
Novosibirsk, Russian Federation

³ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ profil.d@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1040-3597>

² a.savostianov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3514-2901>

³ lebedkin.dmitriy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4356-9067>

Abstract

This article presents the results of an EEG-based study of peculiarities of brain oscillatory activity in the process of language learner task performance (based on the German language). The aim of the study was to reveal neurophysiological indicators making it possible to claim a significant difference between the ways of information input when considering language learner activity at the neurolinguistic level. The methodological approach in the experimental group was based on P. Ya. Galperin's theory of stage-by-stage formation of mental activity and language consciousness, according to which the learner's native language becomes a language model that helps him/her acquire general linguistic mechanisms and then transfer the skill formed to the process of mastering German, gradually making the rejection of the learner's native language possible. The results obtained allow us to claim the existence of certain differences between the groups of subjects, consisting in smaller amplitude of the P300 peak and its smaller duration with the experimental group in comparison with the control one. Less activity in the alpha range for the experimental group was found. Taken together, these parameters may suggest less difficulty (compared to the control group) in completing language tasks by the learners. The results of the study will serve as a neuro- and psycholinguistic basis for the development of information and communication technologies in teaching German on the basis of the existing linguodidactic course leading to the language proficiency test in accordance with international requirements of EFRL. The effectiveness of P. Ya. Galperin's activity theory, Type 3, confirmed by neuro- and psycholinguistic parameters, can constitute an alternative basis for the development of digital learning programs based so far in foreign and Russian applications on the Ebbinghaus curve.

Keywords

activity theory, language consciousness, ICT in language learning, brain oscillatory activity in language tasks

For citation

Shtern, E. N., Savostyanov, A. N., Lebedkin, D. A. P. Ya. Galperin's Activity Theory and Language Consciousness Theory: Results of EEG-Based Research with Regard to ICT-Assisted Foreign Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 81–92. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-81-92

Введение

Обучение иностранным языкам взрослых уже многие годы является полем, где проводится бесчисленное количество экспериментов с методиками, которые помогли бы овладеть языком быстро, качественно и с наименьшим количеством усилий. Из предлагаемого арсенала можно выбирать между погружением в среду, коммуникативной методикой и другими. Однако при выборе методики, комплекс критериев оценки которых предлагался ранее в [Фефелов, 1999], желательнее также смотреть, какие автоматизированные и интериоризированные умения, свойственные уровню полного владения языком, могут быть развиты на базе данной методики, как эффективность методики увязывается с требованиями международных

экзаменов типа TestDaF, TOEFL, на какие объективные психо- и нейрофизиологические законы функционирования головного мозга она опирается, как учитываются особенности возрастной группы. Так, например, мозг взрослого человека с развитым наглядно-образным мышлением уже приучен решать задачи системно, а погружение на уроке в языковую среду, особенно игровую с отказом от опоры на родной язык, приемлемо не для каждого взрослого учащегося в силу его психологии, профессии, социального статуса и задачи, стоящей перед обучающимися.

Опыт говорит о том, что упомянутые задачи эффективно могут решаться в рамках деятельности теории П. Я. Гальперина, с опорой на формирование основ ориентировочной деятельности (далее – ООД) 3-го типа, которые позволяют учащемуся выявлять особенности своего (русского) и чужого (в нашем случае немецкого) языкового сознания и далее строить свою коммуникативную стратегию для решения тактических учебных задач.

Эффективность подхода к организации в мозгу новых «иноязычных» и систематизация уже имеющихся речевых механизмов связывается в данном исследовании с осцилляторной активностью мозга. Мы исходим из предположения, что при выполнении языковых заданий в контрольной и экспериментальной группах осцилляторная активность может быть значимо различной, что позволит выявить надежную корреляцию между способом введения лингвистической и социокультурной информации в мозг человека («методикой» обучения) с учетом его психоинтеллектуального, возрастного статуса, с одной стороны, и скоростью достижения целевых показателей обучения (компетенций, знаний, умений, навыков) на различных уровнях речевой деятельности, с другой. Этот подход связан с теорией поэтапного формирования умственной деятельности и языкового сознания, а его экспериментальная проверка была проведена в Институте нейронаук и медицины совместно с профессором А. Н. Савостьяновым и студентом 3-го курса Гуманитарного института НГУ Д. А. Лебедкиным. Результаты исследования подробно представлены ниже.

1. Концепция П. Я. Гальперина о языковом сознании и глубинной семантике

Деятельностная теория П. Я. Гальперина [1971], развитая затем Н. Ф. Талызиной (см., в частности, [1993]) как теория поэтапного формирования умственных действий (далее – ТПФУД)¹, как нельзя лучше позволяет решать задачи, которые взрослые учащиеся ставят перед языковой школой: при составлении индивидуальной программы обучения необходимо учитывать исходный уровень языка, планируемый уровень языка и срок, за который нужно выйти на этот уровень, а также количество времени, которое учащийся реально может затратить на работу с домашним заданием помимо уроков с преподавателем. ООД, точнее комбинация ООД 2-го и 3-го типов, позволяет выстраивать эффективный индивидуальный план обучения. Этот подход опирается на разработки О. Я. Кабановой [1971; 2012; 2014], доцента Учебного центра по переподготовке работников системы образования в области психолого-педагогических основ учебного процесса при психологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова, которые еще в 70-е гг. XX в. апробировались в МГУ. Концепция представляет собой синтез ТПФУД и теории лингвистических инвариантов. Язык – не немецкий или английский, а вообще язык² – рассматривается как система особых лингвистических структур – инвариантов различной глубины, в которой и родной язык является еще одним инвариантом. «Выучить» язык³ с этой точки зрения – значит освоить особое умственное действие – построение нужного высказывания как одного из допустимых вариантов того или

¹ Следует указать, однако, и на современную критику этой теории в статье А. Н. Сидневой [2019], анализ которой выходит за рамки нашей работы.

² В европейской лингвистике XX в. ему полнее всего соответствует термин Ф. де Соссюра *LANGUE*.

³ Иначе говоря, сформировать на базе *ЯЗЫКА* речевые умения и навыки, т. е., в терминах Ф. де Соссюра, развить *PAROLE*.

иного подмножества адекватных лингвистических инвариантов. Начало этой концепции лежит в теории П. Я. Гальперина о языковом сознании, но с самого начала он предупреждал, что к проблеме «язык и мышление» он подходит прежде всего с точки зрения задачи построения речи на иностранном языке.

2. Коммуникативные намерения, реализованные в структурах предложения

Именно проблема построения речи на иностранном языке и решалась дидактически О. Я. Кабановой. Для перестройки содержания учебного предмета «Язык» концепция П. Я. Гальперина о языковом сознании, согласно которой существует одна объективная действительность, отражаемая человеком в процессе мышления и познаваемая в общих для всех людей понятиях, материально фиксируемых в языке, оказалась чрезвычайно важной: «...Языковое сознание проявляется во всех аспектах языка – лексике, грамматике, фонетике, орфографии...» [Гальперин, 1977, с. 97], следовательно, именно языковое сознание народа, язык которого изучается, должно стать непосредственным объектом усвоения и составить содержание ООД при формировании речи.

Своеобразной «путеводной нитью» в лабиринте языковых структур, уровней и механизмов является глубинная семантика: взаимоотношения лингвистически понимаемых действия (Д), его субъекта (Сд), его объекта (Од). Сама речь, при всем многообразии речевых форм, по предложению О. Я. Кабановой обобщается с помощью 6 базовых коммуникативных намерений, останавливаясь подробно на которых в рамках данной статьи мы не будем. Именно они и представляют собой речевой инвариант, т. е. конечный набор типов «событий», с помощью которого можно описывать действительность на любом языке из любой предметной сферы. Родной язык в этом подходе становится неким языком-моделью, на основе которого учащиеся осмысленно и поэтапно формируют умение и навык перевыражать этот логико-семантический инвариант средствами другого – изучаемого – языка.

При этом учащиеся овладевают не только средствами и инструментами (пере)выражения формируемой мысли, т. е. лексикой и грамматикой изучаемого языка, но и начинают осознавать специфику самого языкового сознания народа, на нем говорящего, осмыслить ее. Более глубокое осмысление скрытых правил функционирования родного языка приводит к формированию продуктивных языковых и речевых компетенций у обучаемых и развитию их «лингвистического интеллекта». Затем уже сам иностранный язык позволяет развить положительную интерференцию и ослабить негативную в речевой деятельности⁴.

Постепенно становится возможным отказ от родного языка, что может объясняться интериоризацией навыков переключения языкового сознания с одного кода на другой. Чаще всего непроизвольное включение родного языка наблюдается на уровне А1.1 в ситуации коммуникации, когда учащиеся сами для себя переводят немецкое предложение на родной язык, что может свидетельствовать не о непонимании этого предложения, а соответствует скорее этапу самоконтроля или же аналогу внутренней речи у детей при формировании мышления, по Выготскому, когда речь вокализуется, но предназначена не вовне, а для себя, для уяснения последовательности действий и смысла происходящего.

3. Сопоставительное исследование осцилляторной активности мозга при выполнении стандартных и экспериментальных языковых заданий

Известно, что отдельные проявления когнитивной деятельности, к которым относится и деятельность языковая, коррелируют с различными паттернами мозговых осцилляций. Эти паттерны могут быть считаны с помощью ЭЭГ – неинвазивного метода исследования

⁴ Мы сталкиваемся здесь с очень сложной проблематикой так называемого билингвального сознания, представление о которой можно получить на основе статей А. А. Алексеевой [2009] и А. Н. Ждан [2017].

функционального состояния головного мозга, и затем проинтерпретированы при помощи выбранных методов анализа данных. Исходя из этих оснований было проведено соответствующее исследование, основным познавательным инструментом которого являлся ЭЭГ эксперимент.

В качестве испытуемых было отобрано 20 здоровых участников в возрасте от 20 до 45 лет, из которых 14 женщин и 6 мужчин, владеющих немецким языком как иностранным на уровне от A1 до C2. Была собрана следующая дополнительная информация об участниках: пол (sex; жен. = f, муж. = m), возраст (age), уровень знания языка (level; от A1 до C1) согласно международной классификации CEFR. Далее выборка из этих участников будет называться ЭЭГ-выборкой).

Участники были разделены на две группы: «контрольная» (st), участники которой обучались по методикам, распространенным в сфере среднего и высшего государственного образования, и «экспериментальная» (exp). Формирование языковых знаний, умений и навыков отличается в ней тем, что на первом этапе вырабатывается язык-модель, чтобы на его базе «развести» русское и немецкое языковое сознание, т. е. помочь осознать базовые различия между ними с целью снятия межъязыковой интерференции. С небольшим опережением у обучающихся интенсивно формируются новые артикуляторные навыки и фонологические оппозиции («осваивается фонетика»), а затем все остальные ярусы языка.

Цель исследования – выявление нейрофизиологических показателей, позволяющих утверждать наличие существенной разницы между способами ввода информации при рассмотрении языковой активности обучающихся на нейролингвистическом уровне.

Объект исследования – поведенческие реакции и нейрофизиологические процессы, имеющие место при прохождении испытуемыми заданий на знание немецкого языка.

Предмет исследования – корреляты характеристик языковой способности, обусловленные примененной методикой ввода информации.

В качестве экспериментальной парадигмы были использованы задания на знание немецкого языка, рассчитанные на носителей русского языка, лексический и грамматический уровень в заданиях соответствовал уровню A1 согласно классификации CEFR. Эти задания были составлены на основании нескольких основных критериев:

- 1) возможность программной имплементации;
- 2) структурное устройство, позволяющее явно выделить стимул и последующие записанные ответы;
- 3) отсутствие новизны на лексическом и грамматическом уровне, значительная степень знакомства обучающихся иностранным языкам с подобными видами задач.

Всего было составлено 7 заданий, по 30 типовых упражнений в каждом. Условия задач представлены ниже.

1. «Заполнить пробел в предложении».
2. «Выбрать перевод» (рус.-нем.).
3. «Выбрать перевод» (нем.-рус.).
4. «Собрать слово из букв».
5. «Напечатать озвученное слово».
6. «Заполнить пропуск при помощи перевода».
7. «Расположить слова в правильном порядке при помощи перевода».

Структурно, каждая задача состояла из следующих составных частей:

- 1) параллельная презентация визуального и звукового стимулов;
 - 2) предоставление пользователю неограниченного времени на выбор ответа;
 - 3) принятие предложенного ответа и переход к части № 4 или непринятие ответа и повтор части № 2;
 - 4) повторное озвучивание стимула и переход к следующему упражнению.
- Ниже, на рис. 1, представлен пример составленного упражнения.

Текст заданий был набран крупным черным шрифтом на белом фоне. Правильные варианты ответа на момент выбора подсвечивались зеленым цветом, неправильные – красным. Ранее предложенные неправильные варианты становились недоступными для дальнейшего выбора и окрашивались в серый.

Перед презентацией парадигмы испытуемые читали инструктаж и имели возможность уточнить все интересующие их детали.

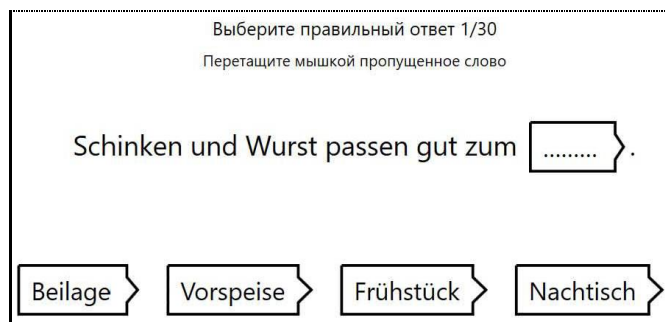

Рис. 1. Пример упражнения
Fig. 1. Screenshot of the exercise

Инструменты. Использованное оборудование включало в себя:

- 1) 128-канальную ЭЭГ-установку с частотой записи 1000 Гц;
- 2) соответствующий количеству электродов ЭЭГ-шлем;
- 3) тулбокс EEGLAB для среды программирования MATLAB;
- 4) программа LingvoResearch с парадигмой заданий;
- 5) стационарный компьютер для прохождения заданий испытуемыми.

После подготовки, наложения ЭЭГ-шлема и прохождения испытуемыми инструктажа одновременно с записью ЭЭГ запускалась парадигма заданий. Запись велась на частоте 1000 Гц со 128 каналов, глазные каналы и канал записи ЭКГ использовались только в случае некоторых испытуемых. По выполнении упражнений производилась оцифровка положения электродов в трехмерном пространстве на поверхности головы испытуемых. По результату успешного проведения эксперимента мы получали как ЭЭГ, так и поведенческие данные в виде протокола эксперимента. Анализ поведенческих данных не был включен в работу, но служил источником инсайта для выбора конфигурации анализа ЭЭГ-данных.

Полученные ЭЭГ-данные подвергались следующей обработке:

- 1) загрузка файлов с записью в EEGLAB и создание датасетов;
- 2) ресемплинг данных до 500 Гц;
- 3) частотная фильтрация с нижним порогом в 1 Гц и верхним в 40 Гц;
- 4) загрузка файлов с 3D-положением электродов;
- 5) просмотр записи на предмет каналов, перегруженных «шумами», и интерполяция таковых;
- 6) процедура ре-референса: вычисление среднего референтного электрода и его вычитание из всех каналов ЭЭГ-записей;
- 7) эпохирование данных. За основные события для эпохирования были взяты «стимул» и «первый ответ». «Сtimул» – это временная метка, соответствующая демонстрации немецкого предложения с пропущенным словом, а «первый ответ» соответствует любому ответу испытуемого при условии, что он был предложен первым в данном упражнении. Временное окно эпохи от –1500 до +3000 мс относительно момента появления задания, базовый уровень (baseline) от –1500 до –500 мс перед появлением задания;
- 8) запуск анализа независимых компонент и удаление «шумовых» компонент по его завершении;
- 9) финальный просмотр эпох и удаление наиболее «шумных».

К обработанным данным затем применялись следующие инструменты:

- 1) ERP-анализ с временным окном от -50 до $+1000$ мс и фильтрацией с верхней границей в 20 Гц;
- 2) ERSP-анализ с временным окном -1500 до $+3000$ мс и частотным от 1 до 40 Гц;
- 3) спектральный анализ с частотным окном от 1 до 40 Гц.

Статистический анализ поведенческих данных по параметрам «среднее время выбора первого ответа» и «среднее количество неправильных ответов» показал наиболее достоверные различия между группами для задания № 1. Поэтому было решено начать анализ ЭЭГ-данных именно с него.

Так, спектральный анализ дал результаты, визуализированные на рис. 2. На рис. 2, *а* мы можем наблюдать несколько моментов. Во-первых, средняя мощность каждой частоты для контрольной группы больше, чем для экспериментальной группы. Этот факт будет объяснен ниже, с привлечением рис. 3. Во-вторых, в диапазоне от 9 до 13 Гц мы наблюдаем скачок мощности для обеих групп, однако для контрольной группы он несколько больше (на 1 мкВ по сравнению с мощностями за диапазоном 9–13 Гц, при 0,5 мкВ для экспериментальной группы). Разница между соответствующими пиками групп составляет примерно 0,5 мкВ.

Для рис. 2, *б* верно всё сказанное выше, за исключением относительного роста мощности частот в вышеуказанном окне для экспериментальной группы (exp) – здесь он равен 0,25 мкВ. Таким образом, разница между пиками будет составлять примерно 0,75 мкВ.

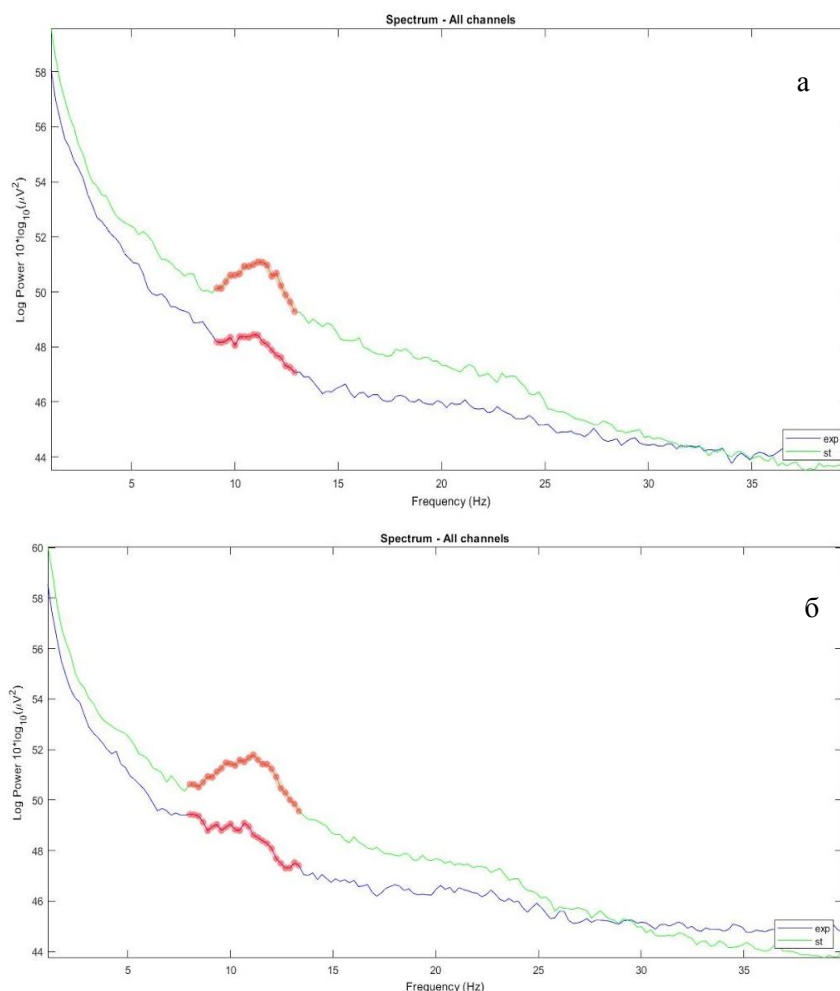

Рис. 2. Усредненный спектр: *а* – первый ответ; *б* – стимул
Fig. 2. Averaged spectrum: *a* – first answer; *b* – stimulus

Далее рассмотрим графы неусредненных спектров. На рис. 3 для экспериментальной группы они относительно близки по мощности для каждой частоты за исключением одного, значения которого примерно на 2 мкВ ниже. Этим объясняется абсолютная разница для всех частот, найденная выше, при рассмотрении усредненных спектров групп. В целом визуальное рассмотрение графов ниже не дает оснований утверждать о наличии значительной разницы внутри групп за единичными исключениями. Таким образом, больший пик в окне 9–13 Гц может являться относительно устойчивой характеристикой контрольной группы (st). Что, в свою очередь, может значить, что участники этой группы испытывают больше трудностей при выполнении первого задания, так как вышеуказанное окно является типичным для верхней альфа-осцилляции. Эта волна коррелирует с ингибиторными процессами, и наблюдается в неактуальных для выполняемой задачи областях коры в моменты необходимости мобилизации ресурсов в общем и памяти в частности.

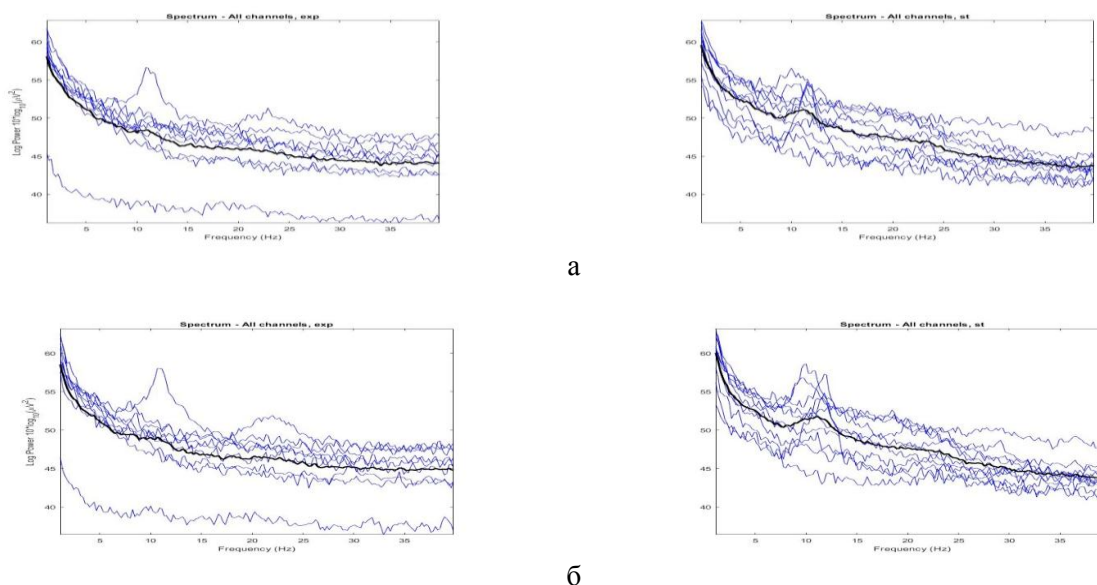

Рис. 3. Спектры: а – первый ответ; б – стимул
Fig. 3. Spectrum: a – first answer; b – stimulus

Анализ рис. 4 не дает столь же явных результатов. Основными причинами этого могут являться избыток шума и недостаточное количество участников.

Рассматривая рис. 5, можно заметить разницу между группами, проявляющуюся в том, что графы экспериментальной группы (exp) более единообразны, чем графы контрольной группы (st). Причиной этого может быть не идентичность, но близость методик, примененных для обучения участников контрольной группы (st). В целом они характеризуются комплексом схожих, но не идентичных подходов, тогда как для группы «exp» действителен один и тот же подход.

Частотно-временной анализ, результаты которого мы можем видеть на рис. 6, при сравнении групп по параметрической статистике со значением $p < 0,05$ дал несколько интересных результатов. Во-первых, разница для групп в частотном диапазоне 9–13 Гц подтвердилась для события «стимул». Мощность частот достоверно различается в этом диапазоне. Во-вторых, наблюдается достоверная разница в мощностях предполагаемой тета-осцилляции в диапазоне 5–7 Гц примерно на временной отметке в 300 мс для события «первый ответ».

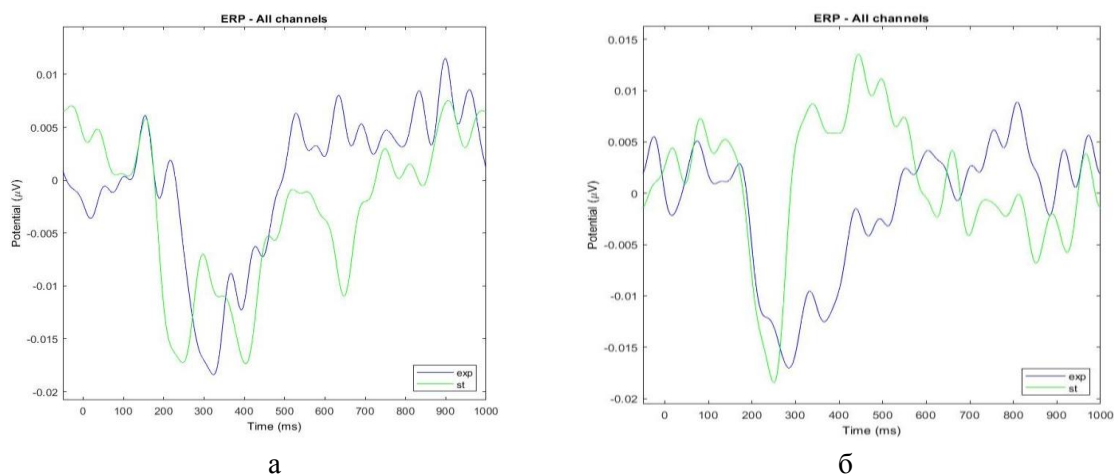

Рис. 4. ERP: а – первый ответ; б – стимул
Fig. 4. ERP: a – first answer; b – stimulus

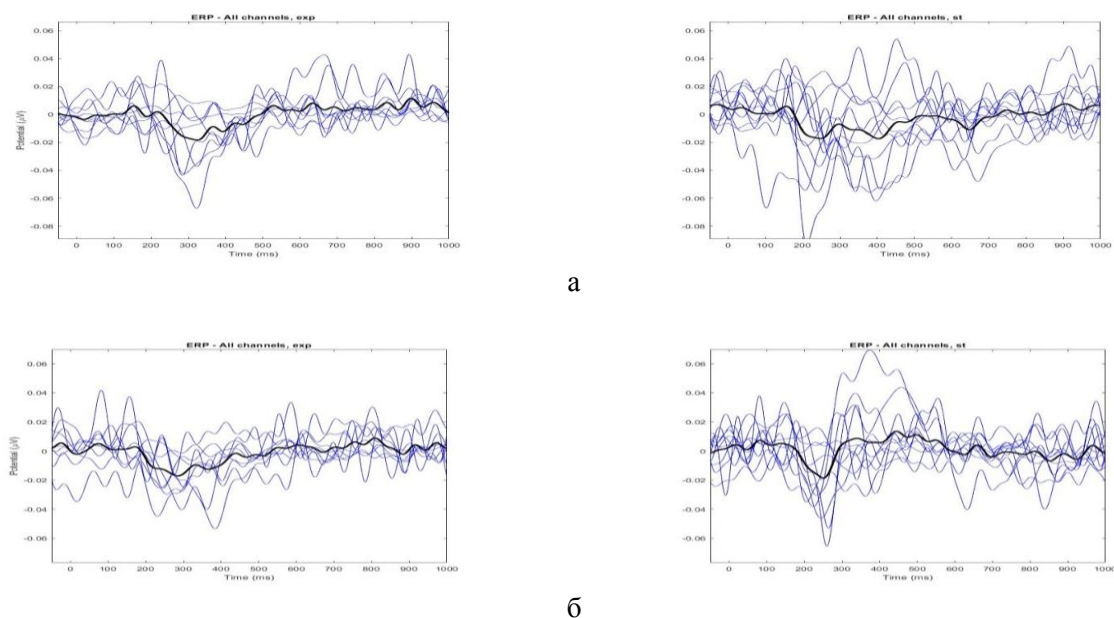

Рис. 5. ERPs: а – первый ответ; б – стимул
Fig. 5. ERPs: a – first answer; b – stimulus

Эти показатели косвенно позволяют утверждать наличие разницы в амплитуде пика Р300, сопровождающего процесс фокусировки внимания на мотивационно значимом стимуле. Показатели мощности для указанного диапазона выше у контрольной группы (st), чем у экспериментальной (exp), что может говорить о большей значимости стимула для первой группы, что, в свою очередь, может быть следствием больших трудностей, возникающих при его восприятии участниками этой группы.

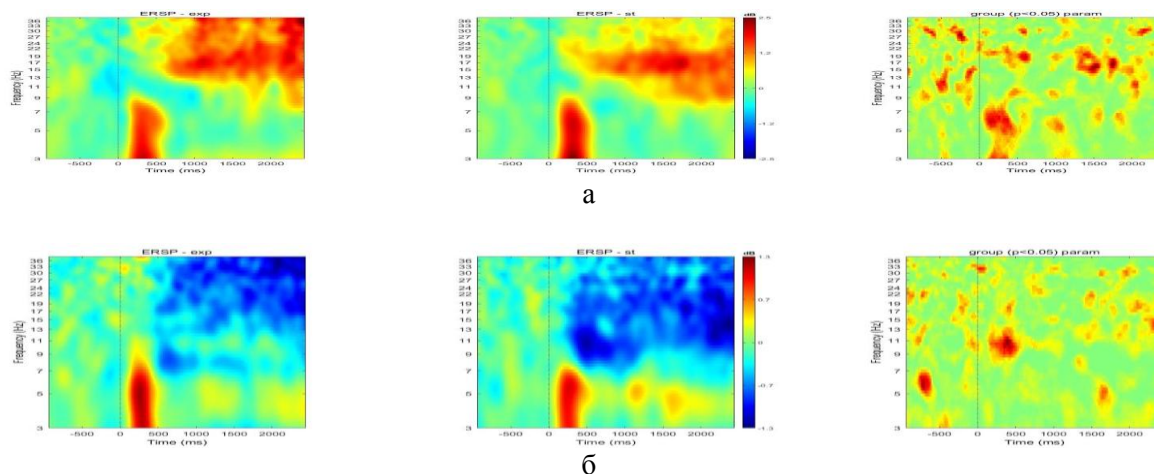

Рис. 6. ERSP: а – первый ответ; б – стимул
 Fig. 6. ERSP: a – first answer; b – stimulus

Полученные результаты позволяют утверждать наличие определенных различий между группами испытуемых, которые заключаются в меньшей амплитуде пика Р300 и, по-видимому, в меньшей его протяженности у экспериментальной группы (exp). Также отметим наличие меньшей активности в альфа-диапазоне для этой группы. Всё это может говорить о меньших (по сравнению с контрольной группой «st») трудностях при выполнении заданий.

Заключение

В статье были представлены нейрофизиологические показатели обучающихся по стандартным методикам и методике, выстроенной в рамках ТПФУД и теории языкового сознания в трактовке П. Я. Гальперина. В ходе выполнения ими экспериментальных заданий были выявлены различия, причиной которых, предположительно, является разница 1) в способе введения информации и 2) связанных с ним генезисе и архитектуре интериоризации. В последующих исследованиях, посвященных связи между глубинной семантикой и осцилляторной активностью головного мозга, мы надеемся получить дополнительную информацию.

В настоящий момент для решения этой задачи популярны различные интерактивные приложения, работа которых строится на алгоритмах в соответствии с кривой Эббингауза, немецкого ученого, которого интересовала «чистая» память, в отрыве от мышления, что противоречит более поздним положениям Выготского, который считал, что психические функции (память, воображение, мышление, речь) нужно развивать не по отдельности, а совместно.

В прикладном лингводидактическом плане данное исследование видится нейро- и психолингвистическим основанием для разработки информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в обучении немецкому языку на базе уже имеющегося лингводидактического курса, ведущего к сдаче теста на сертификат в соответствии с международными требованиями CEFR. Представляется возможным осуществить синтез педагогической психологии, нейро- и психолингвистики и функциональностей ИКТ таким образом, чтобы оптимально решать реальные учебные проблемы взрослых учащихся.

Список литературы

Алексеева А. А. Проблема формирования билингвального сознания в обучении иностранным языкам // Вестник НГУ. Серия: Педагогика. 2009. Т. 10, вып. 2. С. 83–87.

- Гальперин П. Я.** Новые возможности обучения, в частности, иностранным языкам // Вопросы методики преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах университетов. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 69–82.
- Гальперин П. Я.** Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопр. философии. 1977. № 4. С. 95–101.
- Ждан А. Н.** Теория и практика в психологическом наследии Гальперина П. Я. // Национальный психологический журнал. 2017. № 3 (27). С. 33–39.
- Кабанова О. Я.** Языковое сознание как звено в формировании речи на иностранном языке // Вопросы методики преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах университетов. М.: МГУ, 1971. С. 130–142.
- Кабанова О. Я.** Теория П. Я. Гальперина – перестройке содержания учебных предметов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 4. С. 113–122.
- Кабанова О. Я.** К вопросу о содержании учебного предмета «Язык» // Материалы Международной научной конференции 6–8 февраля 2014 г. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 68–70.
- Сиднева А. Н.** Основные направления критики теории планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 3. С. 22–31.
- Талызина Н. Ф.** Теория планомерного формирования умственных действий сегодня // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 92–101.
- Фефелов А. Ф.** Критерии оценки методик обучения иностранным языкам (тезисы доклада) // Современные технологии обучения иностранным языкам в высшей школе: Материалы Межвуз. науч.-метод. конф. Новосибирск, 1999. С. 53–55.

References

- Alekseeva, A. A.** The problem of developing bilingual awareness in foreign language teaching. *Vestnik NSU. Series: Pedagogic*, 2009, vol. 10, no. 2, pp 83–87. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Criteria for evaluating the methods of teaching foreign languages (Abstract of the presentation). In: *Modern technology of teaching foreign languages in higher education. Materials of the interuniversity scientific-methodical conference*. Novosibirsk, 1999, pp. 53–55. (in Russ.)
- Galperin P. Ya.** Linguistic consciousness and some questions about the relationship between language and thought. *Philosophical issues*, 1977, no. 4, pp. 95–101.
- Galperin P. Ya.** New learning opportunities, particularly in foreign language. In: *Issues of foreign language teaching methodology in non-language faculties of universities*. Moscow, MSU Press, 1971, pp. 69–82. (in Russ.)
- Kabanova O. Ya.** Language awareness as a link in the formation of speech in a foreign language. In: *Issues of foreign language teaching methodology in non-language faculties of universities*. Moscow, MSU Press, 1971, pp. 130–142. (in Russ.)
- Kabanova O. Ya.** Regarding the content of the subject “Language”. In: *Proceedings of the International Scientific Conference, February 6–8, 2014*. Moscow, Moscow State Uni. Press, 2014, pp. 68–70. (in Russ.)
- Kabanova O. Ya.** P. J. Halperin’s theory of restructuring subject content. *Vestnik MSU. Series 14: Psychology*, 2012, no. 4, pp. 113–122. (in Russ.)
- Sidneva A. N.** The main lines of criticism of the theory of systematic step-by-step formation of mental actions and concepts. *Cultural-historical psychology*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 22–31. (in Russ.)
- Talyzina N. F.** The theory of planned mental formation today. *Psychological issues*, 1993, no. 1, pp. 92–101. (in Russ.)
- Zhdan A. N.** Theory and practice in the psychological legacy of P. J. Halperin. *National Journal of Psychology*, 2017, no. 3 (27), pp. 33–39. (in Russ.)

Информация об авторах

Елена Николаевна Штерн, основатель «Лингватор: лаборатория немецкого языка», преподаватель, переводчик

Александр Николаевич Савостьянов, кандидат биологических наук

Дмитрий Алексеевич Лебедкин, студент

Information about the Authors

Elena N. Shtern, Founder of “Lingvator: laboratoria nemetskogo yazyka”, teacher, translator, interpreter

Alexander N. Savostyanov, Candidate of Sciences (Philology)

Dmitri A. Lebedkin, Student

*Статья поступила в редакцию 03.12.2021;
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 10.04.2022*

*The article was submitted 03.12.2021;
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 10.04.2022*

Научная статья

УДК 81'32

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-93-109

Сравнение тематических моделей на основе LDA, STM и NMF для качественного анализа русской художественной прозы малой формы

Маргарита Александровна Кирина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Россия

mkirina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7381-676X>

Аннотация

Описываются результаты тематического моделирования малой художественной прозы на основе трех методов – латентного размещения Дирихле (LDA), структурного тематического моделирования (STM) и неотрицательной матричной факторизации (NMF) – в сочетании с разными вариантами предобработки текстов (все части речи vs только существительные). Апробация экспериментального дизайна осуществляется на материале Корпуса русского рассказа 1900–1930 гг. Исследование позволило выявить особенности рассматриваемых алгоритмов и оценить эффективность их применения для качественного анализа художественной прозы.

Ключевые слова

компьютерная лингвистика, автоматическая обработка текста, тематическое моделирование, художественная литература, малая проза, русская литература, русский рассказ, цифровая гуманитаристика

Благодарности

Публикация подготовлена в результате проведения исследования по проекту № 21-04-053 «Методы искусственного интеллекта для филологических исследований» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2021 г.

Для цитирования

Кирина М. А. Сравнение тематических моделей на основе LDA, STM и NMF для качественного анализа русской художественной прозы малой формы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 93–109. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-93-109

A Comparison of Topic Models Based on LDA, STM and NMF for Qualitative Studies of Russian Short Prose

Margarita A. Kirina

National Research University “Higher School of Economics”

St. Petersburg, Russian Federation

mkirina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7381-676X>

Abstract

The paper describes the results of topic modelling of short prose fiction based on three methods, namely Latent Dirichlet Allocation (LDA), the Structural Topic Model (STM), and the Non-Negative Matrix Factorization (NMF), combined with different text preprocessing options (all parts of speech vs. only nouns). The experimental design is tested on the basis of the Corpus of Russian Short Stories of 1900–1930s. The research made it possible to determine

© Кирина М. А., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 93–109
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 93–109

the specifics of the algorithms under consideration and to assess the effectiveness of their application for the qualitative analysis of fiction texts.

Keywords

computational linguistics, automatic text processing, topic modelling, literary texts, short prose, Russian literature, Russian short story, digital humanities

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University "Higher School of Economics" (HSE) in 2021 (grant no. 21-04-053 "Artificial Intelligence Methods in Literature and Language Studies")

For citation

Kirina, M. A. A Comparison of Topic Models Based on LDA, STM and NMF for Qualitative Studies of Russian Short Prose. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 93–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-93-109

Введение

Тематическое моделирование – метод машинного обучения, использующийся для категоризации больших неструктурированных текстовых данных. Этот подход к анализу коллекций документов широко применяется для междисциплинарных исследований в таких областях, как компьютерная лингвистика [Mitrofanova, 2015], социология [McFarland et al., 2013], биоинформатика [Liu et al., 2016] и др. Тематические модели способствуют улучшению результатов при решении ряда задач естественной обработки языка – например, автоматического реферирования [Huang et al., 2018], классификации [Moubayed et al., 2016], сентимент-анализа [Rana et al., 2016], а также вносят вклад в обучение систем искусственного интеллекта (в том числе чат-ботов [Guo et al., 2018]).

Цель тематического моделирования – выявление скрытых семантических структур – тем, или *топиков* (*topic*)¹, характеризующих содержание исследуемой текстовой коллекции. Отличительную особенность тематического моделирования составляет то, что в его ходе осуществляется бикластеризация (*biclustering*) – одновременная кластеризация не только слов (термов), но и текстов (документов). В связи с тем что при тематическом моделировании выполняется нечеткая кластеризация, «любое слово или документ с некоторой вероятностью относится к нескольким темам» [Митрофанова, 2014, с. 221]. Количество выделяемых топиков определяется одним из двух способов: самостоятельно исследователем или в соответствии с оптимальным числом, полученным в результате автоматического сравнения формальных характеристик моделей (например, на основе меры когерентности). Важно отметить, что при обработке текстов реализуется подход, который называется «мешком слов» (*bag-of-words*), это означает, что не учитываются ни порядок слов, ни их грамматические и синтаксические характеристики. Слова и документы, оказавшиеся наиболее характерными для топиков, дают представление о тематическом разнообразии корпуса текстов.

Материалом исследований с применением методов тематического моделирования, как правило, становятся специальные тексты, относящиеся к академическому дискурсу, СМИ или социальным сетям [Nikolenko et al., 2017; Jacobs, Tschötschel, 2019]. Тематическое моделирование литературных корпусов, напротив, проводится значительно реже [Jockers, Mimno, 2013; Schöch, 2017; Митрофанова, 2019]. Так, с одной стороны, выделяются проблемы, связанные с оценкой результатов тематического моделирования и их валидностью для качественной интерпретации художественных произведений [Rhody, 2012; Da, 2019]. С другой – подчеркивается, что описать содержание литературного корпуса этими методами можно, однако работа с художественными текстами требует большего внимания на этапе предобработ-

¹ В данной работе при анализе тематических моделей предлагается использовать как термин *топик*, так и термин *тема*. Первый, более технический, отсылает к результатам тематического моделирования; второй – непосредственно к темам, которые можно выявить исходя из топика.

ки, включающей удаление не только стоп-слов, но и значительного количества частотных и редких слов [Uglanova, Gius, 2020]. Стоит отметить, что проводятся эксперименты с применением разных алгоритмов тематического моделирования с целью оценки их потенциала для улучшения интерпретируемости результатов [Navarro-Colorado, 2018; Zamiraylova, Mitrofanova, 2020; Sherstinova et al., 2020].

К настоящему времени разработано значительное количество алгоритмов тематического моделирования (LDA, LSA, pLSA, NMF, STM, CTM и др.). Наиболее известным является метод латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA), позволяющий выявлять общие темы, встречающиеся в корпусе [Blei et al., 2003]. Для выявления «нишевых» топиков, что ценно при анализе художественных текстов, может использоваться неотрицательная матричная факторизация (NMF) [Lee, Seung, 1999]. Утверждается, что этот вид тематического моделирования позволяет получить более разнообразные и связные топики [O’Callaghan et al., 2015]. Интерес также представляют и структурные тематические модели, в основном применяемые для социологических исследований [Roberts et al., 2013]. Данный метод дает возможность сравнивать словарные составы тем, а также учитывать при анализе метаинформацию, или ковариаты (*covariates*), такие как автор, год написания или жанр текста.

Художественные произведения являются тем типом текстов, в которых находят отражение разнообразные жизненные ситуации, мысли и чувства человека – причем они необязательно имеют реальную природу. Появление фантастического плана действия в значительной мере расширяет поле предметов и явлений, которые могут изображаться в художественной литературе. Поэтому художественные тексты отличаются от других особенно широким тематическим спектром. Так, выделяют как «вечные», так и культурно-исторические, или злободневные, темы [Томашевский, 1996]. Неизбежно и то, что литературные тексты содержат «глубинные», или «подтекстовые», темы, которые могут приводить к неоднозначной интерпретации.

По своему объему и охвату – географическому, культурному и лингвистическому – литературные произведения занимают важное место в информационном пространстве не только современности, но и исторического прошлого. В этом смысле тематическое моделирование художественных текстов может способствовать исследованию процессов, происходивших в литературной системе на протяжении длительного времени. Разработка стратегий тематического моделирования текстов, написанных образным языком, может послужить шагом к улучшению работы интеллектуальных систем, связанных с обработкой и пониманием естественного языка.

В исследовании предпринимается попытка выявить особенности трех методов тематического моделирования – метода латентного размещения Дирихле (LDA), структурного тематического моделирования (STM) и неотрицательной матричной факторизации (NMF), а также оценить эффективность их применения для качественного анализа малой художественной прозы на русском языке. В статье описывается сравнение результатов тематического моделирования литературных текстов в сочетании с разными подходами к формированию выборки – со всеми знаменательными частями речи и после удаления из текстов всех частей речи, кроме существительных. Кроме того, оценивается соответствие тем, выделяемых в ходе работы алгоритма, содержанию отнесенных к ним рассказов. Последнее особенно важно для задачи смысловой компрессии художественного текста, на данный момент наиболее достоверно осуществляемой только с привлечением экспертов [Sherstinova et al., 2021].

Апробация экспериментального дизайна осуществляется на материале Корпуса русского рассказа первой трети XX в.² [Мартыненко и др., 2018а; 2018б; Martynenko, Sherstinova, 2020]. Полученные пилотные результаты открывают начальный этап исследования наиболее

² Корпус русского рассказа 1900–1930 гг. URL: <https://russian-short-stories.ru/>.

оптимального сочетания способов предобработки текстов и алгоритмов тематического моделирования для качественного анализа малой художественной прозы.

1. Дизайн эксперимента

Корпус русского рассказа первой трети XX в. разрабатывается с целью сохранения национального литературного наследия, построения модели литературно-художественной системы в рамках одного жанра и проведения различных пилотных экспериментов [Martynenko, Sherstinova, 2020]. Аннотированный подкорпус, на базе которого проводится данное исследование, включает в себя 310 рассказов, написанных 300 авторами, и содержит метайнформацию в соответствии со следующими историческими периодами:

- период I (1900–1913): предреволюционные годы, Русско-японская война;
- период II (1914–1922): Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война;
- период III (1923–1930): послереволюционные годы с окончания Гражданской войны до 1930-х гг. [Ibid.].

На этапе предварительной обработки тексты подкорпуса были токенизированы, лемматизированы и размечены по частям речи с помощью пакета R ‘udpipe’ (модель Russian-SynTag Rus) [Wijffels, 2020; Straka, Straková, 2019]. Полученные данные проверялись вручную, и по возможности исправлялись ошибки, допущенные при лемматизации. Объем выборки после удаления пунктуации, цифр и прочих нетекстовых символов составил 1 061 785 токенов.

После этого были сформированы две выборки – одна для эксперимента на всех частях речи (выборка-1), вторая – для моделей, построенных только на существительных (выборка-2). Исходя из частотного списка лемм были сформированы два списка стоп-слов для каждой из выборок. Так, были удалены слова, общие для 99 % всех текстов, и редкие слова, встречавшиеся менее 5 раз (для выборки-1) и менее 3 раз (для выборки-2). В соответствии с частеречной разметкой UDPipe из выборок были исключены также имена собственные и названия, служебные части речи (предлоги, междометия, частицы, союзы). Размер выборки-1 составил 268 415 лемм, размер выборки-2 – 106 696 лемм.

В ходе эксперимента к каждой из двух выборок попеременно применялись методы тематического моделирования – латентное размещение Дирихле (LDA), структурное тематическое моделирование (STM) и неотрицательная матричная факторизация (NMF). При построении моделей были использованы имплементации данных алгоритмов для R из соответствующих пакетов: ‘topicmodels’ [Grün, Hornik, 2011], ‘stm’ [Roberts et al., 2019], ‘NMF’ [Gaujoux, Seoighe, 2010]. В качестве общего числа топиков, которое необходимо извлечь, для сравнения тематических моделей на более детальном уровне было выбрано небольшое k , равное 10. Для каждой тематической модели рассматривались первые 10 слов и первые 10 документов топика – как наиболее информативные. Кроме того, оценивалась тематическая сочетаемость слов, составивших топика, как предложено в [Jockers, Mimno, 2010], и их соответствие содержанию относящихся к ним рассказов.

Всего было получено 6 моделей³: LDA-1_10 (выборка-1, $k = 10$), LDA-2_10 (выборка-2, $k = 10$), STM-1_10 (выборка-1, $k = 10$), STM-2_10 (выборка-2, $k = 10$), NMF-1_10 (выборка-1, $k = 10$), NMF-2_10 (выборка-2, $k = 10$)⁴. В результате было обнаружено, что наилучшей интерпретируемостью для каждой пары моделей обладают следующие: LDA_1-10 (выборка-1,

³ Дополнительно были построены две модели на основе алгоритма LDA при k , соответствующем рекомендации по оптимальному количеству тем: LDA-1_30 и LDA-2_12. Однако это не способствовало улучшению результата с точки зрения интерпретируемости и, напротив, привело к потере связности терм топика (что согласуется с наблюдениями, сделанными ранее в [Uglanova, Guis, 2020; Gryaznova, Kirina, 2021]). По этой причине данные модели были исключены из дальнейшего сравнения.

⁴ Здесь и далее вид тематической модели указывается сокращенно по схеме: МЕТОД-НОМЕР ВЫБОРКИ_КОЛИЧЕСТВО ТОПИКОВ.

$k = 10$); STM_1-10 (выборка-1, $k = 10$); NMF_2-10 (выборка-2, $k = 10$). Поэтому они будут рассмотрены далее.

Для удобства описания каждой из выделенных тем давалось условное название, или метка, которое назначалось вручную. При именовании тем мы старались отразить основную идею, которая могла бы объединять слова, образующие топик. Если тем в одном топике выделялось несколько, то название присваивалось согласно ведущей теме и в соответствии с содержанием наиболее характерных для него документов. Полученный результат, разумеется, не является единственно возможным. Более того, некоторые названия кажутся более удачными, чем другие, что в значительной степени определяется степенью семантической однородности ключевых слов топика⁵.

2. Результаты применения LDA- модели

В табл. 1 представлены результаты тематического моделирования на основе алгоритма LDA (LDA-1_10) на материале выборки-1, включающей все знаменательные части речи.

Результаты тематического моделирования LDA-1_10

Таблица 1

Table 1

Results of topic modeling with LDA-1_10

№	Название темы	Содержание
t_1	ВСТРЕЧИ С ДАМОЙ	квартира, кабинет, номер, дама, лестница, счастливый, художник, звонок, зеркало, нравиться
t_2	ЗАСТОЛЬЕ	выпить, водка, фабрика, праздник, лавка, кухня, жалко, власть, курица, плохой
t_3	ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ТЮРЬМЕ И КАЗНЬ	камера, тюрьма, лагерь, надзиратель, человеческий, мгновение, двигаться, яркий, непонятный, казнь
t_4	ВЛАСТЬ ИМУЩЕ	губернатор, вещь, степь, обезьяна, дацан, власть, дагестанец, лето, усадьба, голый
t_5	УБИЙСТВО ЗВЕРЯ	винтовка, телега, шапка, икона, зверь, овраг, монастырь, веревка, тянуть, рубаха
t_6	ПЛАВАНИЕ НА КОРАБЛЕ	волна, чистый, цветы, капитан, кучка, степь, стекло, матрос, вещь, бегать
t_7	ПОЖАР РЕВОЛЮЦИИ	игра, революция, рыжий, доска, дым, дружба, машина, стекло, сосна, кофейня
t_8	НА ФРОНТАХ ВОЙНЫ	немец, война, полковник, окоп, учитель, фронт, матрос, отряд, начальник, команда
t_9	ОХОТА НА ВОЛКА	дядя, волк, спинка, тетка, охота, постель, кровать, подниматься, бабушка, мужчина
t_10	ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ	библиотека, лодка, утопленник, газета, детский, мастерская, собрание, завод, речь, портрет

Тема t_1 «ВСТРЕЧИ С ДАМОЙ» характеризует пространство, в котором разворачивается действие (*квартира, кабинет, номер*). Это также и места романтических встреч героев – в рассказах описывается любовь к *даме* и эпизоды из семейной жизни (в том числе супруже-

⁵ Надо сказать, что проблема именовании тем – отдельная задача тематического моделирования [Lau et al., 2010; Ерофеева, Митрофанова, 2019], которая в данной статье не рассматривается, так как именование топиков для художественного текста – задача малоизученная.

ская измена) (А. Вербицкая «Поздно», П. Невежин «Обломки семьи», А. Лазарев-Грузинский «Незабудки»). Слово *художник*, затрудняющее интерпретацию, встречается в текстах как в прямом значении (рассказ Б. Бентовина «Завещание», герой которого когда-то проводил время «в безалаберной среде художников»), так и в переносном – в рассказе А. Вербицкой «Поздно»:

(1) – *Какое сравнение! – горячо говорил он. – Здесь художник-жизнь только набросал эскиз...*⁶

Тема t_2 «ЗАСТОЛЬЕ» связана с описанием деревенской жизни: слова *выпить* и *водка* характеризуют быт людей, населяющих эту местность (например, рассказы «Как Иван “провел время”» С. Подъячева, «Спектакль в селе Огрызове» В. Шишкова, «Как гуляет Тихоныч» Г. Гребенщикова).

Тема t_3 «ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ТЮРЬМЕ И КАЗНЬ» объединяет тематически связанные «Рассказ о семи повешенных» Л. Андреева и рассказы «Тюрьма» М. Горького и «Баррикада» Г. Яблочкова. Стоит также отметить, что слово *лагерь*, несмотря на значительную связность других терм топики, здесь не указывает на лагерь, например, военнопленных, а используется для обозначения больших групп людей, в том числе массовых сборищ:

(2) *«Произвольно и несправедливо всё это... Разве можно делить людей только на два лагеря?.. А например – я? Ведь, в сущности, я – не господин и не раб!»* (М. Горький «Тюрьма»)

(3) *...идут толпами, – что там уже толпа, – целый лагерь, с ночлегами и чуть ли даже не с палатками* (Ф. Сологуб «В толпе»)

Тема t_6 «ПУТЕШЕСТВИЕ НА КОРАБЛЕ» описывает путешествие по морю, нахождение на корабле и, возможно, службу на флоте. Действительно, среди наиболее вероятных документов этого топики рассказы, в которых морская тематика играет ключевую роль – «Морской ветер» И. Соколова-Микитова и «Юнга» В. Билля-Белоцерковского. Остальные связываются с ними общими элементами пейзажа.

Топик 8, главная тема которого сформулирована здесь как t_8 «НА ФРОНТАХ ВОЙНЫ», оказался самым связным и явно сопоставляемым с включенными в него текстами (А. Фадеев «Рождение Амгуньского полка», А. Далматов «Гильза», Д. Фурманов «На Черном Ереке»). В этих рассказах повествуется о военных действиях, жизни на фронте как солдат, так и гражданских лиц, и потому выделяются соответствующие тематические слова: *полковник, матрос, начальник*.

Остальные топики вызывают сложности для тематической интерпретации.

Так, общую тему t_4 «ВЛАСТЬ ИМУЩИЕ» понять непосредственно из термов топики, без прочтения текстов, не представляется возможным.

В топике 5 выделяются две темы: *охота на зверя (винтовка, телега, шапка, зверь)* и *монастырская жизнь (монастырь, икона)*, связь между которыми затемнена. Раздвоение темы может быть объяснено, по-видимому, общим контекстуальным фоном, изобилующим описаниями природы, леса и зверей. В качестве ведущей выбрана первая, t_5 «УБИЙСТВО ЗВЕРЯ», как более ясно выраженная в словарном составе топики. Аналогичная тематическая неоднородность отмечается и в топике 9, условно названном t_9 «ОХОТА НА ВОЛКА».

Топик 7 (t_7 «ПОЖАР РЕВОЛЮЦИИ») позволяет описать тему только одного рассказа – «Шахматы» Я. Брауна. Слова *игра* и *доска* связаны с игрой в шахматы, характерной только для этого произведения и происходящей в *кофейне*. Тем не менее, в рассказе присутствуют развернутые рассуждения о революции и ее влиянии на общественное устройство:

(4) *Мировая социалистическая революция – это стенка, огромная китайская стена, к которой поставят полтора миллиарда людей... Мировая революция – это подвал, в кото-*

⁶ Здесь и далее примеры приводятся по Корпусу русского рассказа первой трети XX в.

рый провалятся под вашими, хе-хе, революционными руками сто тысяч дураков и пара десятков героев... Мировая **революция** – это мировой погром под красным флагом... (Я. Браун «Шахматы»)

Связь с другими рассказами может быть прослежена только на уровне общих деталей – например, *дым* (табачный, сигарки и др.).

В топике 10 (t_10 «ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ») различается сразу три тематических подгруппы: первая – *лодка, утопленник*; вторая – *мастерская, портрет*; третья – *собрание, завод, речь*. Вероятно, еще можно объединить слова *библиотека* и *газета*. Однако, как видно, подгруппы мало связаны друг с другом и, скорее всего, либо описывают отдельные рассказы, либо связывают схожие в них эпизоды.

3. Результаты применения STM-модели

В табл. 2 представлены результаты структурного тематического моделирования (STM-1_10). В качестве ковариатов были выбраны 'год' и 'период' написания текстов (по разметке Корпуса).

Таблица 2

Результаты тематического моделирования STM-1_10

Table 2

Results of topic modeling with STM-1_10

№	Название темы	Содержание
t_1	ОХОТА В ЛЕСУ	лесной, сосна, дядя, зверь, цветы, туман, озеро, шапка, охота, лодка
t_2	ОБЕД	спинка, мужчина, матрос, вещь, обедать, песок, обед, бульвар, пробовать, счастливый
t_3	БОРЬБА С ВОЛКОМ	волк, рыжий, запах, звезда, борьба, стекло, тянуть, хвост, лезть, платок
t_4	РЕВОЛЮЦИЯ	икона, фабрика, тетка, монастырь, доска, игра, революция, завод, машина, война
t_5	ВОЙНА И ПЛЕН	винтовка, немец, война, окоп, лагерь, полковник, отряд, фронт, начальник, выстрел, пленный
t_6	НА СЦЕНЕ	кабинет, собственный, сцена, настоящий, известный, лестница, выражение, квартира, внимание, служащий
t_7	НОВОЕ ВРЕМЯ	библиотека, утопленник, капитан, лодка, завод, машина, полковник, агент, мастерская, шейка
t_8	В ТЮРЬМЕ	губернатор, тюрьма, власть, мрак, камера, телега, надзиратель, болото, крестьянин, начальник
t_9	ЗАСТОЛЬЕ	учитель, водка, выпить, добрый, праздник, видать, плохой, известный, вышка, жалко
t_10	ПЕРЕД КАЗНЬЮ	камера, нежный, номер, постель, вчера, квартира, кровать, закрыть, чистый, казнь

Как и моделью на основе LDA, выделяются темы, связанные с *охотой* и *природой* (t_1 «ОХОТА В ЛЕСУ» и t_3 «БОРЬБА С ВОЛКОМ»), а также две «гастрономические» темы – t_2 «ОБЕД» и t_9 «ЗАСТОЛЬЕ». Слова, составляющие топик 4, связаны с описанием нового, революционного времени и, вероятно, Гражданской войны, что позволяет определить тему t_4 «РЕВОЛЮЦИЯ». Помимо этого, выделяются темы *войны* (t_5 «ВОЙНА И ПЛЕН») и *казни* (t_10 «ПЕРЕД КАЗНЬЮ»).

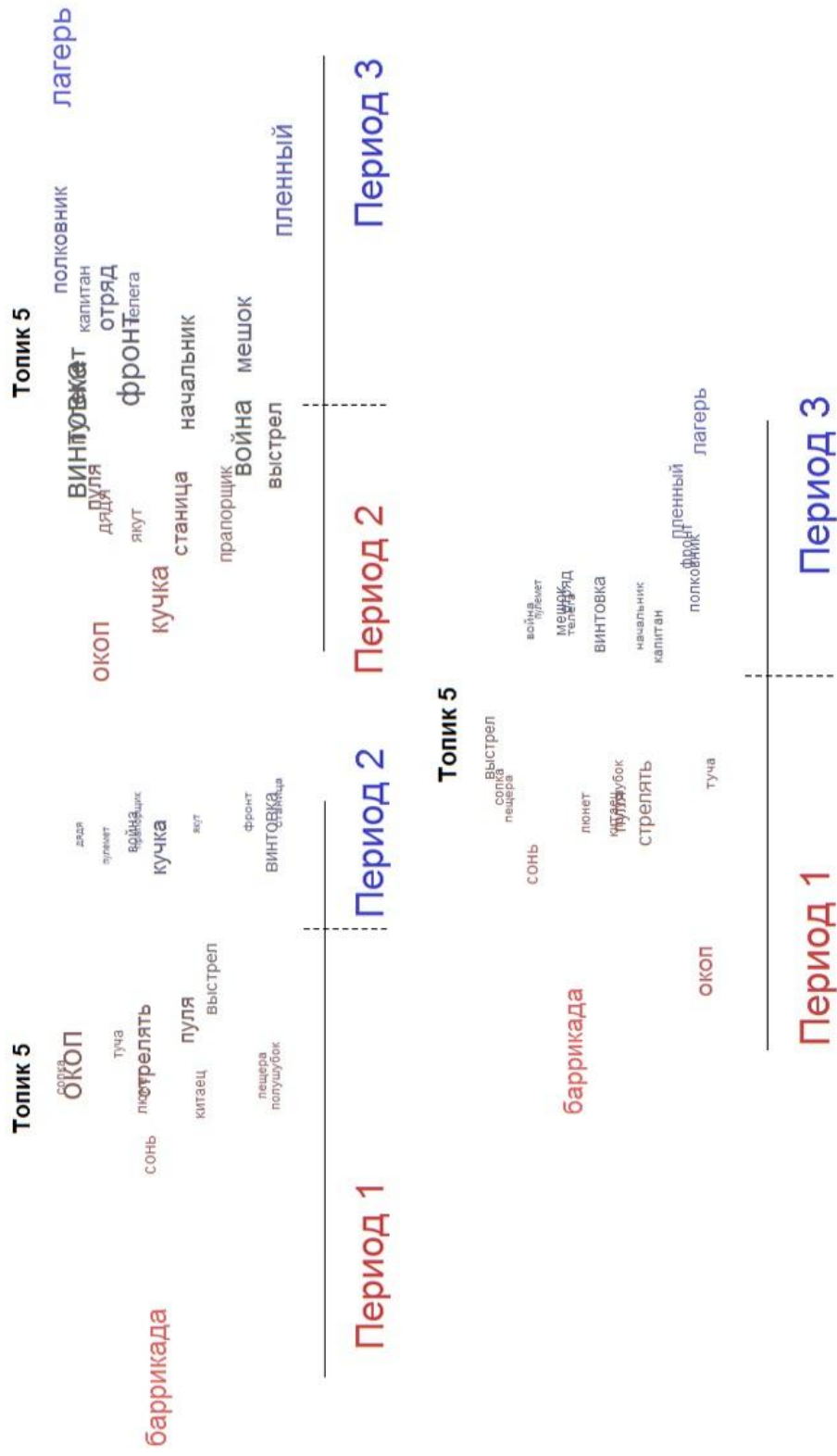

Рис. 2. Изменение словарного состава топика 5 по периодам (STM_2-10)
 Fig. 2. Dynamics of word distribution of topic 5 within periods (STM_2-10)

Однако преимуществом принципа структурно-тематического моделирования является то, что оно позволяет учитывать влияние ковариатов на содержание топиков. Так, например, примечательно, что тема t_5 «ВОЙНА И ПЛЕН» лексически не связана с темой t_10 «ПЕРЕД КАЗНЬЮ» и мало сопоставима с темой t_8 «В ТЮРЬМЕ» (рис. 1). Темы t_10 «ПЕРЕД КАЗНЬЮ» и t_8 «В ТЮРЬМЕ», в свою очередь, объединяются друг с другом двумя общими терминами – *надзиратель* и *камера*, что позволяет говорить о схожих сюжетных элементах, характеризующих данные нарративы.

При этом при оценке влияния ковариата ‘год’ на пропорциональное распределение топиков по текстам тема t_5 «ВОЙНА И ПЛЕН» оказалась статистически значимой для 1920-х гг. Прослеживается изменение словарного состава темы в соответствии с историческим периодом, на который приходится время написания рассказа: с периода I (1900–1913) по период II (1914–1922) была популярна революционная и военная тематика (ср. *баррикада, окоп, стрелять, война, пуля, выстрел*), в то время как в период III (1923–1930) появляются также и рассказы, в которых описывается жизнь в лагере военнопленных (*фронт, пленный, лагерь*) (рис. 2).

4. Результаты применения NMF-модели

Построение тематической модели на существительных способствовало улучшению интерпретируемости результатов только в случае применения алгоритма неотрицательной матричной факторизации (NMF-2_10, табл. 3).

Таблица 3

Результаты тематического моделирования NMF-2_10

Table 3

Results of topic modeling with NMF-2_10

№	Название темы	Содержание
t_1	ПРЕДЧУВСТВИЕ СМЕРТИ	спинка, сознание, мозг, борьба, камера, пространство, казнь, ощущение, дыхание, зеркало
t_2	СВИДАНИЕ В НОМЕРЕ	дама, номер, звонок, приятель, диван, бутылка, сцена, гимназист, ресторан, класс
t_3	В ПЛЕНУ	библиотека, лагерь, утопленник, лодка, пленный, машина, кладбище, завод, золото, крестьянин
t_4	ПОСЛЕ АРЕСТА	губернатор, художник, бабушка, камера, надзиратель, баррикада, монах, шепот, картина, заимок
t_5	ОХОТА НА ВОЛКА	дядя, тетка, волк, сосна, охота, овраг, рыба, дружба, крыло, печь,
t_6	НА СЦЕНЕ ТЕАТРА И РЕВОЛЮЦИИ	сцена, игра, доска, степь, отряд, матрос, дацан, кофейня, публика, революция
t_7	ВОЙНА	немец, окоп, полковник, выстрел, мешок, команда, отряд, пуля, матрос, капитан
t_8	В УЕДИНЕНИИ	степь, монастырь, икона, топор, капитан, купец, озеро, казначей, колесо, монахиня
t_9	НА СЛУЖБЕ	фабрика, служащий, контора, болото, сторож, насыпь, грязь, бабушка, пари, пруд
t_10	ТЯЖЕЛЫЙ ТРУД	завод, станок, кучка, вышка, машина, факел, мрак, мастерская, шахта, конторщик

Кроме того, лишь для этой модели отмечается формирование тематических групп рассказов не только по принципу наличия в них общих сюжетных элементов и деталей, но также и схожих мотивов и приемов, использованных авторами. Рассмотрим несколько характерных случаев.

Топик 1 (t_1 «ПРЕДЧУВСТВИЕ СМЕРТИ») четко выделяет тему *казни* и нахождения *в камере*. Однако такие слова, как *сознание*, *мозг*, *ощущение*, *дыхание*, позволяют судить о том, что здесь также выражена и тема *ожидания смерти*, ее предвосхищения. Действительно, на примере приведенных ниже фрагментов из рассказов можно заметить, что NMF удалось распознать эту тему даже на уровне развернутой метафоры «гаснущее сознание – смерть», хотя выделение темы смерти часто представляет трудности ввиду ее эпизодичности [Sherstinova et al., 2020]:

(5) *Сознание погасло, как потухающий разбросанный костер, холодело, как труп только что скончавшегося человека, у которого тепло еще в сердце, а ноги и руки уже окоченели.* (Л. Андреев «Рассказ о семи повешенных»)

(6) *Потом все исчезло: и мысль, и сознание, и боль, и тоска. И это случилось так же просто и быстро, как если бы кто дунул на свечу, горящую в темной комнате, и погасил ее...* (А. Куприн «В цирке»)

Примечательна вербализация темы t_6 «НА СЦЕНЕ ТЕАТРА И РЕВОЛЮЦИИ», связывающая игру на сцене с игрой в шахматы, чего не было сделано другими моделями. Причем *игра* здесь представляет пример не полисемии, а скорее мотивной структуры, характеризующая сразу несколько рассказов, включенных в этот топик, и являясь значимой для их понимания (Я. Браун «Шахматы», В. Шишков «Спектакль в селе Огрызове», Скиталец «Любовь декоратора»).

Подобное замечается и в отношении топика 10 (t_10 «ТЯЖЕЛЫЙ ТРУД»), относящегося к теме *труда*. Метод NMF позволил выделить в нем тему тяжелого, изнурительного труда, монотонной работы, причем и на заводе (*завод, станок, машина, мастерская*), и в шахте (*факел, мрак, шахта, вышка*), и в конторе (*конторщик*).

5. Выводы

В анализируемой текстовой коллекции все сравниваемые тематические модели выделяют темы *революции, войны, плена, казни, тюрьмы, природы* и *охоты*. Темы *романтических отношений* и *застолья* были выделены LDA-моделью; STM-модель смогла обнаружить только тему *застолья*, а NMF – тему *романтических отношений*. Вне зависимости от алгоритма в явном виде определяются конкретно-исторические топики, связанные с войной и пребыванием на фронте, а также темы, составляющие общий предметный фон произведения, например, связанные с описанием природы.

Установлено, что выделение моделями тем войны и природы объясняется не столько значительным числом рассказов этой тематики в выборке⁷, сколько тематической однородностью и лексической специфичностью этих текстов. К такому выводу подталкивает сравнение с результатами работы моделей, полученными для тем взаимоотношений, смерти и любви. На каждую из них, по экспертному заключению, приходится более 100 рассказов, однако определение этих тем в ходе автоматического моделирования путем анализа только слов, составляющих топики, практически невозможно. Причин может быть несколько: разнообразие инструментов, используемых авторами, для ввода «общих» тем в повествование; политематичность произведений, в которых они встречаются; второстепенная роль / эпизодичность

⁷ Согласно экспертной разметке, в подкорпусе насчитывается 60 рассказов военной тематики и 52 рассказа – природной [Sherstinova et al., 2020].

этих тем. Возможно, увеличение объема выборки позволит генерализировать различные приемы конструирования подобных тем.

В отношении особенностей функционала рассмотренных алгоритмов можно сделать следующие выводы. Метод LDA наиболее успешно справляется с выделением общих тем и идентификацией мест, где происходит действие (тема *природы* и тема *застолья*). NMF позволил объединять рассказы по слабо выраженным темам и мотивным структурам (тема *предвосхищения смерти* и тема *игры*), а также различать «схожие», т. е. ассоциативно связанные (например, тема *войны* и тема *плена*, тема *казни* и тема *тюрьмы*).

Стоит также отметить, что NMF оказался единственным методом, показавшим значительное улучшение интерпретируемости модели, построенной на выборке, содержащей только существительные.

И, наконец, алгоритм STM (структурно-тематическое моделирование) позволил сформировать достаточно дистинктивный словарный состав тем, в частности тема *казни* и тема *тюрьмы*.

Заключение

В статье рассмотрен эксперимент, направленный на сравнение результатов тематического моделирования на основе метода латентного размещения Дирихле (LDA), структурно-тематического моделирования (STM) и неотрицательной матричной факторизации (NMF) на материале художественных текстов малой формы. Помимо этого, было оценено и влияние на интерпретируемость топики двух лингвистических видов выборки по частеречному параметру: 1) содержащей все знаменательные части речи и 2) содержащей только существительные.

Сравнение трех алгоритмов тематического моделирования привело к некоторым интересным наблюдениям с точки зрения особенностей их функционала на материале художественных текстов. Несмотря на то что моделирование на основе LDA смогло эффективно выявить основные темы корпуса, оно оказалось менее продуктивным, по сравнению с STM и NMF, в задаче различения нескольких тем внутри большей категории. Так, и STM, и NMF отнесли лексику, характеризующую темы *заключения в тюрьме* и *казни*, к разным топикам, а LDA – к одному. В связи с этим STM- и NMF-модели в задачах анализа художественных текстов обладают, на наш взгляд, большим потенциалом.

Что касается варьирования подходов к формированию выборки, то улучшение интерпретируемости модели было замечено в случае NMF-модели. Топики NMF-модели, построенной на существительных, оказались более детализированными для соответствующих групп рассказов. Стоит также сказать, что именно при таком варианте предобработки NMF-моделью были выявлены так называемые «нишевые» топики. Модель «только на существительных» связала рассказы скорее на уровне мотивов, а не на основании общих сюжетных элементов, что наблюдалось для модели «на всех частях речи» (после удаления служебных и стоп-слов). Достичь подобного результата для других пар моделей не удалось, по нашему предположению, ввиду ошибок, допущенных при автоматической частеречной разметке.

Как правило, интерпретация лексического наполнения топика сводится к выводу из него тематических элементов на некотором «усредненном» уровне абстракции. В отношении тематического моделирования художественных текстов исследователь сталкивается со следующей проблемой: те абстрактные категории, на которые указывают топики, не обязательно отражают тематику произведения. Как демонстрируют эксперименты, проведенные на небольших выборках, причина кроется не только в том, что абстрактный образный язык затрудняет понимание содержания топики, но и в том, что выявляемые паттерны в принципе более разнообразны. Тематические модели, построенные на литературном материале, могут включать информацию и о других семантических структурах, объединять тексты не только

тематически, но и на мотивном и сюжетном уровнях (место / время действия, сходные художественные детали и стилистические приемы).

В дальнейшем представляется целесообразным построение моделей на базе алгоритмов STM и NMF с большим количеством тем и на расширенной выборке. Выдвигается предположение, что достижению лучших результатов может способствовать сегментация рассказов значительного размера⁸, что должно предотвратить их выделение в индивидуальные топики (как в случае рассказа «Шахматы» Я. Брауна и «Рассказа о семи повешенных» Л. Андреева). Интерес также представляют способы нейтрализации влияния лингвистического вида выборки – «все части речи» vs «только существительные» – на результаты тематического моделирования. Обсуждается, что для выявления причин этого влияния необходимо сопоставить полученные на данном этапе тематические модели с моделями на текстах, которые пройдут предварительную частеречную обработку, но с использованием другого морфоанализатора.

Список литературы

- Ерофеева А. Р., Митрофанова О. А. Автоматическое назначение меток тем в тематических моделях русскоязычных корпусов текстов // Структурная и прикладная лингвистика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 122–147.
- Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Мельник А. Г., Попова Т. И. Методологические проблемы создания Компьютерной антологии русского рассказа как языкового ресурса для исследования языка и стиля русской художественной прозы в эпоху революционных перемен (первой трети XX века) // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2018а. № 2. С. 97–102.
- Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Попова Т. И., Мельник А. Г., Замирайлова Е. В. О принципах создания корпуса русского рассказа первой трети XX века // Тр. XV Междунар. конф. по компьютерной и когнитивной лингвистике «TEL-2018». Казань, 2018б. С. 180–197.
- Митрофанова О. А. Моделирование тематики специальных текстов на основе алгоритма LDA // XLII Междунар. филол. конф. СПб., 2014. С. 220–233.
- Митрофанова О. А. Исследование структурной организации художественного произведения с помощью тематического моделирования: опыт работы с текстом романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова // Корпусная лингвистика – 2019. СПб., 2019. С. 387–394.
- Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 176–192.
- Blei, D. M., Ng, A. Y., Jordan, M. I. Latent Dirichlet Allocation. *The Journal of Machine Learning Research*, 2003, vol. 3, pp. 993–1022.
- Da, N. Z. The Computational Case against Computational Literary Studies. *Critical Inquiry*, 2019, vol. 45, no. 3, pp. 601–639.
- Gaujoux, R., Seoighe, C. A Flexible R package for Nonnegative Matrix Factorization. *BMC Bioinformatics*, 2010, vol. 11, no. 1, pp. 1–9.
- Grün, B., Hornik, K. Topicmodels: An R package for Fitting Topic Models. *Journal of Statistical Software*, 2011, vol. 40, no. 13, pp. 1–30.
- Gryaznova, E., Kirina, M. Defining Kinds of Violence: A Comparison of Topic Modelling with Latent Dirichlet Allocation and Principal Component Analysis for Russian Short Stories of 1900–1930. In: Proc. of International Conference “Internet and Modern Society”, 2021, pp. 281–290.

⁸ Влияние размера текста на интерпретируемость тематической модели представляет собой отдельную и на данный момент не до конца разработанную проблему тематического моделирования литературных текстов, в особенности малых жанров (например, см. [Navarro-Colorado, 2018]).

- Guo, F., Metallinou, A., Khatri, C., Raju, A., Venkatesh, A., Ram, A.** Topic-based Evaluation for Conversational Bots. In: 31st Conference on Neural Information Processing Systems (NIPS 2017). Long Beach, 2018, arXiv preprint arXiv:1801.03622.
- Huang, T. C., Hsieh, C. H., Wang, H. C.** Automatic Meeting Summarization and Topic Detection System. In: *Data Technologies and Applications*, 2018, pp. 351–365.
- Jacobs, T., Tschötschel, R.** Topic models meet discourse analysis: a quantitative tool for a qualitative approach. *International Journal of Social Research Methodology*, 2019, vol. 22, no. 5, pp. 469–485.
- Jockers, M. L., Mimno, D.** Significant themes in 19th-century literature. *Poetics*, 2013, vol. 41, no. 6, pp. 750–769.
- Lau, J. H., Newman, D., Karimi, S., Baldwin, T.** Best Topic Word Selection for Topic Labelling. In: *Proc. of the 23rd Int. Conf. on Computational Linguistics*, Association for Computational Linguistics. Stroudsburg, PA, 2010, pp. 605–613.
- Lee, D., Seung, H.** Learning the Parts of Objects by Non-Negative Matrix Factorization. *Nature*, 1999, vol. 401, pp. 788–791.
- Liu, L., Tang, L., Dong, W., Yao, S., Zhou, W.** An Overview of Topic Modeling and Its Current Applications in Bioinformatics. *SpringerPlus*, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 1–22.
- Martynenko, G., Sherstinova, T.** Linguistic and Stylistic Parameters for the Study of Literary Language in the Corpus of Russian Short Stories of the First Third of the 20th Century. In: R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics, *Proc. of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019)*. St. Petersburg, 2020, vol. 2552, pp. 105–120.
- McFarland, D. A., Ramage, D., Chuang, J., Heer, J., Manning, C. D., Jurafsky, D.** Differentiating language usage through topic models. *Poetics*, 2013, vol. 41, no. 6, pp. 607–625.
- Mitrofanova, O.** Probabilistic Topic Modeling of the Russian Text Corpus on Musicology. In: *International Workshop on Language, Music, and Computing*. Springer, Cham, 2015, pp. 69–76.
- Moubayed, N. A., Breckon, T., Matthews, P., McGough, A. S.** SMS Spam Filtering Using Probabilistic Topic Modelling and Stacked Denoising Autoencoder. In: *International Conference on Artificial Neural Networks*. Springer, Cham, 2016, pp. 423–430.
- Navarro-Colorado, B.** On Poetic Topic Modeling: Extracting Themes and Motifs from a Corpus of Spanish Poetry. *Frontiers in Digital Humanities*, 2018, vol. 5, pp. 5–15.
- Nikolenko, S. I., Koltsov, S., Koltsova, O.** Topic Modelling for Qualitative Studies. *Journal of Information Science*, 2017, vol. 43, no. 1, pp. 88–102.
- O'Callaghan, D., Greene, D., Carthy, J., Cunningham, P.** An Analysis of the Coherence of Descriptors in Topic Modeling. *Expert Systems with Applications (ESWA)*, 2015, vol. 42, no. 13, pp. 5645–5657.
- Rana, T. A., Cheah, Y. N., Letchmunan, S.** Topic Modeling in Sentiment Analysis: A Systematic Review. *Journal of ICT Research & Applications*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 76–93.
- Rhody, L. M.** Topic Modelling and Figurative Language. *Journal of Digital Humanities*, 2012, pp. 19–35.
- Roberts, M., Stewart, B., Tingley, D., Airoldi, E.** The Structural Topic Model and Applied Social Science. *NIPS 2013 Workshop on Topic Models: Computation, Application, and Evaluation*, 2013, pp. 1–20.
- Roberts, M., Stewart, B., Tingley, D.** STM: An R package for structural topic models. *Journal of Statistical Software*, 2019, no. 91.1, pp. 1–40.
- Schöch, C.** Topic modeling genre: an exploration of French classical and enlightenment drama. *Digital Humanities Quarterly*, 2017, vol. 11, no. 2. URL: <http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/11/2/000291/000291.html>
- Sherstinova, T., Mitrofanova, O., Skrebtsova, T., Zamiraylova, E., Kirina, M.** Topic Modelling with NMF vs Expert Topic Annotation: The Case Study of Russian Fiction. *Advances in Com-*

putational Intelligence: 19th Mexican International Conference on Artificial Intelligence, MICAI 2020, 2020, vol. 12469, pt. 2, pp. 134–152.

- Sherstinova, T., Moskvina, A., Kirina, M.** Towards Automatic Modelling of Thematic Domains of a National Literature: Technical Issues in the Case of Russian. *Proc. of the 29th Conference of Open Innovations Association FRUCT*, 2021, pp. 313–323.
- Straka, M., Straková, J.** Universal Dependencies 2.5 Models for UDPipe (2019-12-06). In: LINDAT / CLARIAH-CZ Digital Library at the Institute of Formal and Applied Linguistics (ÚFAL). Faculty of Mathematics and Physics, Charles University, 2019. URL: <http://hdl.handle.net/11234/1-3131>
- Uglanova, I., Gius, E.** The Order of Things. A Study on Topic Modelling of Literary Texts. *Proc. of the CHR 2020: Workshop on Computational Humanities Research, CEUR Workshop Proceedings*, 2020, pp. 57–76.
- Wijffels, J.** UDPipe: Tokenization, Parts of Speech Tagging, Lemmatization and Dependency Parsing with the ‘UDPipe’ ‘NLP’ Toolkit. R package version 0.8.4-1. 2020.
- Zamiraylova, E., Mitrofanova, O.** Dynamic topic modeling of Russian fiction prose of the first third of the 20th century by means of non-negative matrix factorization. *Proc. of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019)*, 2020, vol. 2552, pp. 321–339.

Список источников

Корпус русского рассказа 1900–1930 гг. URL: <https://russian-short-stories.ru/>.

References

- Blei, D. M., Ng, A. Y., Jordan, M. I.** Latent Dirichlet Allocation. *The Journal of Machine Learning Research*, 2003, vol. 3, pp. 993–1022.
- Da, N. Z.** The Computational Case against Computational Literary Studies. *Critical Inquiry*, 2019, vol. 45, no. 3, pp. 601–639.
- Erofeeva, A., Mitrofanova, O.** Automatic assignment of topic labels in topic models for Russian text corpora. In: *Structural and Applied Linguistics*. St. Petersburg Uni. Press, 2019, pp. 122–147. (in Russ.)
- Gaujoux, R., Seoighe, C.** A Flexible R package for Nonnegative Matrix Factorization. *BMC Bioinformatics*, 2010, vol. 11, no. 1, pp. 1–9.
- Gryaznova, E., Kirina, M.** Defining Kinds of Violence: A Comparison of Topic Modelling with Latent Dirichlet Allocation and Principal Component Analysis for Russian Short Stories of 1900–1930. In: *Proc. of International Conference “Internet and Modern Society”*, 2021, pp. 281–290.
- Grün, B., Hornik, K.** Topicmodels: An R package for Fitting Topic Models. *Journal of Statistical Software*, 2011, vol. 40, no. 13, pp. 1–30.
- Guo, F., Metallinou, A., Khatri, C., Raju, A., Venkatesh, A., Ram, A.** Topic-based Evaluation for Conversational Bots. In: *31st Conference on Neural Information Processing Systems (NIPS 2017)*. Long Beach, 2018, arXiv preprint arXiv:1801.03622.
- Huang, T. C., Hsieh, C. H., Wang, H. C.** Automatic Meeting Summarization and Topic Detection System. In: *Data Technologies and Applications*, 2018, pp. 351–365.
- Jacobs, T., Tschötschel, R.** Topic models meet discourse analysis: a quantitative tool for a qualitative approach. *International Journal of Social Research Methodology*, 2019, vol. 22, no. 5, pp. 469–485.
- Jockers, M. L., Mimno, D.** Significant themes in 19th-century literature. *Poetics*, 2013, vol. 41, no. 6, pp. 750–769.

- Lau, J. H., Newman, D., Karimi, S., Baldwin, T.** Best Topic Word Selection for Topic Labelling. In: Proc. of the 23rd Int. Conf. on Computational Linguistics, Association for Computational Linguistics. Stroudsburg, PA, 2010, pp. 605–613.
- Lee, D., Seung, H.** Learning the Parts of Objects by Non-Negative Matrix Factorization. *Nature*, 1999, vol. 401, pp. 788–791.
- Liu, L., Tang, L., Dong, W., Yao, S., Zhou, W.** An Overview of Topic Modeling and Its Current Applications in Bioinformatics. *SpringerPlus*, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 1–22.
- Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu., Melnik, A. G., Popova, T. I.** Methodological problems of creating a Computer Anthology of the Russian story as a language resource for the study of the language and style of Russian artistic prose in the era revolutionary changes (first third of the 20th century)]. In: Computational Linguistics and Computational Ontologies. ITMO University. St. Petersburg, 2018a, iss. 2, pp. 97–102. (in Russ.)
- Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu., Popova, T. I., Melnik, A. G., Zamirajlova, E. V.** On the principles of the Creation of the Russian Short Story Corpus of the First Third of the 20th Century]. In: Proc. of the XV Int. Conf. on Computer and Cognitive Linguistics ‘TEL 2018’. Kazan, 2018b, pp. 180–197. (in Russ.)
- Martynenko, G., Sherstinova, T.** Linguistic and Stylistic Parameters for the Study of Literary Language in the Corpus of Russian Short Stories of the First Third of the 20th Century. In: R. Piotrowski’s Readings in Language Engineering and Applied Linguistics, Proc. of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019). St. Petersburg, 2020, vol. 2552, pp. 105–120. (in Russ.)
- McFarland, D. A., Ramage, D., Chuang, J., Heer, J., Manning, C. D., Jurafsky, D.** Differentiating language usage through topic models. *Poetics*, 2013, vol. 41, no. 6, pp. 607–625.
- Mitrofanova, O. A.** Analysis of Fiction Text Structure by Means of Topic Modelling: A Case Study of “Master and Margarita” Novel by M. A. Bulgakov]. In: Corpus Linguistics – 2019. St. Petersburg, 2019, pp. 387–394. (in Russ.)
- Mitrofanova, O. A.** Topic modelling of special texts based on LDA algorithm]. In: Proceedings of XLII International Philological Conference. Selected works. St. Petersburg, 2014, pp. 220–233. (in Russ.)
- Mitrofanova, O.** Probabilistic Topic Modeling of the Russian Text Corpus on Musicology. In: International Workshop on Language, Music, and Computing. Springer, Cham, 2015, pp. 69–76.
- Moubayed, N. A., Breckon, T., Matthews, P., McGough, A. S.** SMS Spam Filtering Using Probabilistic Topic Modelling and Stacked Denoising Autoencoder. In: International Conference on Artificial Neural Networks. Springer, Cham, 2016, pp. 423–430.
- Navarro-Colorado, B.** On Poetic Topic Modeling: Extracting Themes and Motifs from a Corpus of Spanish Poetry. *Frontiers in Digital Humanities*, 2018, vol. 5, pp. 5–15.
- Nikolenko, S. I., Koltsov, S., Koltsova, O.** Topic Modelling for Qualitative Studies. *Journal of Information Science*, 2017, vol. 43, no. 1, pp. 88–102.
- O’Callaghan, D., Greene, D., Carthy, J., Cunningham, P.** An Analysis of the Coherence of Descriptors in Topic Modeling. *Expert Systems with Applications (ESWA)*, 2015, vol. 42, no. 13, pp. 5645–5657.
- Rana, T. A., Cheah, Y. N., Letchmunan, S.** Topic Modeling in Sentiment Analysis: A Systematic Review. *Journal of ICT Research & Applications*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 76–93.
- Rhody, L. M.** Topic Modelling and Figurative Language. *Journal of Digital Humanities*, 2012, pp. 19–35.
- Roberts, M., Stewart, B., Tingley, D., Airoldi, E.** The Structural Topic Model and Applied Social Science. *NIPS 2013 Workshop on Topic Models: Computation, Application, and Evaluation*, 2013, pp. 1–20.
- Roberts, M., Stewart, B., Tingley, D.** STM: An R package for structural topic models. *Journal of Statistical Software*, 2019, no. 91.1, pp. 1–40.

- Schöch, C. Topic modeling genre: an exploration of French classical and enlightenment drama. *Digital Humanities Quarterly*, 2017, vol. 11, no. 2. URL: <http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/11/2/000291/000291.html>
- Sherstinova, T., Mitrofanova, O., Skrebtsova, T., Zamiraylova, E., Kirina, M. Topic Modelling with NMF vs Expert Topic Annotation: The Case Study of Russian Fiction. *Advances in Computational Intelligence: 19th Mexican International Conference on Artificial Intelligence, MICAI 2020*, 2020, vol. 12469, pt. 2, pp. 134–152.
- Sherstinova, T., Moskvina, A., Kirina, M. Towards Automatic Modelling of Thematic Domains of a National Literature: Technical Issues in the Case of Russian. *Proc. of the 29th Conference of Open Innovations Association FRUCT*, 2021, pp. 313–323.
- Straka, M., Straková, J. Universal Dependencies 2.5 Models for UDPipe (2019-12-06). In: LINDAT / CLARIAH-CZ Digital Library at the Institute of Formal and Applied Linguistics (ÚFAL). Faculty of Mathematics and Physics, Charles University, 2019. URL: <http://hdl.handle.net/11234/1-3131>
- Tomashevsky, B. The Theory of Literature. Moscow, Aspect Press, 1996, pp. 176–192. (in Russ.)
- Uglanova, I., Gius, E. The Order of Things. A Study on Topic Modelling of Literary Texts. *Proc. of the CHR 2020: Workshop on Computational Humanities Research, CEUR Workshop Proceedings*, 2020, pp. 57–76.
- Wijffels, J. UDPipe: Tokenization, Parts of Speech Tagging, Lemmatization and Dependency Parsing with the ‘UDPipe’ ‘NLP’ Toolkit. R package version 0.8.4-1. 2020.
- Zamiraylova, E., Mitrofanova, O. Dynamic topic modeling of Russian fiction prose of the first third of the 20th century by means of non-negative matrix factorization. *Proc. of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019)*, 2020, vol. 2552, pp. 321–339.

List of Sources

Corpus of Russian Short Stories of 1900–1930s. URL: <https://russian-short-stories.ru/>.

Информация об авторе

Маргарита Александровна Кирина, магистрант

Information about the Author

Margarita A. Kirina, Master's Student

Статья поступила в редакцию 05.12.2021;
одобрена после рецензирования 10.04.2022; принята к публикации 20.04.2022
The article was submitted 05.12.2022;
approved after reviewing 10.04.2022; accepted for publication 20.04.2022

Научная статья

УДК 81'23; 81.411.2

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-110-125

Влияние семиотического типа стимулов на извлечение информации из языкового сознания

Вероника Александровна Каменева¹

Надежда Владимировна Рабкина²

Наталья Вадимовна Потапова³

Ирина Станиславовна Морозова⁴

¹⁻⁴ Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

¹ russia_science@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

² nrabkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

³ nv_potapowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7593-1713>

⁴ ishmorozova@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0862-7225>

Аннотация

Представлены данные об информативном потенциале направленного цепочечного эксперимента с тремя стимулами: вербальным, визуальным и гетеросемиотическим (визуально-вербальным). В качестве вербального стимула было предложено словосочетание «коронавирусная инфекция (COVID-19)», визуального – изображение коронавируса, вызывающего коронавирусную инфекцию (COVID-19). Гетеросемиотический стимул объединил изображение коронавируса (COVID-19), подписанное словосочетанием «коронавирусная инфекция (COVID-19)». Материал исследования составили 1 122 реакции респондентов. Верификация информативности направленного цепочечного эксперимента осуществлялась в три этапа в соответствии с тремя представленными стимулами. В результате первого этапа было получено 356 реакций, второго – 380, третьего – 386. Общее число респондентов, принявших участие в эксперименте, составило 300 (в каждом этапе принимали участие 100 респондентов). Работа основывается на теоретико-методологической базе психолингвистики. Метод анкетирования и метод направленного цепочечного эксперимента применялись для составления выборочной совокупности исследования. Для обработки полученных данных использовались такие методы исследования, как метод семантического гештальта Ю. Н. Караулова, синтез, анализ и сравнение. Получены результаты по семантическим зонам (лицо, предмет, признаки / качества): среди реакций на только вербальный стимул более подробно представлены реакции, связанные с симптомами, средствами лечения и профилактики, сценарием заболевания, реакциями и эмоциями, последствиями. В группах, включавших в себя визуальный компонент, эти реакции не столь многообразны, кроме тех, что связаны с реакциями и эмоциями. Самую многочисленную группу составили предметы, наименьшую – признаки / качества. Сделан вывод, что вербальный стимул непосредственно связан с раскрытием сути явления, а визуальный вызывает у реципиентов ассоциации, связанные с формой и внешним видом объекта на предъявленном изображении. В ходе третьего этапа ассоциативного эксперимента было установлено, что визуальный компонент предъявленного вербально-визуального стимула вызывает у респондентов в большей степени нейтральные реакции. Этот результат подтвердил предположение о взаимосвязи визуального стимула в большей части с формой, цветом, текстурой и другими физическими характеристиками изображения, выбранного в качестве визуального стимула, в то время как вербальный компонент предъявленного стимула вызвал у респондентов негативно окрашенные ассоциации, подтверждая непосредственную связь вербального стимула с сутью явления.

Ключевые слова

психолингвистика, вербальный стимул, визуальный стимул, вербально-визуальный стимул, коронавирусная инфекция, ассоциат, рецепция, классификация ассоциаций, ассоциативное поле

© Каменева В. А., Рабкина Н. В., Потапова Н. В., Морозова И. С., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 110–125

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 110–125

Для цитирования

Каменева В. А., Рабкина Н. В., Потапова Н. В., Морозова И. С. Влияние семиотического типа стимулов на извлечение информации из языкового сознания // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 110–125. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-110-125

The Influence of the Semiotic Type of Stimuli on the Extraction of Information from Language Consciousness

Veronika A. Kameneva¹, Nadezda V. Rabkina²
Natalia V. Potapova³, Irina S. Morozova⁴

^{1–4} Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

¹ russia_science@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

² nrabkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

³ nv_potapova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7593-1713>

⁴ ishmorozova@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0862-7225>

Abstract

The contemporary communicative environment is mostly visual, which means that traditional linguistic techniques of concept formation studies have to be revised. The concept COVID-19 pandemic has been unfolding in the language consciousness of the global community for about three years. It is valuable material for a psycholinguistic experiment since it allows researchers to study the initial stage of concept formation, whereas associative experiments based on words that denote familiar phenomena or concepts are strongly affected by linguo-cultural environment. The present psycholinguistic experiment features a modified continuous associative test based on the concept COVID-19 with a total of 1,122 verbal reactions. The experiment consisted of three parts and involved 100 respondents. The first test featured the verbal stimulus “coronavirus infection (COVID-19)” and produced 356 reactions; the second one was based on a media-popularized image of the virus (380 reactions), and the third one introduced a combined visual-verbal stimulus (386), i.e. a picture and its verbal description. The obtained data were processed with the help of the semantic gestalt method developed by Yu. N. Karaulov. In the first test, featuring the verbal stimulus, the respondents tried to disclose the essence of the phenomenon, while in the second test the visual stimulus triggered associations with shape and appearance. The third visual-verbal stimulus produced more neutral reactions. These results confirm the assumption that the visual stimulus is mostly related to shape, color, texture, and other physical characteristics. The verbal stimulus evoking mostly negative associations, confirms the direct connection of the verbal stimulus and the essence of the phenomenon (the referent). So, the concept COVID-19 finds the following description in the linguistic worldview of Russian youth: coronavirus is a dangerous lethal disease that causes much fear, is characterized by fever, cough and loss of smell and can be prevented by such measures as wearing face masks, quarantine, self-isolation, social distancing, and using QR-codes. The virus resembles a planet, a ball, a flower or a fungus. The modified verbal-visual continuous associative test proved to have an increased information potential, which provides a greater amount of linguo-cognitive information than the conventional experiment based on a verbal stimulus.

Keywords

psycholinguistics, verbal stimulus, visual stimulus, verbal-visual stimulus, coronavirus infection, associate, reception, classification of associations, associative field

For citation

Kameneva, V. A., Rabkina, N. V., Potapova, N. S., Morozova, I. S. The Influence of the Semiotic Type of Stimuli on the Extraction of Information from Language Consciousness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 110–125. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-110-125

Введение

Актуальность исследований языкового сознания (далее – ЯС) объясняется трансформациями, которые претерпела коммуникативная среда современного человека. Сегодня большая часть информации кодируется графически независимо от ее коммуникативной направленности. Визуализация и инфографичность основных информационных потоков, во-первых, упрощает объяснение сложных концептов; во-вторых, минимизирует коммуникативные неудачи в случаях, если так называемый «глобальный реципиент» не в полной мере владеет

языком кодирования; в-третьих, быстрее формирует и закрепляет чувственный образ, чем вербальная подача.

Актуальность совершенствования методологии исследований ЯС обусловлена тем, что в связи с глобализацией и интенсификацией информационных процессов большая часть представлений о явлениях или событиях, равно как и оценочное отношение к ним, формируется в сознании современного человека без непосредственного опыта переживания.

Постановка вопроса

Цель данного исследования – изучить информативность модифицированного метода цепочечного направленного ассоциативного эксперимента. Под информативным потенциалом в данной работе понимается весь объем лингвокогнитивных данных, которые можно извлечь в ходе модифицированного цепочечного направленного ассоциативного эксперимента посредством применения стимулов различной семиотической природы (вербального и визуального) и одного гетеросемиотического (визуально-вербального).

В качестве вербального стимула было выбрано словосочетание «коронавирусная инфекция (COVID-19)», визуальным стимулом послужило растиражированное СМИ изображение вируса COVID-19, в качестве гетеросемиотического стимула, активирующего два канала получения информации, послужило изображение коронавируса (COVID-19), подписанное словосочетанием «коронавирусная инфекция (COVID-19)».

Пандемия и все связанные с этим понятием смыслы формируются у реципиентов всего лишь около трех лет, что позволяет исследователям увидеть трансформационные процессы, происходящие в ЯС на начальной стадии его формирования. В проводимых же сейчас ассоциативных экспериментах при выборе слов-стимулов, исследователи ориентируются на привычные явления или понятия, на константы культуры, поэтому в результатах доминирует культурологическая информация, высвечивающая специфику уже сформированных в ЯС человека понятий, и это значит, что исследователь имеет дело только с *ценностными* константами лингвокультуры. Указанное методологическое различие еще раз подчеркивает актуальность предпринятого исследования.

Кроме того, актуальность работе придает тематика пандемии в свете вопросов о культурной специфике изменений ЯС. Пандемия за очень короткий промежуток времени радикально изменила наполнение инфосферы. Семантическое поле COVID-19 превалирует во всех видах СМИ. В этом смысле относящаяся к эпидемии лексика стала беспрецедентно удобным инструментом изучения ЯС и процессов ее концептуализации различными этносами. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты исследований на материале французского, корейского и китайского языков.

Так, например, работа М. Дебрэнн и М. Лафуркад, основанная на сравнительном анализе данных первого (2010) и второго (2020) изданий ассоциативного словаря французского языка, посвящена тому, как пандемия изменила ядро ЯС французов. Удивительно, но изменения в ассоциативных нормах оказались в пределах статистической погрешности. Так, категории реакций на стимул «malade» (фр. больной) не изменились, а их наполнение изменилось незначительно: во втором издании не зафиксированы такие эмоциональные реакции, как страх или опасность. В число новых реакций вошли «COVID», «COVID-19», «coronavirus», «sogona», «masque» и «confiné» (самоизолированный), однако в процентном соотношении на эти реакции приходится всего 3,25 % от общего числа. Самые частотные реакции («больница», «грипп», «лекарство», «лихорадка», «доктор» и т. д.) не изменились, однако удвоилась частотность реакции «virus». Анализ данных показал некоторые изменения в стимулах, вызвавших реакцию «masque» (маска): если до пандемии эта реакция возникала в основном на стимулы, связанные со спортом и культурой («нырять», «театр», «африканский»), то издание 2020 г. зафиксировало эту реакцию в ответ на стимулы «защита», «больной», «предоставлять», «лечение» и «транспорт» [Дебрэнн, Лафуркад, 2021].

Метод метафорических моделей, приложенный к материалу заголовков китайских и южно-корейских газет, посвященных пандемии, показал различия в концептуализации. Если в Южной Корее СМИ активно эксплуатировали метафору страха, то в КНР на первый план вышло метафорическое сравнение вируса с врагом, против которого надо объединиться [Калинин, Мавлеева, 2020].

Ассоциативный эксперимент: плюсы и минусы методологии

Обзор зарубежной и российской научной литературы позволил обобщить сильные и слабые стороны ассоциативного цепочечного (цепного) эксперимента (далее – АЦЭ) [Fitzpatrick et al., 2015], а также способы его адаптации в смежных с психолингвистикой научных направлениях.

АЦЭ (*continuous associative test* [Nielsen, Ingwersen, 1999], или эксперимент с продолжающейся реакцией [Алферова, 2005]) позволяет выявить ассоциативное значение слова-стимула или отношения между двумя словами-стимулами [Deese, 1962] «на уровне ощущений», интуиции: *feeling of what goes with what* [Kiss, 1975]. Следовательно, анализ вербальных реакций на слово-стимул открывает сначала доступ к вербальной, ситуационной, рабочей памяти респондента, его мыслительным процессам, эмоциональным состояниям и отдельным свойствам личности [Nielsen, Ingwersen, 1999] и далее к осознанному или неосознанному пониманию связей между концептами в его ЯС.

АЦЭ предполагает однократную демонстрацию стимула при неограниченном количестве реакций, которые респондент успеет выдать за определенное время, и минимум «прайминга», т. е. актуализации установки, а значит, обеспечивает максимально естественную реакцию респондента [Ibid.], в чем и заключается основной плюс этого метода. Однако в результате возникает риск, что каждое последующее слово-ассоциация будет связано с предыдущим словом-реакцией, а не с изначальным словом-стимулом (*chaining*). Респондент все дальше уходит от изначального концепта, отвлекается от него, что является основным недостатком данного метода.

Однако А. А. Яковлев, целенаправленно исследовавший данный методологический изъян, полагает, что наличие немногочисленных реакций (ок. 1 %), не связанных непосредственно со стимулом, не искажает картину общих тенденций ассоциативного эксперимента. «Ассоциации, выражающиеся в реакциях, содержатся в сознании и ментальном лексиконе симультанно, но эксперимент заставляет писать их сукцессивно» [Яковлев, 2018, с. 22]. Связь реакций между собой действительно существует, но последовательность экстерииоризации реакций носит случайный характер.

В принципе, на эффекте *chaining* основан и масштабный лонгитюдный проект лексической сети GWAP (game with a purpose), в ходе которого, каждое слово, появлявшееся в лексической сети в качестве реакции, предлагается следующему участнику уже в роли стимула [Дебрэнн, Лафуркад, 2021].

Чтобы избежать указанного выше риска, некоторые исследователи предлагают инструктировать респондентов, чтобы те перечисляли слова-реакции в виде вертикального списка [Çetikaу et al., 2020]. Строго говоря, ассоциативный ряд не является цепью: каждое отдельное звено не только связано с двумя соседними, но и определяет как последующее, так и предыдущее звено, будучи, в свою очередь, само определено общей структурой ряда [Леонтьев, 1983, с. 70]. Другой способ избежать «цепочечного эффекта» – усилить контроль при помощи добавочного «прайминга». Так, если выборка респондентов была основана на общности профессии, то можно проинструктировать их семантически оставаться в рамках своей сферы деятельности [Nielsen, Ingwersen, 1999]. Однако «прайминг», т. е. попытка направить спонтанность реакций уже в ходе эксперимента, снижает валидность результата и искажает реальную картину протекания ассоциативного процесса [Выговская, 2014].

Итак, АЦЭ имеет своей целью снять «слепок» с живого, спонтанного ментального вокабуляра пользователя во всей его вариативности, т. е. фиксировать не только конвенциональные, предсказуемые связи между исследуемыми понятиями, кодифицированные в толковых словарях, но и выявлять новые неожиданные реакции на них – как парадигматические, так и синтагматические. Однако это ингерентное свойство АЦЭ чревато нежелательными последствиями: теоретически существует риск высокой субъективности реакций [Nielsen, Ingwersen, 1999], которые могут оказаться малоинформативными для характеристики ЯС изучаемой группы в целом.

Вместе с тем АЦЭ позволяет проанализировать не только вербальные реакции, но и сделать определенные выводы на основании анализа времени реагирования [Ibid.]. Ограничение по времени может вызвать определенные проблемы. С одной стороны, если тест включает в себя большое количество слов-стимулов, то слишком маленький временной промежуток может привести к отсутствию реакций в каком-то проценте случаев¹. С другой – слишком большой временной промежуток убирает элемент естественности и спонтанности реакции, так как у респондента будет время отредактировать свой ответ [Han, Trueh, 2020].

Таким образом, в спонтанном характере реакций заключается как плюс, так и минус ассоциативного эксперимента в целом. С одной стороны, метод позволяет зафиксировать и интегрировать спонтанные, естественные и субъективные отношения между концептами [Nielsen, Ingwersen, 1999]. Респонденты работают со значением слова в «режиме употребления», что позволяет выделять некоторые неосознаваемые, но объективно существующие в узусе компоненты значения [Алферова, 2005]. С другой стороны, возможность неправильного понимания снижает надежность АЦЭ: всегда остается вероятность неправильной интерпретации – как слова-стимула респондентом, так и реакции респондента исследователем [Nielsen, Ingwersen, 1999]. Для устранения данной проблемы можно воспользоваться предложенным ранее решением, а именно ввести дополнительный пункт с инструкцией дать слову-стимулу дефиницию или предъявлять слова-стимулы в контексте [Aitchison, 1994].

Методологическую проблему, связанную с отсутствием контекста, когда имеет место искажение понимания полисемичных слов-стимулов и затруднение интерпретаций реакций, А. А. Яковлев также предлагает решать с помощью раздаточного материала, в котором могут присутствовать небольшие тексты, разъясняющие значение редких слов [Яковлев, 2017]. Однако влияние контекста стимула может быть весьма неоднозначным из-за компромисса между контекстом и собственным чувственным опытом испытуемых [Рогожникова, 2000]. По этой причине АЦЭ предпочтительнее других вариантов этого метода с более жестким «праймингом» в тех случаях, когда у слова-стимула очень устойчивая первая ассоциация, например, *кровь* – *красная*. АЦЭ позволяет выявить более слабые ассоциации и, следовательно, более удобен для представления результатов в виде векторных моделей. Так, Ю. А. Жеребцова и др. провели векторное моделирование на материале чатов в мессенджере «Telegram». Исследование показало, что при обсуждении эпидемии COVID-19 пользователи задействуют такие лексемы, как «врач», «вирус», «больница», «заразить коронавирусом» [Жеребцова, 2021, с. 66]. Кроме того, порядок следования реакций в цепи дает дополнительный материал для анализа иерархии структуры концепта [Deyne, Storms, 2008].

В целом, свободный АЦЭ позволяет, тем не менее, максимально приблизиться к труднодостижимой для психолингвистики задаче – анализу ЯС в момент протекания реализующих его процессов, дает возможность овнешнения ЯС, т. е. его фиксирования в виде образов, составляющих данные для последующего анализа [Уфимцева, 2003]. Это инструмент, позволяющий опосредованно наблюдать процесс функционирования не только индивидуального

¹ Наряду с риском цепной ассоциации (*chaining*), вариант АЦЭ, где от участников требуется перечислить как можно больше ассоциатов на один стимул, может тормозить процесс вспоминания (*retrieval inhibition*). Экспериментально доказано, что человек медленнее распознает слово, если непосредственно перед этим ему демонстрировали другое, но каким-то образом связанное с ним слово [Deyne, Storms, 2008].

ЯС, но и формирования группового [Рогожникова, 2000], поскольку респонденты подбираются по контролируемым социокультурным и возрастным признакам.

Кроме того, АЦЭ удобен не только для исследования образа, эксплицированного вербально, но и для исследования социокультурных стереотипов на визуально-изобразительном уровне, например в кинематографе, имагологии [Lyubutova, 2020]².

Всё вышеперечисленное указывает на эффективность АЦЭ как метода исследования ЯС, но при этом очевидна необходимость его модификации для повышения информативности. Именно поэтому при сборе фактологического материала нами был использован модифицированный АЦЭ. Классический вариант данного метода с вербальным стимулом позволяет изучить ассоциативные нормы определенного социального объекта, определив набор основных понятий, ставших его символами в сознании людей [Архипова, 2011, с. 8]. Модифицированный АЦЭ обладает большим информативным потенциалом.

Состав испытуемых и методика проведения исследования

Данные были собраны в течение ноября 2021 – января 2022 г. В АЦЭ участвовали 300 человек в возрасте от 17 до 26 лет, обладающие следующими характеристиками:

- 1) родной язык – русский;
- 2) культурный слой – городские жители (г. Кемерово и г. Новокузнецк);
- 3) образование – студенты и недавние выпускники вузов этих городов, представители разных отраслей знаний (педагоги, дефектологи, психологи, филологи, математики, историки).

Выбор студенческой молодежи в качестве испытуемых объясняется их физиологической и интеллектуальной зрелостью, общественной активностью, достаточной степенью социализации и богатыми социальными потенциалами. К указанному возрасту «становление языковой личности в основном завершается, и, значит, в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента» [Караулов, 1994, с. 192].

Выбор респондентов важен и в плане перспективы сравнительного анализа. Хотя некоторые исследователи полагают, что любой объемный список слов-стимулов неизбежно приводит к одному и тому же для каждой данной культуры ядру ЯС [Уфимцева, 2000], многолетние исследования М. Дебрэнн доказывают, что ядро ЯС устойчиво, только если построено на основе реакций на одни и те же стимулы в одном и том же возрастном культурном слое [Дебрэнн, Лафуркад, 2021, с. 83].

Эксперимент состоял из трех этапов. Первый был направлен на выявление у ста респондентов продолжающихся вербальных реакций на предъявляемый вербальный стимул. С этой целью испытуемым предлагалось в письменной форме написать в течение 1–3 мин. четыре пришедших на ум слова, которые вызывает у них словосочетание-стимул «коронавирусная инфекция (COVID-19)». Предлагая данное задание, мы учитывали, что воспринимаемое словосочетание порождает в сознании участников эксперимента систему связей и отношений, отражающих образы предметов, явлений, понятий, действий и слов, эмоциональное состояние в данный момент, а также всё то индивидуально-личностное, что отложилось в житейском опыте индивида. Флуктуации обусловлены природой ментального лексикона и сознания человека. Ассоциация не является стойкой последовательностью между словами, так как

² За рамками психолингвистики АЦЭ выступает альтернативной методикой оценивания знаний обучающихся. Он позволяет определить сформированность связей между различными понятиями в процессе обучения. С помощью АЦЭ можно оценить эффективность учебных текстов, в том числе иллюстрированных [Çetıkaya et al., 2020], и его удобно комбинировать с такими методами, как концептуальная карта [Kostova, Radoynovska, 2008]. В политической лингвистике доказано, что ассоциативный тест хорошо работает как средство анализа общественного мнения и альтернатива оценочным опросам [Han, Truex, 2020]. Теоретически АЦЭ может стать частью и процесса каталогизации предметов искусства – к примеру, при создании систем тематического поиска для музейных фондов [Nielsen, Ingwersen, 1999].

сущность использования слова состоит в постоянном привязывании этих связей к динамическим условиям речевого общения. Реакция в ассоциативном эксперименте связана со всей совокупностью психических процессов и личностью в целом. В условиях ассоциативного эксперимента выбор реакции происходит случайным образом (часто испытуемый не может постфактум объяснить свой выбор), но их совокупность выявляет закономерные тенденции внутренних связей ментального лексикона [Яковлев, 2018]. Следовательно, инструкция отвечать «первым словом, которое придет на ум» имеет принципиальное значение: как справедливо отмечает Р. М. Фрумкина, «если есть отбор, нет ассоциативного процесса в общепринятом в истории психологии смысле» [Фрумкина, 2007, с. 302].

Планируя второй этап эксперимента, мы опирались на принципиально важное и недооцениваемое положение А. А. Миклашевского: способность сознания оперировать как с вербальной, так и со зрительной информацией реализуется в результате двойного кодирования, когда одна система ответственна за кодирование и обработку зрительной информации, другая – за кодирование и обработку вербальной информации [Миклашевский, 2014, с. 56]. Не отрицая взаимного влияния этих двух систем репрезентации единого знания о мире, он убедительно обосновывает тот факт, что зрительные образы организованы в систему по принципам, отличным от языковых. Поэтому второй сотне испытуемых предлагалось растиражированное СМИ изображение вируса COVID-19 с заданием дать четыре пришедших на ум слова в течение 1–3 мин. Кроме письменной инструкции «Посмотрите, пожалуйста, на изображение, а затем напишите по порядку четыре ассоциации, которые возникли у вас», они получили эту же инструкцию и в устной форме.

Третий этап эксперимента проводился при участии ста человек, не вовлеченных в первый и второй этапы исследования, и был направлен на выявление у них продолжающихся вербальных реакций на предъявляемый визуально-вербальный стимул. В течение 1–3 мин. они должны были написать четыре пришедших на ум слова, вызванных в сознании комплексным гетеросемиотическим стимулом – изображением вируса COVID-19, сопровождавшимся подписью «коронавирусная инфекция (COVID-19)».

Чтобы каждое последующее слово-ассоциация не связывалось с предыдущим словом-реакцией, реакции вписывались в заполняемой респондентами форме в виде вертикального списка.

В результате первого этапа было получено 356 реакций, второго – 380, третьего – 386.

Сбор выборочной совокупности исследования и анализ данных осуществлялись при помощи следующих методов: анкетирование, синтез, анализ, цепочечный направленный ассоциативный эксперимент с четко обговоренным количеством требуемых реакций, прагма-семантический анализ реакций респондентов на стимулы для составления классификации реакций, метод семантического гештальта для выявления эффективности модифицированного ассоциативного метода.

Результаты исследования по вербальному стимулу

Полученные слова-реакции были проанализированы по методу семантического гештальта (см. [Караулов, 2000]) и распределены по семантическим зонам, объединяющим стереотипные признаки явления, обозначенного словом-стимулом. Основу для именования семантических зон к словосочетанию-стимулу «коронавирусная инфекция (COVID-19)» составили базовые местоимения *кто*, *что*, *какой*, т. е. ассоциирующиеся со словосочетанием-стимулом лицо, предмет, признаки / качества. Слова-реакции каждой семантической зоны были распределены в порядке убывания.

В семантической зоне **ЛИЦО** зафиксированы три имени существительных: *врач* (4), *человек* (1), *больной* (1). Преобладающая часть слов-реакций связана с лицом, оказывающим по долгу службы медицинскую помощь заразившимся вирусом, наименьшая – с теми, кому оказывается помощь. Отметим, что в данную группу на всех этапах эксперимента были отнесе-

ны не только люди, но и другие актанты, любые активные деятели, не занимающие позицию дополнения, т. е. субъекты потенциального действия.

В семантической зоне **ПРЕДМЕТЫ** (самой многочисленной из трех) большую часть слов-реакций можно разделить на следующие группы:

- симптомы заболевания: *кашель* (13), *температура* (11), *отсутствие обоняния / изменение вкусов и запахов* (6), *легкие / поражение легких* (6), *боль* (5), *недомогание* (3), *насморк* (2), *одышка* (2), *слабость* (1), *тяжесть* (1), *сопли* (1), *слюни* (1), *жар* (1), *затрудненное дыхание* (1);
- последствия заболевания: *смерть* (14), *страх* (12), *Qr-код* (11), *карантин* (9), *изоляция / самоизоляция* (9), *ограничения* (8), *дистант / дистанционное обучение / дистанционка* (6), *пандемия* (5), *потеря / потеря (вкуса, запаха, обоняния)* (4), *запрет/ы* (4), *здоровье* (4), *дом* (4), *опасность* (3), *пневмония* (3), *больница* (4), *паника / паническая атака* (3), *сертификат* (3), *хаос* (2), *тревога* (2), *ужас* (2), *одиночество* (2), *последствия* (2), *осложнения* (1), *страдание* (1), *испуг* (1), *выздоровление* (1), *лечение* (1);
- меры борьбы с болезнью: *маска/и* (29), *прививка* (11), *вакцина / вакцинация* (12), *антисептик/и* (3), *дистанция* (2), *перчатки* (1), *меры предосторожности* (1), *дезинфекция* (1), *ИВЛ* (1), *обработка* (1), *лекарства* (1), *поликлиника* (1), *аптека* (1), *инъекция* (1), *уколы* (1), *принуждение* (1), *давление* (1), *разделение людей* (1), *границы* (1);
- экономическая составляющая пандемии (встречающиеся однократно слова-реакции): *инфляция*, *крах малого бизнеса*, *удалёнка*, *ПК*, *работа*, *кризис*, *локдаун*, *коррупция*, *долги*, *реклама*.

Среди однократно встречающихся слов-реакций в основном наблюдаются абстрактные существительные: *бдительность*, *ответственность*, *безопасность*, *решительность*, *неожиданность*, *неопределенность*, *беспомощность*, *неровность*, *нетерпимость*, *замкнутость*, *смирение*, *идиотизм*, *безумие*, *агрессия*, *вред*, *воздух*, *наука*, *миф*.

Коронавирусная инфекция также ассоциируется у респондентов с такими существительными, как *болезнь* (28), *вирус* (15), *грипп* (2) и однократно употребленными *зараза*, *ОРВИ*, *ОРЗ*, *простуда*, *чума*, *уничтожение людей*, *эксперимент*.

Среди подавляющего большинства слов с **негативной** окраской единично встречаются слова-реакции с положительной коннотацией (*новые возможности*, *интерес*); слова, имеющие отношение к времяпрепровождению находящихся на самоизоляции (*Тик-ток*, *кофе*). К словам-реакциям с **нейтральной** окраской можно отнести однократно употребленное числительное, обозначающее год выявления первых случаев заражения коронавирусом в китайском городе Ухань – 2019.

Слов-реакций, относящихся к **семантической зоне ПРИЗНАКИ / КАЧЕСТВА**, зафиксировано не было.

Таким образом, ассоциации, возникшие в сознании респондентов на словосочетание-стимул «коронавирусная инфекция (COVID-19)», в большинстве своем составляют семантическую зону **предметы**; в малочисленной семантической зоне **лицо** доминирует слово-реакция *врач*; в семантической зоне **признаки / качества** реакций не зафиксировано.

Результаты исследования по визуальному стимулу

Как и на первом этапе эксперимента, полученные слова-реакции были распределены по семантическим зонам в порядке убывания.

В семантическую зону **ЛИЦО** вошли однократно употребленные слова-реакции: *люди*, *ученый*, *животные*, *змея*.

В семантической зоне **ПРЕДМЕТЫ** зафиксированы следующие слова-реакции: *вирус / коронавирус* (90), *болезнь* (31), *ковид / Covid-19* (9), *корона* (5), *чума* (2), *заболевание* (2), *наука* (2), *биология* (2), которые трудно отнести к какой-либо из нижеприведенных классификаций.

Полученные слова-реакции делятся на следующие группы по семантике:

- симптомы заболевания: *боль* (3), *температура* (2), *слабость* (1);
- последствия заболевания: *смерть* (10), *опасность* (10), *эпидемия* (8), *страх* (8), *пандемия* (7), *карантин* (4), *паника* (3), *антипатия* (1), *негатив* (1), *смена настроения* (1), *эмоции* (1), *беспорядок* (1), *неприятность* (1), *риск* (1), *неизвестность* (1);
- меры борьбы с болезнью: *маска / масочный режим* (3), *вакцина* (2), *борьба* (2), *осторожность* (1), *кислород* (1);
- экономическая составляющая пандемии: *локдаун* (1).

Однако подавляющее большинство полученных реакций на предъявленный визуальный стимул вызвало в сознании респондентов ассоциации, связанные с **формой и внешним видом** изображенного объекта, при этом наряду с нейтральными данные слова-реакции имеют положительную или отрицательную эмоциональную окраску:

- **нейтральные**: *планета* (16), *шар* (10), *ковид / Covid-19* (9), *корона* (5), *бактерия* (4), *клетка* (4), *гриб / грибок* (4), *Мир* (3), *треугольники* (3), *планета с деревьями* (3), *Земля* (2), *микроб* (2), *оригами* (2), однократно встречающиеся: *молекула*, *лишайник на дереве*, *деревья*, *личинки*, *«Маленький принц»*, *ядро*, *пирамиды*, *лес*, *бабушка*, *гланды*, *крошки*, *мячик*, *сигарета*, *атом*, *ДНК*, *организм*, *притяжение*, *тело*, *пары*, *рассвет*, *Луна*, *вулкан*, *странность*;
- **положительную**: *цветы / цветок* (5), *жизнь / новая жизнь* (2), *огонь* (2), *ягода* (1), *узор* (1), *шоколад* (1), *сладость* (1), *пицца* (1), *забавная вязаная шапка* (1);
- **отрицательную**: *трипофобия* (2), *поражение мира* (1), *иглы* (1), *прыщ* (1), *лопнувшие капилляры* (1), *война* (1), *взрыв* (1), *холод* (1).

Кроме слов-реакций, связанных с формой и внешним видом изображенного объекта, были зафиксированы реакции, связанные с **текстурой и составом объекта**: *пыль / пыльца / частицы пыли* (6), *кровь / частички крови* (2), *пластилин* (2), *мусор* (1), *пластмасса* (1), *поролон* (1), *плесень* (1), *гниль* (1), *уголь* (1).

Помимо множества негативно окрашенных слов-реакций зафиксировано однократное употребление реакций с положительной эмоциональной окраской: *надежда*, *возможность*, *красота*, *интерес*.

В семантической зоне **ПРИЗНАКИ / КАЧЕСТВА** зафиксированы следующие слова-реакции: *красное* (3), *серый* (2), *мягкий* (1), *легкий* (1), *рыхлый* (1).

Таким образом, ассоциации, возникшие в сознании респондентов на визуальный стимул, в большинстве составляют семантическую зону **предметы**, в которой реакции можно классифицировать по форме и внешнему виду изображенного объекта, а также по структуре и составу объекта. Кроме этого, полученные реакции подразделяются по семантике на: симптомы заболевания, последствия заболевания, меры борьбы с болезнью, экономическая составляющая пандемии. Ассоциаты можно также классифицировать по степени эмоциональной окраски на нейтральные (преобладающие), положительные и отрицательные. В семантической зоне **предметы** зафиксировано четыре реакции; **признаки / качества** – пять.

Результаты исследования по визуально-вербальному стимулу

Анализ этих данных позволяет предположить, что с достаточно высокой степенью вероятности одни слова-реакции были вызваны визуальным компонентом предъявленного вербально-визуального стимула, другие – вербальным, третьи – комбинацией визуального и вербального компонентов.

В семантической зоне **ЛИЦО** однократно зафиксированы слова-реакции *летучая мышь* (вызвано вербальным компонентом как возможный источник заражения), *малоигловый динокобраз* и неопределенные существа, такие как *коричневые люди*, *инопланетные существа* и *допотопный червь*. Последние спровоцированы, вероятно, внешним видом визуального компонента предъявленного стимула и могут свидетельствовать о том, что люди оказались перед лицом новой, еще не изученной инфекции, которая вызывает в их сознании неопреде-

ленные ассоциации, предстающие в образе малопривлекательных созданий (*радиолярия, клещ, подводная амeba*). В данной зоне был также зафиксирован ассоциат с указанием на место начала распространения заболевания – *Китай* (2).

В семантической зоне **ПРЕДМЕТЫ** самыми частотными ассоциациями стали *вирус / коронавируса* (36), *болезнь* (24), *смерть* (14), *маска* (12), *температура* (9), *карантин* (9). Можно предположить, что перечисленные реакции, скорее всего, в **равной степени** вызваны как визуальным, так и вербальным компонентами предъявленного стимула. В эту группу слов можно также отнести существительные *опасность* (4), *страх* (3), *ДНК* (2) и однократно встречающиеся *мутация, СПИД, микробиология, инфекция, размножение, Ковид, кровь, мрак, негатив, всеобщая паника, переживание, шизофрения, отвращение, безразличие, неизвестность, ущерб, кладбище*.

На **визуальный компонент** смешанного стимула у респондентов довольно часто возникают ассоциации, связанные с **формой и внешним видом** объекта на предъявленном изображении, выражающиеся в употреблении слов-реакций с разной эмоциональной окраской:

- **нейтральной:** *планета* (8), *клетка* (6), *шар* (6), *микроб* (5), *бактерия/ии* (5), *гриб/ы/ок* (5), *подушка* (2), *круг* (2), *сфера* (2), *молекула* (2), однократно встречающиеся: *пуговица, споры, гриб, множество треугольников, космическая станция, астероид, пучки, эпидермис, волосяные луковицы, симбиот, Марс, подводная амeba, клещ, мишень с воткнутыми дротиками, шапочка для душа, помпон от шапки, лишайник, снежинка, абстракция, компьютерная графика, отростки, облако, Луна, Мир, радиолярия, развитие, жизнедеятельность, рост, копия, деление, фантики на клумбе, ландшафтный дизайн для кошки;*

- **положительной:** *мяч / мячик* (5), *цветок / цветы* (4), *klubок пряжи* (4), *игрушка* (4), *конфета* (3), *украшение* (2), однократно встречающиеся: *попрыгунчик, вязаный мягкий шарик, шарик-антистресс, фрикаделька, пицца, кукуруза, торт, мороженное, волшебный лес, ананас, зарождение нового, пробивание сквозь землю, экстравагантная прическа;*

- **отрицательной:** *мина подводная* (2), однократно встречающиеся: *опухоль, раковая клетка, шипица, радиация, не рождённый эмбрион, прищемлённый ноготь, Карнаж, пылесборник, варикоз, салюты на грязном снегу, броня, поражение живого, Припять.*

Предъявленное изображение вызвало определенные ассоциации, связанные также с **текстурой и составом объекта:** *пыль* (4), *губка* (2), *ковёр* (2), *плед* (1), *бархат* (1), *мочалка* (1), *пенопласт* (1), *грязь* (1).

Исходя из полученных данных можно заключить, что визуальный компонент предъявленного вербально-визуального стимула вызывает у респондентов в большей степени нейтральные реакции, в меньшей – отрицательные. Противоположная ситуация наблюдается с реакциями, возникшими на вербальный компонент предъявленного стимула: в подавляющем большинстве они негативно окрашены, тогда как нейтральные реакции достаточно редки.

Полученные ассоциаты можно разделить, как и на двух предыдущих этапах эксперимента, на ряд групп:

- симптомы заболевания: *кашель* (4), *изменение вкусов и запахов / потеря обоняния* (4), *грипп* (2), *одышка* (2), *боль / головная боль* (2), *усталость* (1);

- последствия заболевания: *изоляция / самоизоляция* (5), *эпидемия* (5), *одиночество* (3), *пандемия* (2), *заражение* (2), *опасное заболевание* (2), *запреты* (2), *ограничения* (2), *печальные многочисленные исходы* (1), *скука* (1), *депрессия* (1), *горе* (1), *вранье* (1), *закрытые границы* (1), *манипуляция* (1), *QR-коды* (1), *психосоматика* (1);

- меры борьбы с болезнью: *прививка* (5), *профилактика* (2), *антисептик* (2), *аппарат ЭКГ* (1), *покой* (1);

- экономическая составляющая пандемии: *локдаун* (2), *инфляция* (1), *социально-экономическая проблема* (1), *новости* (1).

Семантическая зона **ПРИЗНАКИ / КАЧЕСТВА** насчитывает два имени прилагательных мужского рода – *живой* и *красный*. Слово-реакция *живой* было употреблено трижды – один раз самостоятельно и дважды в словосочетании *живой организм*. Прилагательное *красный*

употреблено однократно самостоятельно и однократно в словосочетании *планета с красными деревьями*. Данные ассоциации, очевидно, вызваны визуальным компонентом предъявленного стимула.

Сравнение результатов по визуальному, вербальному и визуально-вербальному стимулам

В ходе эксперимента было доказано, что при применении гетеросемиотического стимула (визуально-вербального) объем полученных лингвокогнитивных данных больше, чем при применении гомосемиотических стимулов (визуального или вербального). При этом преобладают нейтральные ассоциаты, вызванные в большей степени визуальным компонентом комплексного стимула.

Семантическая зона ЛИЦО представлена 14 словами-реакциями: *врач* (4), *люди / коричневые люди* (2), однократно встречающимися: *человек, больной, ученый, животные, змея, летучая мышь, малоизгольный дикобраз, инопланетная живность, допотопный червь, радиолария, клещ, подводная амeba*.

Семантическая зона ПРЕДМЕТЫ является самой многочисленной, в нее входят слова-реакции с разной эмоциональной окраской: нейтральной, положительной, отрицательной. Было выявлено, что негативно окрашенные слова-реакции в большей степени спровоцированы вербальным стимулом, в то время как нейтрально окрашенные слова-реакции вызваны визуальным стимулом. Положительно окрашенные слова-реакции встречаются на всех этапах эксперимента, но они малочисленны.

Семантическая зона ПРИЗНАКИ / КАЧЕСТВА оказалась самой малочисленной (всего 6 прилагательных): *серый* (3), *красный/ое* (5), *живой* (3), *мягкий* (2), *легкий* (1), *рыхлый* (1), при этом слов-реакций, вызванных только вербальным стимулом, в данной группе зафиксировано не было.

Было отмечено 21 слово, возникших как реакции на все три стимула и отмеченных на всех трех этапах эксперимента (см. таблицу).

Частотные характеристики совпадающих реакций по трем стимулам
Frequency characteristics of coinciding responses for three stimuli

№	Реакция	Стимул		
		вербальный	визуальный	визуально-вербальный
1	вирус / коронавирус (141)	15	90	36
2	болезнь (83)	28	31	24
3	маски (44)	29	3	12
4	смерть (38)	14	10	14
5	страх (23)	12	8	3
6	температура (22)	11	2	9
7	карантин (22)	9	4	9
8	опасность (17)	3	10	4
9	прививка (17)	11	1	5
10	вакцина / вакцинация (17)	12	2	3
11	пандемия (14)	5	7	2
12	эпидемия (14)	1	8	5
13	ковид / COVID (12)	2	9	1
14	ограничения (11)	8	1	2

Окончание таблицы

№	Реакция	Стимул		
		вербальный	визуальный	визуально-вербальный
15	боль (10)	5	3	2
16	запрет/ы (7)	4	1	2
17	паника (6)	2	3	1
18	грипп (5)	2	1	2
19	локдаун (4)	1	1	2
20	поражение (мира / живого / легких) (4)	2	1	1
21	неизвестность (3)	1	1	1

Наибольшее количество совпадающих реакций было получено при использовании визуального и визуально-вербального стимулов – 33 слова. Несколько меньше совпадающих реакций получено при использовании вербального и визуально-вербального стимулов – 13 слов. Наименьшее количество совпадающих реакций получено при применении гомосемиотических вербального и визуального стимулов – 11 слов.

Итак, в сознании респондентов предъявленные стимулы ассоциируются с вирусом / коронавирусом, который представляет собой болезнь, воспринимаемую как опасность и вызывающую страх умереть. Самыми распространенными симптомами ковида считают температуру, кашель и потерю обоняния. К мерам борьбы / профилактики относят в основном маски, карантин и изоляцию / самоизоляцию. Эпидемия / пандемия сопровождается страхом, ограничениями, введением QR-кодов. Внешне вирус напоминает планету, ассоциируется по форме с шаром, цветком или грибом.

При этом на каждом этапе эксперимента были зафиксированы **уникальные (несовпадающие) реакции**. Наименьшее количество уникальных реакций было получено **на визуальный стимул (52)**: корона (5), Мир (3), огонь (2), оригами (2), трипофобия (2), пластилин (2), ученый, животные, змея, антипатия, негатив, смена настроения, эмоции, беспорядок, риск, осторожность, кислород, личинки, «Маленький принц», ядро, пирамиды, лес, бабушка, glands, крошки, сигарета, атом, притяжение, тело, пары, рассвет, вулкан, странность, ягода, узор, шоколад, сладость, иглы, прыщ, лопнувшие капилляры, война, взрыв, холод, мусор, пластмасса, поролон, гниль, уголь, надежда, красота, легкий, рыхлый.

Несколько больше уникальных реакций было зафиксировано **на вербальный стимул (65)**: легкие / поражение легких (6), врач (4), больница (4), сертификат (3), недомогание (3), насморк (2), хаос (2), ужас (2), последствия (2), тяжесть, сопли, слюни, жар, затрудненное дыхание, осложнения, страдание, выздоровление, перчатки, дезинфекция, ИВЛ, обработка, лекарства, поликлиника, аптека, инъекция, уколы, принуждение, давление, разделение людей, уничтожение людей, границы, крах малого бизнеса, ПК, работа, кризис, коррупция, долги, реклама, зараза, ОРВИ, ОРЗ, простуда, эксперимент, интерес, Тик-ток, кофе, человек, больной, бдительность, ответственность, безопасность, решительность, неожиданность, неопределенность, беспомощность, неровность, нетерпимость, замкнутость, смирение, идиотизм, безумие, агрессия, вред, воздух, миф.

Подавляющее большинство уникальных реакций было отмечено **на визуально-вербальный стимул (90)**: клубок (пряжи/для вязания) (4), игрушка (4), конфета (3), живой (3), украшение (2), Китай (2), подушка (2), губка (2), ковер (2), круг (2), сфера (2), мина (подводная) (2), заражение (2), профилактика (2), инопланетные существа, допотопный червь, летучая мышь, малоигольный дикобраз, радиолярия, клещ, подводная амeba, мутация, СПИД, размножение, мрак, переживание, шизофрения, отвращение, безразличие, ущерб, кладбище,

пуговица, споры, космическая станция, астероид, пучки, эпидермис, волосяные луковицы, симбиот, Марс, мишень с воткнутыми дротиками, снежинка, абстракция, компьютерная графика, отростки, облако, развитие, жизнедеятельность, рост, копия, деление, фантики на клумбе, ландшафтный дизайн для кошки, попрыгунчик, фрикаделька, кукуруза, торт, мороженное, волшебный лес, ананас, зарождение нового, пробивание сквозь землю, экстравагантная прическа, опухоль, шишца, радиация, не рожденный эмбрион, прищемленный ноготь, Карнаж, пылесборник, варикоз, салюты на грязном снегу, броня, Припять, плед, бархат, мочалка, пенопласт, усталость, печальные многочисленные исходы, скука, депрессия, горе, вранье, манипуляция, психосоматика, аппарат ЭКГ, покой, социально-экономическая проблема, новости.

Таким образом, очевидно, что комплексный визуально-вербальный стимул провоцирует больше ассоциатов в сознании респондентов, чем отдельно взятые вербальный и визуальный стимулы.

Заключение

Во-первых, проведенное исследование позволило подтвердить влияние семиотического типа стимулов на извлечение информации из ЯС.

Во-вторых, в ходе эксперимента было доказано, что при применении гетеросемиотического стимула объем полученных лингвокогнитивных данных больше, чем при применении таких гомосемиотических стимулов, как визуальный или вербальный.

В-третьих, наличие визуального стимула порождает ассоциации визуального характера, связанные с формой, цветом, физическими характеристиками стимула.

В-четвертых, в реакциях на вербальный стимул отмечено полное отсутствие попыток развернутого описания, тогда как добавление визуального стимула дало большое количество реакций-словосочетаний, которые стали наиболее многочисленными в группе реакций на визуально-вербальный стимул. Самая распространенная частеречная структура таких сложных реакций – *прилагательное + существительное*. Представляется вполне закономерным, что введение визуального стимула привело к появлению реакций-прилагательных, которые практически отсутствовали в случае только вербального стимула.

В-пятых, среди реакций на вербальный стимул более подробно представлены «когнитивные» рассудочные реакции, связанные с симптомами, средствами лечения и предотвращения, сценарием заболевания, реакциями и эмоциями, последствиями. В группах, включавших в себя визуальный компонент, эти реакции не столь многообразны, кроме тех, что связаны с реакциями и эмоциями. Соответственно, вербальный стимул связан с раскрытием сути явления, в то время как визуальный стимул вызывает желание подобрать явлению-стимулу визуальный же аналог, т. е. сравнить его с другими образами, содержащимися в опыте испытуемого. Отсюда можно сделать вывод, что визуальный компонент включает когнитивный механизм метафоры, выражающийся в попытке объяснить явление сложного порядка через свернутое сравнение с явлениями более простого порядка.

Соответственно, модифицированный цепочечный ассоциативный эксперимент обладает повышенным информационным потенциалом, дающим исследователям больший объем лингвокогнитивной информации, чем в эксперименте только с вербальным стимулом. Перспективным видится апробация данного модифицированного ассоциативного метода на материале ассоциаций испытуемых с афазией.

Список литературы

Алферова Ю. И. Профессионально-маркированные компоненты языкового сознания: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 237 с.

- Архипова С. В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2011. № 11. С. 6–9.
- Выговская Д. Г. Ассоциативный эксперимент как один из методов в психолингвистике // Наука ЮУрГУ: Материалы 66-й науч. конф., Челябинск, 15–17 апреля 2014 г. Челябинск: Изд-во центр ЮУрГУ, 2014. С. 1157–1164.
- Дебрени М., Лафуркад М. Динамические процессы в ассоциативных словарях французского языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 73–86. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-73-86
- Жеребцова Ю. А., Чижик А. В., Садохин А. П. Автоматические методы детекции культурных смещений в социальных сетях (на материале диалогов из Telegram) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 54–72. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-54-72
- Калинин О. И., Мавлеева Д. В. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 99–109. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-99-109
- Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. С., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. М.: Помовский и партнеры, 1994. Кн. 1: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. С. 190–218.
- Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 191–206.
- Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. 320 с.
- Миклашевский А. А. Вербальная и визуальная обработка информации: экспериментальное исследование // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. № 383. С. 56–61.
- Рогожникова Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. Уфа: Уфим. гос. авиац. техн. ун-т, 2000. 242 с.
- Уфимцева Н. В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 102–111.
- Фрумкина Р. М. Психолингвистика: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Академия, 2007. 315 с.
- Яковлев А. А. Изменение значения и смысла слова как отражение новых знаний человека // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 239–245.
- Яковлев А. А. Об одном методологическом изъяне при проведении свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 16–25.
- Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. Oxford, Blackwell, 1994, 290 p.
- Çetikaaya, F. Ç., Sönmez, M., Topçam, A. B. A Formative Assessment Example: Word Association Test. *International Education Studies*, 2020, vol. 13, no. 8, pp. 103–117. DOI 10.5539/ies.v13n8p103
- Deese, J. Form Class and Determinants of Association. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1962, vol. 1, no. 2, pp. 79–84. DOI 10.1016/S0022-5371(62)80001-2
- Deyne, S. de, Storms, G. Word Associations: Norms for 1,424 Dutch Words in a Continuous Task. *Behavior Research Methods*, 2008, vol. 40, no. 1, pp. 198–205. DOI 10.3758/BRM.40.1.198
- Fitzpatrick, T., Playfoot, D., Wray, A., Wright, M. J. Establishing the Reliability of Word Association Data for Investigating Individual and Group Differences. *Applied Linguistics*, 2015, vol. 36, no. 1, pp. 23–50. DOI 10.1093/applin/amt020

- Han, Z., Truex, R.** Word Association Tests for Political Science (September 29, 2020). URL: <https://ssrn.com/abstract=3701860> (accessed 01.02.2022). DOI 10.2139/ssrn.3701860
- Kiss, G. R.** An associative Thesaurus of English: Structural Analysis of a Large Relevance Network. In: Kennedy, A., Wilkes, A. (eds) *Studies in Long Term Memory*. London, Wiley, 1975, pp. 103–121.
- Kostova, Z., Radoynovska, B.** Word Association Test for Studying Conceptual Structures of Teachers and Students. *Bulgarian Journal of Science and Education Policy*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 209–231.
- Lyubymova, S.** Associative Experiment in the Study of Sociocultural Stereotype. *Sociolinguistics*, 2020, no. 36. DOI 10.5755/j01.sal.0.36.23814
- Nielsen, M. L., Ingwersen, P.** The Word Association Methodology. In: *Proceedings of Mira 99: Evaluating Interactive Information Retrieval*, Glasgow, Scotland, UK, April 14–16, 1999, pp. 17–27. DOI 10.14236/ewic/MIRA1999.6

References

- Aitchison, J.** *Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon*. Oxford, Blackwell, 1994, 290 p.
- Alferova, Yu. I.** Professionally-Marked Components of Linguistic Consciousness. Cand. Philol. Sci. Diss. Omsk, 2005, 237 p. (in Russ.)
- Arkhipova, S. V.** Associative Experiment in Psycholinguistics. *Bulletin of Buryat State University*, 2011, no. 11, pp. 6–9. (in Russ.)
- Çetikaya, F. Ç., Sönmez, M., Topçam, A. B.** A Formative Assessment Example: Word Association Test. *International Education Studies*, 2020, vol. 13, no. 8, pp. 103–117. DOI 10.5539/ies.v13n8p103
- Deese, J.** Form Class and Determinants of Association. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1962, vol. 1, no. 2, pp. 79–84. DOI 10.1016/S0022-5371(62)80001-2
- Deyne, S. de, Storms, G.** Word Associations: Norms for 1,424 Dutch Words in a Continuous Task. *Behavior Research Methods*, 2008, vol. 40, no. 1, pp. 198–205. DOI 10.3758/BRM.40.1.198
- Fitzpatrick, T., Playfoot, D., Wray, A., Wright, M. J.** Establishing the Reliability of Word Association Data for Investigating Individual and Group Differences. *Applied Linguistics*, 2015, vol. 36, no. 1, pp. 23–50. DOI 10.1093/applin/amt020
- Frumkina, R. M.** *Psycholinguistics: tutorial*. 3rd ed. Moscow, Academy, 2007, 315 p. (in Russ.)
- Han, Z., Truex, R.** Word Association Tests for Political Science (September 29, 2020). URL: <https://ssrn.com/abstract=3701860> (accessed 01.02.2022). DOI 10.2139/ssrn.3701860
- Karaulov, Yu. N.** Russian Associative Dictionary as a New Linguistic Source and Tool for the Analysis of Language Ability. In: Karaulov Yu. N., Sorokin Yu. S., Tarasov E. F., Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. *Russian Associative Dictionary*. Moscow, Pomovsky and partners, 1994, book 1: *Direct Dictionary: From Stimulus to Response*. Associative Thesaurus of the Modern Russian Language, pp. 190–218. (in Russ.)
- Karaulov, Yu. N.** Indicators of National Mentality in Associative-Verbal Network. In: Ufimtseva N. V. (ed.). *Language Consciousness and the Image of the World*. Moscow, IL RAS, 2000, pp. 191–206. (in Russ.)
- Kiss, G. R.** An associative Thesaurus of English: Structural Analysis of a Large Relevance Network. In: Kennedy, A., Wilkes, A. (eds.). *Studies in Long Term Memory*. London, Wiley, 1975, pp. 103–121.
- Kostova, Z., Radoynovska, B.** Word Association Test for Studying Conceptual Structures of Teachers and Students. *Bulgarian Journal of Science and Education Policy*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 209–231.
- Leontiev, A. N.** *Selected Psychological Works*. In 2 vols. Moscow, Pedagogy, 1983, vol. 2, 320 p. (in Russ.)

- Lyubymova, S.** Associative Experiment in the Study of Sociocultural Stereotype. *Sociolinguistics*, 2020, no. 36. DOI 10.5755/j01.sal.0.36.23814
- Miklashevski, A. A.** Verbal and Visual Processing of Information: Experimental Research. *Tomsk State University Journal*, 2014, no. 383, pp. 56–61. (in Russ.)
- Nielsen, M. L., Ingwersen, P.** The Word Association Methodology. In: Proceedings of Mira 99: Evaluating Interactive Information Retrieval. Glasgow, Scotland, UK, April 14–16, 1999, pp. 17–27. DOI 10.14236/ewic/MIRA1999.6
- Rogozhnikova, T. M.** Psycholinguistic Study of the Functioning of a Polysemantic Word. Ufa, USATU, 2000, 242 p. (in Russ.)
- Ufimtseva, N. V.** Language Consciousness as Reflection of Ethnic and Cultural Reality. *Topics in Psycholinguistics*, 2003, no. 1, pp. 102–111. (in Russ.)
- Vygovskaya, D. G.** Associative Experiment as One of the Methods in Psycholinguistics. In: Science of SUSU: Proc. of the 66th Scientific Conference, Chelyabinsk, April 15–17, 2014. Chelyabinsk, Publishing Center of SUSU, 2014, pp. 1157–1164. (in Russ.)
- Yakovlev A. A.** On a procedure error in the free associations experiment. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 16–25. (in Russ.)

Информация об авторах

Вероника Александровна Каменева, доктор филологических наук, профессор
Надежда Владимировна Рабкина, кандидат филологических наук, доцент
Наталья Вадимовна Потапова, кандидат филологических наук, доцент
Ирина Станиславовна Морозова, доктор психологических наук

Information about the Authors

Veronika A. Kameneva, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Nadezda V. Rabkina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Natalia V. Potapova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Irina S. Morozova, Doctor of Sciences (Psychology)

Статья поступила в редакцию 09.01.2022;
 одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 10.04.2022
 The article was submitted 09.01.2022;
 approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 10.04.2022

Научная статья

УДК 81.255.4

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-126-139

Метафорическая концептуализация перевода и переводчика в пара- и метатекстах: «мертвые» и «живые» метафоры

Анна Леонидовна Соломоновская

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
asolomonovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8300-6691>

Аннотация

Термины, обозначающие деятельность переводчика в европейских языках, метафоричны по своей сути и основаны на концептуальной метафоре ПЕРЕВОД – это ПЕРЕМЕЩЕНИЕ (translatio(n), traduction, перевод, переложение). Номинации соответствующего актора либо являются производными от обозначения самого явления (translator, traducteur, переводчик), либо восходят к латинскому *interpretes*, обозначающему посредника в общении между людьми, а также между людьми и богами. В околоревидерском дискурсе (паратекстах – переводческих предисловиях и послесловиях – и метатекстах – эссе о переводе) базовая конвенциональная метафора развивается, порождая новые художественные метафоры, позволяющие выразить более тонкие нюансы деятельности переводчика. Материалом для данной статьи послужили переводческие паратексты, сохранившиеся в памятниках II в. до н. э. – XIV в. н. э., а также ряд эссе о переводе более современных авторов. Метафорически концептуализируется роль автора и переводчика – в основном это соотношение выстраивается как иерархия с более высокой позицией автора (хозяина), но иногда подчиненное положение переводчика подвергается сомнению (и возникает мотив соперничества или даже военной победы). Метафорическое представление о соотношении оригинала и перевода часто базируется на метафоре живого существа или природы и их изображения, а также на монетарной метафоре в разных аспектах ее реализации. Соотношение плана содержания и плана выражения представляется метафорой тела и покрывающей его одежды, а также грубой внешней оболочки и ее драгоценного содержимого. Судьба переведенного текста в принимающей культуре осмысливается через метафоры, подчеркивающие различие культур (корабль-текст привозит артефакты, незнакомые носителям принимающей культуры), и «усвоение» (вплоть до «каннибалистической» метафоры) или «отторжение» чужеродного элемента (как болезнетворного микроорганизма). Наконец, сам процесс перевода представляется в некоторых случаях в терминах хозяйственной деятельности – строительства или собирательства.

Ключевые слова

паратекст, метатекст, концептуальная метафора, перевод, переводчик, *interpretes*, *translatio*

Для цитирования

Соломоновская А. Л. Метафорическая концептуализация перевода и переводчика в пара- и метатекстах: «мертвые» и «живые» метафоры // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 126–139. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-126-139

© Соломоновская А. Л., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 126–139
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 126–139

Metaphoric Conceptualization of Translation and Translator in Para- and Metatexts: “dead” and “live” Metaphors

Anna L. Solomonovskaya

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

asolomonovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8300-6691>

Abstract

Intellectual pursuits in general and in translation particularly cannot be conceptualized without resorting to metaphorical means relating this experience to more perceptible ones. In European languages the metaphor in question is TRANSLATION IS MOVEMENT / RELOCATION. The terms for translation in various European languages (*translatio(n)*, *traduction*, *perevod*) all imply the idea of relocation of a physical object. *Translatare* and *traducere*, the latter introduced by Italian humanists, find parallels (*prēložiti* and *prēvoditi* respectively) in Slavic prologues of the period. Although its verbal realization is conventional and even trite now, this conceptual metaphor has survived in lexemes designating the agent, the process and the result of translation activity. The purpose of this paper is to discuss the terms used by several late antique, medieval, and modern translators in their prologues, epilogues, and metatexts on translation, and especially vivid metaphorical imagery that regularly appear in their texts. This fact must not be neglected by translation theory. All the constituents of translation process, namely, agents, source and target texts, translation method, the signifier (*le signifiant*) and the signified (*le signifié*) in the translated text, the process of translation and the life of the translated text in a new culture are discussed metaphorically. The agent of the activity under study (translator) is mostly represented via the metaphor of a master's (author's) servant, although sometimes the relationship between the author and the translator is envisioned as a competition or even a conquest. The motivation behind translators' endeavor is often discussed in terms of the monetary “talent” parable (where *talentum* is a unit of weight) quoted or alluded to by Aelfric in England and John the Exarch in Bulgaria in the 10th century and Marie de France and Theodosius from the Cave Monastery in Kiev two centuries later. The relationship between source and target texts is illustrated with an artistic metaphor, among others. The signified and the signifier in the text are often presented as a body and clothing or a jewel and its wrappings. The translation process is often shown as that of construction in medieval texts and work of machinery in modern ones. The life of the target text in its new surroundings is discussed through revitalizing the old metaphor of relocation (as the cargo of a ship unloaded onto a distant shore) or through various biological metaphors.

Keywords

paratext, metatext, conceptual metaphor, translation, translator, interpreter, translatio

For citation

Solomonovskaya, A. L. Metaphoric Conceptualization of Translation and Translator in Para- and Metatexts: “dead” and “live” Metaphors. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 126–139. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-126-139

Введение

Исследование метафорической концептуализации тех или иных сфер деятельности человека является актуальным и почти безграничным полем деятельности лингвистов, особенно представителей когнитивной лингвистики. Материалом таких исследований служат тексты, принадлежащие к разного рода дискурсам. В частности, одной из последних работ по этой тематике является статья О. И. Калинина [2021], посвященная метафоричности текстов военно-политического характера. В этом отношении метапереводческий дискурс (паратексты переводчиков и метатексты теоретиков и практиков перевода, философов и ученых) представляет особый интерес в силу своей многовековой истории.

Как и другие виды умственной деятельности, деятельность переводчика может быть концептуализирована только с помощью идей и образов, связанных с более конкретной, приземленной деятельностью человека, иными словами, с помощью так называемых концептуальных метафор. В данной статье будут рассмотрены два уровня таких метафор – стертые (или конвенциональные) метафоры, которые уже не ощущаются таковыми (*перевод* как *перемещение* текста из одной культуры в другую), и собственно авторские метафоры, которые ис-

пользуются в паратекстах и метатекстах переводчиков и философов, своеобразно осмысляющих это культурное явление, и позволяют увидеть его с разных сторон. Материалом послужили как прологи и эпилоги древних и средневековых переводчиков (66 прологов и эпилогов, временной охват – 132 г. до н. э. – XIV в. н. э., географический – от древней Александрии до Британии и от Испании до Киевской Руси), так и относительно современные метатексты, в частности статьи, собранные в сборнике Лоуренса Венути. К сожалению, объем статьи не позволяет подробно рассмотреть весь собранный материал, ограничимся здесь лишь некоторыми замечаниями.

Метафорическая внутренняя форма обозначения переводческой деятельности и переводчика

В греческом языке глагол, который использовался для называния переводческой деятельности, *hermeneuein* (происхождение слова неясно, хотя иногда его связывают с именем греческого бога Гермеса, посредника между богами и людьми) обозначал экзегезу или истолкование вообще, как и его латинский эквивалент *interpretres*. Приставочный глагол с этим же корнем *methermeneuein* в значении «переводить» используется в самом раннем из отобранных в ходе исследования переводческих предисловий, а именно в предисловии переводчика с древнееврейского на греческий «Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова», датированном 132 г. до н. э.

Эквивалент греческого *hermeneia* – *interpretatio* – в римской античности имел несколько значений. Во-первых, он обозначал вербальное выражение ментального концепта в целом; во-вторых, означал толкование, объяснение и, наконец, собственно перевод. Родственное *interpretres* первоначально обозначало посредника между двумя сторонами (а потому и *fidus interpretres* в античности было скорее комплиментом, так как означало честного посредника). В христианской литературе появляется и еще одно значение: *interpretres* – это и толкователь снов и видений, посланных Богом (именно так называет пророка Даниила англо-саксонский книжник Альдхельм), и сам Христос как посредник между Богом-Отцом и человеком (у Блаженного Августина). Известный раннесредневековый книжник, последний латинский Отец Церкви Исидор Севильский использовал слово *interpretres* для обозначения посредника между людьми и языками (т. е. переводчика) и между Богом и человеком (т. е. пророка, экзегета, проповедника): “Interpres, quod inter partes medius sit duarum linguarum, dum transferet. Sed et qui [quem] interpretatur et hominum quibus divina indicat mysteria, interpretres vocatur” (цит. по: [Brown, 1992, p. 51]).

Для обозначения процесса перевода у классических римских авторов используется целый ряд глаголов: *verto*, *converto*, *transverto*, *transfero*, *transpono*, *redo*, *exprimo*, *imitari*, *explicari* и позднее *translatate* [Simon, 1989]. С глаголом *transferre* («переносить, перевозить») этимологически связано слово *translatio*. Квинтилиан в *Institutio Oratoria* IX.4 использует термин *translatio* для описания перехода от буквального значения к метафорическому. Если этот термин применяется к переводу, на первый план выходит перемещение текстов между культурами. Также этот же термин обозначал географическое перемещение культурных и административных центров – как в *translatio studii* и *translatio imperii*.

Эти же глаголы и их производные используют и христианские переводчики времен заката Римской империи. В коротком предисловии, скорее даже заметке, Евагрия Антиохийского к латинскому переводу Жития Святого Антония используется существительное *translatio* и глагол *transpono*, причем в обоих случаях широкий контекст (обозначенный в цитате курсивом) указывает на перевод (*Ex alia in aliam linguam ad verbum expressa translatio sensus operit* и *Hoc igitur ego vitans, Vitam beati Antonii, te petente, ita transposui, ut nihil desit ex sensu, cum aliquid desit ex verbis*¹).

¹ Цит. по: [Migne, 1857, p. 833–834].

Эти элементы несколько позднее встречаются и у Иеронима². В предисловии Иеронима к переводу «Хроники» Евсевия Кесарийского и краткой заметке перед переводом двух гомилий Оригена на «Песнь Песней» встречаются глагол *transfere*, существительные *translatio*, *interpretatio* (перевод) и *interpre*s (переводчик). При этом последнее слово с предложно-падежным сочетанием, характеризующим способ перевода и глаголом *быть* используется для обозначения соответствующего действия (*ad verbum interpretatus est*). Также Иероним использует другие фразы для характеристики работы латинских литераторов – *Graecos libros Latino sermone absolvent* (для обозначения практики римских авторов имитировать греческие оригиналы), а также фразы *ad verbum exprimere / exponere* для обозначения пословного перевода – в одном случае для характеристики библейского перевода Аквилы, а во втором – гипотетического пословного перевода Гомера, который, с точки зрения Иеронима, был бы абсурден. В Послании к Паммахию переводчик также обозначается словом *interpre*s, а перевод – *interpretatio*.

В риторическом сочинении IV в. (*Artes rhetoricae libri III*) для обозначения перевода используется термин *conversio* [Copeland, 1995]. *Converto* и его производные предполагает не просто перемещение в пространстве, но и «вращение» объекта, позволяющее увидеть его с разных ракурсов, что предполагает изменение если не самой формы, то впечатления от предмета.

Известный раннесредневековый книжник, последний латинский Отец Церкви Исидор Севильский, как и Августин, использовал слово *interpre*s для обозначения посредника между людьми и языками (т. е. переводчика) и между Богом и человеком (т. е. пророка, экзегета, проповедника): «*Interpres, quod inter partes medius sit duarum linguarum, dum transferet. Sed et qui [quem] interpretatur et hominum quibus divina indicat mysteria, interpre*s vocatur» (цит. по: [Brown, 1992, p. 51]).

Для англо-саксонских книжников Альдхельма (середина VII в.) и Беда Достопочтенного (конец VII – начало VIII в.) *interpre*s также соединял в себе эти два значения. Именно так называл Альдхельм Иеронима, так как «отец переводчиков» соединял в себе эти две ипостаси – и собственно переводчика, и толкователя Библии. В свою очередь, Беда Достопочтенный, по подсчетам Джорджа Брауна (1992), использует слово *interpre*s 600 раз, а производные от глагола *exponere* 480 раз. Тот же автор делает вывод, что оба упомянутых англо-саксонских книжника воспринимают себя как *interpretes*, посредников в самом широком смысле, как агентов трансфера книжной христианской культуры Средиземноморья в культуру новообращенных англо-саксов, которая в то время еще оставалась в большой степени устной. Характерным примером и даже символом такого трансфера является история первого англо-саксонского христианского поэта Кэдмона, которую излагает в своей «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенный. Поскольку пастух Кэдмон был неграмотен, то он узнавал о том или ином Евангельском сюжете или притче из рассказа ученых *interpretes* и затем уже придавал этому рассказу поэтическую форму.

Древнеанглийский книжник, педагог и переводчик Эльфрик использует термины *translatio* и *interpretatio* как характеристику своей работы над сборником Католических Гомилий³. Эти термины обозначают как собственно перевод, так и другого рода передачу содержания латинского текста, а также трансфер латинской учености в целом (*translatio studii*). Древнеанглийский термин, которым Эльфрик обозначает свой труд, *awendan* (первоначальное значение «повернуть») также предполагает «физическую манипуляцию» с объектом. Современный английский глагол для обозначения переводческой деятельности *translate(n)* появляется уже в среднеанглийском языке, в так называемом *Cursor Mundi* в середине XIII в.

Уже упомянутые глаголы используются и средневековыми книжниками, например, Германн Аллеман (*Hermannus Alemannus*) в XII в. обозначает свою деятельность глаголом *trans-*

² Тексты латинских предисловий взяты из [Migne, 1845]; их английские переводы – из [Schaff, 1892].

³ Тексты латинских и древнеанглийских предисловий Эльфрика опубликованы в [Wilcox, 1995].

ferre. Существительные от этих глаголов также используются для наименования процесса, тогда как для обозначения соответствующего актора применяется почти исключительно слово *interpres* [Brown, 1992].

Таким образом, нельзя не согласиться с утверждением Риты Коупленд, что с самого начала, т. е. с античных времен и достаточно долгое время (минимум до конца XIII в.) идея интерпретации-толкования, экзегезы и перевода были неразрывно связаны [Copeland, 1995].

Иногда, впрочем, авторы разводят толкование и собственно перевод. Эригена, например, подчеркивает, что, переводя Ареопагитики, он выступает именно как (*fidus*) *interpres*, а не комментатор-*expositor*. Последнее (*expositio*) предполагало возможность производства смыслов, независимых от толкуемого текста, тогда как *fidus interpres* (в данном случае Эригена) выступал в роли «добросовестного» посредника, сохраняющего верность автору текста. В случае Эригена, впрочем, нужно учитывать еще два фактора – высокий статус автора (Святого Дионисия, предполагаемого ученика апостола Павла, одного из Отцов Церкви) и необычайно сложный текст его сочинений и с точки зрения философского содержания, и с точки зрения герметического стиля.

Наряду с термином *translatio* в позднем средневековом метапереводческом дискурсе использовался термин *traductio*. Этот термин (*traducere*) был введен итальянскими гуманистами, в частности его использует Леонард Бруни в «*De interpretatione recte*» (1420 г.). Как утверждает Шерри Саймон, это положило конец терминологическому разному и ввело единое понимание перевода как межкузыковой письменной деятельности [Simon, 1989].

Андре Лефевр [Lefevre, 1990] следующим образом комментирует их соотношение. *Translatio* обозначает буквальный перевод, смену обозначающего при полном сохранении обозначаемого и играет важную роль в передаче «авторитетных» текстов культуры. Изменению в этом случае подвергается только языковая оболочка, культурные составляющие исходного текста полностью сохраняются. *Translatio* в современных условиях возможен в тех случаях, когда исходный текст имеет чисто технический характер. *Traductio*, напротив, позволяет переводчику больше свободы в изменении не только языкового, но и культурного компонента. При этом большое значение имеет соотношение взаимодействующих в процессе перевода культур. Если переводчик воспринимает свою культуру как более развитую и прогрессивную, он будет пытаться «подтянуть» исходный текст, сделать его более приемлемым для своего искушенного читателя (как, например, поступает английский переводчик персидской поэзии Эдвард Фитцджеральд – мнение приводится в [Bassnett, 2002]). Конечно, если речь идет о почитаемом классике, например Гомере, здесь переводчик несколько более скован, но и в этом случае было возможно приспособление «грубого» текста великого слепца к утонченным вкусам более поздней эпохи.

Тем не менее, в паратекстах (прологах и эпилогах) переводов на национальные языки, в частности в англо-романском (разновидность старофранцузского, на котором говорили в Англии после нормандского завоевания) переводе-переделке «Жития Эдуарда Исповедника»⁴ переводчики использовали слово *translater* для характеристики своей деятельности – анонимная монахиня из Баркинга повторяет этот глагол и в Прологе, и в Эпилоге несколько раз. Другая монахиня того же монастыря, на этот раз назвавшая свое имя, Клеменс из Баркинга, в Прологе к англо-нормандскому переводу «Жития Екатерины Александрийской»⁵ также использует этот глагол, поясняя его с помощью другого производного от латинского *exponere* (*De latin espundre en roman*). Таким образом, для Клеменс собственно перевод и истолкование, объяснение исходного текста были фактически равноценны.

Современница Клеменс Мария Французская в Прологе и Эпилоге к поэтическому переводу басен Эзопа⁶ также использует глагол *translater*, но, описывая им не свой собственный

⁴ Современное издание текста см. в [Bliss, 2014, p. 66–67].

⁵ Текст в современном английском переводе опубликован в [Wogan-Browne, Burgess, 1996, p. 3].

⁶ Старофранцузский текст опубликован в [Bonaventure de Roquefort, 1832].

труд (поэтический перевод), а работу своих предшественников, – в ее картине мира басни Эзопа были переведены им самим с греческого на латынь для римского императора Ромула, а затем король Альфред переложил их на английский (и этот перевод, либо легендарный, либо просто до нас не дошедший) и послужил оригиналом для Марии. Свою же работу Мария описывает несколько иначе – *en Romanz ai turné et dit* (ср. латинское *conversio*) – впрочем, этот же глагол описывает работу и Эзопа в Эпиглоге, – а также *de l'Anglais en Romanz treire*. В последнем случае переводческое действие также описывается как физическое действие перемещения. *Traire* (*treire*) в старофранцузском языке означал «вытащить».

Игра слов *traduttore – tradittore*, которую использовали итальянцы по отношению к варварскому, как им казалось, переводу Данте на французский язык, отражается и во французском околопереводческом дискурсе – Иоахим дю Белле в знаменитом произведении «Защита и прославление французского языка» (*Défense et illustration de la langue française*) применяет ее в слегка видоизмененном виде (*traditeurs – traducteurs*) по отношению к «плохим» переводчикам.

В славянской традиции обычным способом обозначить соответствующую деятельность был глагол //преложити (или прелажати). Его используют и Иоанн экзарх Болгарский в X в. в предисловии к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина, и Иоанн Пресвитер в послесловии к первому славянскому переводу Жития Антония Великого примерно в этот же период, и позднее, в XII в. Феодосий по прозвищу «Грек» в предисловии и послесловии к «Томосу» Льва Великого, а двумя столетиями позже переводчик корпуса Ареопагитик монах Исая. Однако последний, как и переводчик XVI в. Дмитрий Герасимов в записи о дате окончания работы над 'Expositio Psalmorum' Бруно Вюрцбургского, также использует лексему *преводити*. Мы не можем утверждать, что Исая знал латинский язык, поэтому не можем на данный момент судить о происхождении этого слова в идиолекте ученого афонского монаха. Но Дмитрий Герасимов знал латынь и работал с латинским оригиналом, поэтому лексема могла быть как калькой латинского *traductio*, так и уже существовавшим на тот момент синонимом, который впоследствии вытеснил в этом значении глагол *переложить*. В любом случае оба славянских термина также сохраняют древнее представление о переводе-перемещении.

Метафорическая репрезентация переводческой деятельности и переводчика в паратекстах и метатекстах

Собственно метафорическая репрезентация переводческой деятельности, роли переводчика и оценки переведенного текста широко представлена в разного рода переводческих паратекстах и метатекстах – переводческих предисловиях и послесловиях, специализированных трактатах и в других текстах, посвященных поэтике и литературе. Как отмечает Жорж Мунен, метафоры и сравнения часто использовались главным образом теми авторами, которые стремились подчеркнуть невозможность сохранить «дух», «душу», истинную ценность оригинала в переводе – будь это метафора картины великого художника и ее копии, статуи Галатеи без Пигмалиона (дю Белле), портрета по сравнению с живым человеком или бумажных денег по сравнению с полновесной золотой монетой (Монтескье) [Mounin, 1994].

У Цицерона впервые появляется «монетарная» метафора перевода. В *De optimo genere oratorum*⁷ он уподобляет используемые им слова монетам и утверждает, что не отсчитывает их (в соответствии с числом монет оригинала), а отвешивает (ориентируется не на количество монет, а на их «вес, номинал» т. е. смысл). В средневековом метапереводческом дискурсе эта метафора использовалась и развивалась на основе евангельской притчи о талантах (Матф. 25: 14–30). Так, например, Пролог к «Lais» Марии Французской содержит аллюзию на эту притчу, а также развивает «монетарную» метафору – при передаче истории из одной культу-

⁷ Текст опубликован в [Venuti, 2004].

ры и / или эпохи в другую происходит как «семантическое истирание» (как стирается монета, переходя из рук в руки), так и «преумножение» исходного таланта за счет придания тексту новых смыслов [Fitz, 1975].

У Монтескье эта метафора приобретает новый характер (в связи с развитием денежной системы и появлением купюр, которые использовались вместо монет): перевод будет эквивалентом денежной суммы в золоте, но в виде бумажных денег (метафора приводится в [Mounin, 1994]). В XX в. монетарная метафора приобретает новое звучание у Ж. Дерриды. Перевод (и переводчик) находится в долгу перед исходным текстом (и его автором) и должен (а иногда не может) выплатить этот долг.

В позднеантичном и средневековом дискурсе перевод часто рассматривался как низший вид *imitatio* – подражания автору. Именно так понимали свою задачу римские писатели, которые не столько переводили, сколько трансплантировали («пересаживали») греческие произведения на римскую почву. Одним из первых авторов, который метафорически описывает процесс переноса произведения на новую национальную почву (и новый язык) был Квинтилиан, который использует **метафору следования за автором** (в терминах Лакоффа эту метафору можно представить как *Writing is a Journey*). При этом имитатор должен быть амбициозен – это не просто следование за оригиналом, а соревнование с ним – в беге или борьбе. Даже если переводчик-имитатор по определению не может победить автора, то по крайней мере он сохранит уважение к себе и в стремлении сравняться со своим оригиналом произведет более качественный текст. Метафора «следования по пятам за автором» используется в переводческих предисловиях очень часто, обычно при обозначении пословного перевода или отказа от него («не следуя по пятам за автором»).

Автор и имитатор или переводчик вступают в некоторые иерархические отношения. Эти отношения приобретают наиболее громкое звучание в **метафорах власти**, где автор представлен в виде хозяина, а переводчик – просто слуга или даже раб, не имеющий собственного голоса и вынужденный полностью подчиниться своему автору. Эта метафора появляется, например, в предисловии к французскому переводу Тацита, выполненному Николя Перро д'Абланкур. Еще один автор, который использует эту метафору, – Джон Драйден (в предисловии к переводу «Энеиды»). При этом в его метафоре (“But slaves we are, and labour on another man’s plantation; we dress the vineyard, but the wine is the owner’s”) – цитата приводится в [Simon, 1989] описываются все элементы переводческой деятельности: автор – хозяин виноградника или плантации, переводчик как слуга или раб, текст оригинала как собственно виноградник или плантация и, наконец, работа переводчика как труд земледельца.

С другой стороны, смысловой перевод предполагал противоположную расстановку сил между автором и переводчиком. Так, в Послании к Паммахию Иероним Стридонский приводит пример Илария Исповедника (Илария Пиктавийского), который, переводя гомилии к Книге Иова с греческого на латинский, не следовал за оригиналом, а «по праву победителя приводил домой его смысл, как пленника» (*sed quasi captivos sensus in suam linguam, victoris iure transposuit*). Джордж Стайнер в статье *The Hermeneutic Motion* (2000) подчеркивает агрессивность этой метафоры, переводчик у него – завоеватель, который вторгается на чужую территорию, захватывает и приносит домой добычу.

Будучи слугой или рабом, переводчик не может похвастаться столь же богатыми владениями, как его автор. И потому он вынужден брать драгоценные украшения взаймы, но результат этих попыток самокритичный переводчик в своем предисловии может охарактеризовать как «сороку, нацепившую павлиний хвост». Сам же переведенный текст может отличаться от оригинала как обратная сторона гобелена от его лицевой, парадной стороны (образ впервые встречается в Прологе к переводу «Электры» Софокла Лазаром де Баифом, а затем многократно повторяется, в том числе и у Сервантеса. Вообще метафорическое противопоставление оригинала и перевода как драгоценной материи и домотканого грубого полотна соответственно встречается достаточно часто именно для того, чтобы подчеркнуть несовершенство перевода по сравнению с оригиналом.

Еще одна метафора, которую часто используют переводчики, – **метафора слабого, отраженного света** (истинным источником которого является оригинал). Но некоторые переводчики, например голландцы Вондель и Гюйгенс в XVII в., используют ее для оправдания перевода. Хотя и слабый, свет лучше, чем тьма. Образ света, светильника также достаточно часто используется в дискурсе переводчиков. Цитату из Евангелия от Луки 8:16 (*Sicut lucerna relucens in abscondito non est ponenda neque sub modio, sed supra candelabrum locanda*) приводит в 1187 г. составитель апологии Жерару Кремонскому, присовокупленной к его последнему переводу Tegni Галена⁸. В данном контексте эта цитата играет двойную роль – объяснение необходимости написания самой этой апологии (чтобы научный и переводческий подвиг Жерара из Кремоны не был забыт потомками), а также косвенно обоснования самой переводческой программы знаменитого книжника – перевода сочинений древних языческих авторов да еще с арабского языка). Позднее та же цитата используется для защиты сочинения и переводов на национальных языках в начале эпохи Возрождения, например Томасом Элиотом в 1541 г.: *No man lyghteth a candle to cover it with a bushel*. Значительно позднее немецкий поэт второй половины XIX – начала XX в. Кристиан Моргенштерн (говорящая фамилия!) также метафорически уподобляет оригинал светилу и утверждает, что даже плохой перевод не может погасить его сияние (цитата приводится в подборке высказываний европейских, в основном немецких, авторов о переводе, переложенных на русский язык Л. Горбовецкой, М. Заки и Н. Субботовской [Разговор цитат, 1970]).

Другим источником отраженного света может быть зеркало (кроме света оно же отражает и собственно предмет-оригинал). Эта метафора встречается у Джорджа Стайнера в статье *The Hermeneutic Motion* (опубликована в [Venuti, 2000]). При этом автор подчеркивает, что перевод-зеркало не только отражает, но и генерирует свет, т. е. порождает новые смыслы, которые приносятся в переведенный текст за счет его взаимодействия с переводящими языком и культурой.

Одна из метафор позволяет ввести в дискурс идею, которая много столетий спустя будет концептуализирована как «план содержания» и «план выражения» – **метафора драгоценного камня (содержание) в простом и грубом ящике (план выражения)**. Где бы ни хранилась драгоценность – в столь же драгоценном ларце или в простой коробке, она от этого не обесценивается. Встречается и другая метафора того же характера – у Николя Перро д'Абланкура переводимый автор является посланцем (культуры-источника. – А. С.) в принимающей культуре и должен «одеваться» соответственно обычаям новой страны, чтобы не показаться смехотворным, а у Драйдена переводчик должен поменять «одежду, платье» (*dress*) оригинального текста (средства выражения), но не его сущность (*substance*). Впрочем, метафора внешнего облика – грубой и бедной одежды – и содержания (прекрасного тела, скрытого этой одеждой) встречается уже у Иеронима в предисловии к переводу «Хроники» Евсевия Кесарийского.

Интересно проследить развитие одной из часто встречающихся в переводческом метадискурсе **метафоры живого существа (оригинала или перевода, выполненного вдохновенным переводчиком) и мертвого тела (точного, пословного перевода)**. Эта метафора встречается у Денэма, д'Абланкура, Драйдена, Монтескье, позднее Шопенгауэра. Термин, который использовался первоначально Денэмом, *Caput Mortuum* (мертвая голова), был взят из алхимии, где означал нерастворимый осадок, остающийся после того как «дух» испарялся в процессе алхимических манипуляций. Таким образом, первоначально это выражение скорее относилось к метафоре переливания жидкости (содержимого) из одного сосуда (языка) в другой. Но этот термин можно понимать и по-другому, в соответствии с алхимическим же символом этого осадка – черепом. Отсюда и развивается рассматриваемая метафора. Мертвое тело, впрочем, может воскреснуть – на таком христианском повороте метафоры настаивает Деррида – в процессе перевода происходит Воскресение: «через Страсти, через память

⁸ Латинский текст опубликован в [Haskins, 1924].

(переводчика? – А. С.), которая постоянно видит тело (оригинал? – А. С.), уже мертвое, но сохраняющееся в могиле, воскрешение духа или преображенного тела, которое поднимается и идет»⁹.

Биологическая метафора находит свое дальнейшее развитие в современном метапереводческом дискурсе – переведенный текст, как инфекция, попадает в «организм» чужой культуры, вызывает реакцию и со временем либо нейтрализуется, либо выводится из «тела» культуры-хозяина (статья Джорджа Стайнера опубликована в [Venuti, 2000]). У того же автора встречается метафора своего рода «канибализма». Ритуальное употребление в пищу частицы чужого тела (непосредственно среди некоторых племен или опосредованно-символически – как это делают вполне цивилизованные последователи христианских деноминаций) возвышает «моральный и духовный статус реципиента» (в данном случае «переваренный» иноязычный текст возвышает принимающую его культуру).

Отчасти биологическую, отчасти религиозную метафору (по)рождения можно найти в прологе к англо-нормандскому сочинению, написанному анонимной монахиней из Баркинга, «Житие Эдуарда Исповедника». Монахиня упоминает Деву Марию, которая родила Слово, а затем себя, как служанку (*ancele*) Господа, которая создала новую жизнь (*ceste vie nuvele*). Риторический эффект достигается за счет многозначности слова *vie* – как биологического понятия, так и литературного жанра. В другом Житии, тоже созданном в Баркинге, монахиней по имени Клеменс, «Житии Святой Екатерины» в прологе также используется модель «духовного» рождения для описания производства текстов, правда, у нее источником такого духовного рождения является не Богоматерь, а сам Христос [Wogan-Browne, 1994].

Соотношение оригинала и перевода концептуализируется также с помощью **эротической метафоры**. Перевод уподобляется женщине – если он(а) верен (верна), он(а) некрасив(а), если красив(а) – то неверен (неверна) (приводится в [Qvale, 2003], правда, без ссылки на конкретного автора, но явно с намеком на *Belles Infidèles*). Еще одна метафора такого рода присутствует в рассуждениях итальянского критика первой половины XX в. Бенедетто Кроче о переводах поэзии: перевести поэтическое произведение – всё равно, что заменить любимую женщину на «эквивалент». Он может оказаться еще прекрасней, но влюбленный любит только ту одну, единственную (приводится в [Mounin, 1994]). Жак Деррида в статье *What is a Relevant Translation* (в английском переводе опубликована в [Venuti, 2000]) также пользуется еще более откровенной сексуальной метафорой возбуждающего поцелуя (*the desire for the idiom, for the unique body of the other, in the flame's flicker or through a tongue's caress*). Еще более шокирующим и даже несколько уничижительным образом представляется перевод в предисловии Джона Флорио к переводу эссе Монтеня – он уподобляет перевод «женщине легкого поведения» (“...since all translations are reputed femalls, delivered at second hand”) (цитата приводится в [Simon, 1989]).

В переводческом метадискурсе часто встречается и **сравнение переводчика с художником**. Одним из первых переводчиков, использовавших эту метафору, был Бургундио Пизанский в XII в. Обосновывая предпочтительность дословного перевода, Бургундио прочерчивает границу между автором и переводчиком, описывая первого из них как архитектора, которого ценят не только за функциональность, но и красоту возведенного им здания, а второго как художника, который может изображать как прекрасную, так и безобразную натуру, но ценится именно за верную передачу модели.

Во французской традиции такое же сравнение содержится и в предисловии Жака Амио к переводу на французский язык «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Переводчика, который передает идею, но не передает стиль автора, он сравнивает с художником, который

⁹ “through the Passion, through a memory haunted by the body lost yet preserved in its grave, the resurrection of the ghost or of the glorious body which rises, rises again and walks” (статья Ж. Дерриды *What is a 'relevant' Translation* в английском переводе Л. Венути опубликована в [Venuti, 2000, p. 443], перевод с английского мой. – А. С.)

довольствуется правильным изображением лица своей модели, искажая его фигуру. Эту же метафору использует современник и соотечественник Амио Иоахим дю Белле: плохой переводчик – как художник, который может изобразить тело (букву, содержание), тогда как необходимо передать «гений» языка, как талантливый художник способен представить и душу того, чей портрет он пишет. В XVII в. эту метафору использует англичанин Джон Драйден в предисловии к переводу посланий Овидия: переводчик не имеет права «улучшать» оригинал, как и художник, который пишет портрет, чтобы сделать своего натурщика более привлекательным, он, разумеется, может улучшить форму носа или размер глаз, но тогда портрет не будет таковым.

В конце XVIII в. ту же метафору развивает Ривароль в своем предисловии к переводу «Ада» Данте – в попытке передать всю красоту и страсть оригинала переводчик «иссушает свою палитру», «смешивает цвета», чтобы наполнить краской контуры смелого рисунка» автора (цитата приводится в [Mounin, 1994]). Его английский современник Александр Тайтлер продолжает развитие этой колористической метафоры: переводчик-копиист не может пользоваться теми же красками (словами), что и автор оригинала, поэтому должен найти способ по-другому передать его силу и эффект [Qvale, 2003]. Тот же образ живого человека (оригинал) и его портрета использует Шатобриан (приводится в [Mounin, 1994]). Иногда авторы сравнивали оригинал и перевод с шедевром великого мастера и копией его картины. Впрочем, как отмечает упомянутый французский ученый, за неимением оригинала иногда приходится довольствоваться копией – всё лучше, чем ничего.

Продолжается «жизнь» этой метафоры и в современный период. Имея в виду перевод поэтического текста, Чарльз Вильфред Опп, английский композитор и переводчик поэтических текстов, в статье 1941 г. *The Problem of Translation* описывает процесс перевода как процесс написания пейзажа – художник не воспроизводит каждую деталь местности, а выбирает наиболее выразительные (цитата приводится у Ю. Найды в статье *Principles of Correspondence*, опубликованной в [Venuti, 2000]).

Метафора строительства достаточно часто встречается при описании создания любого текста, в частности перевода. В нашем материале она присутствует в предисловии к «Шестодневу» Иоанна экзарха Болгарского, компилятивному сочинению, основанному на нескольких греческих памятниках этого рода. Иоанн описывает возведение некоего «дворца», мрамор и другие дорогие строительные материалы поставляют «богатые» авторы оригинальных сочинений, а сам переводчик мало что может предложить – разве что «солому и лесы» для крыши, но ведь здание без крыши, добавим от себя, бессмысленно.

В латинской традиции мы встречаем эту метафору в Предисловии Роберта Честера (англичанина по происхождению, который работал в рамках Толедской переводческой школы) в предисловии к переводу Корана. При этом он сознает противоречивый характер своей деятельности: с одной стороны, работа выполнена по прямому заказу церкви (в лице Петра Достопочтенного, аббата Ключи), а с другой – он переводит «вражеский» текст. Примирить эти соображения позволяет именно строительная метафора – оригинал выступает в роли строительного материала (презренного и низкого), а перевод благодаря таланту «архитектора»-заказчика становится «великолепным зданием» [Foz, 1998].

Архитектурно-строительную метафору также использует Бенуа де Сент Мор, современник Роберта Честера, в прологе к «Роману о Трое», составленному им на основе латинского перевода греческого сочинения Псевдо-Дареса. Переводчик-составитель описывает свою работу со словами, которые он своими руками, как камень при строительстве, «обтесывает» (*tailler*), обрабатывает каким-то другим способом (*cuger*), а затем размещает на своем месте (строки 134–136 пролога).

Метафорическое уподобление переводчика (и шире средневекового книжника в целом) **собирателю** также часто встречается в средневековой культуре со свойственным ей компилятивным характером сочинений. Книжник или собственно переводчик уподобляется то

плотнику, выбирающему нужное для его замысла дерево (король Альфред ¹⁰), то пчеле, собирающей пыльцу и нектар и перерабатывающей их в сладкий и полезный мед (составитель сборника мудрых изречений «Пчела»), то собирателю цветов, вплетающему в свой венок лишь самые красивые из них (из сочинения Даниела де Морли о Жераре Кремонском).

Процесс перевода концептуализируется и в музыкальной метафоре. В конце XVIII в. мадам де Сталь. Перевод для нее – переложение музыкального произведения, написанного для одного инструмента, для исполнения на другом.

Стертая метафора перемещения оживает в **метафорическом уподоблении перевода кораблю**, снаряженному для перевозки груза через океан, которое используют в своих рассуждениях Якоб Гримм и Вильгельм фон Гумбольдт (соответствующие цитаты приводятся в статье Катарини Райс в сборнике [Venuti, 2000] и в «Разговоре цитат» (1970)) ¹¹. Суммируя образы великих немецких филологов, можно увидеть следующую картину. Преодолев опасности долгого плавания, пройдя между Сциллой буквализма и Харибдой излишней вольности в обращении с исходным текстом (Гумбольдт), корабль наконец достигает цели путешествия. «Груз» (содержание) в целостности и сохранности прибывает к месту назначения, но «почва» и «воздух» там совсем другие (Гримм). Продолжая метафору, можно также предположить, что коренные обитатели этого нового континента могут и не понять предназначение части этого «груза». Таким образом, заложенная еще во внутренней форме традиционных терминов, обозначающих перевод, метафора перемещения получает новую жизнь в метадискурсе немецких мыслителей XVIII–XIX вв.

Прошлый век с его развитием точных наук, в частности физики, породил новые **научно-технические метафоры**. Одна из них приводится в уже упомянутой статье Джорджа Стайнера. Смысл текста он уподобляет его энергии (как физического явления), а задачу переводчика видит в том, чтобы препятствовать рассеянию этой энергии во время движения объекта-текста во времени и пространстве, в терминах физики – энтропии. Также во второй половине XX в. большое распространение получают **механистические метафоры**, которые в определенной степени связаны и с реальным применением сложного механизма (если можно так назвать компьютер) в переводческом деле. Тем не менее, даже рассуждая о деятельности переводчика человека, один из практикующих переводчиков и автор модели переводческого процесса Рональд Батгейт [Bathgate, 1985], характеризует поиск нужного термина в переводящем языке, используя метафору механизма вставки карты в слот, а выбор той или иной предметной области на стадии «настройки» характеризует (и графически представляет на схеме) как действие селекторного переключателя. Используются также термины *output synthesizer*, *feedback loop* (термин информатики), который создают механистический образ работы переводчика (и, возможно, делают более приемлемой замену человека-специалиста машиной).

Заключение

Перевод как разновидность интеллектуальной деятельности концептуализируется метафорически и в «стертой» форме, в соответствующих лексемах (*перевод*, *translation(n)*, *traduction*), и в более художественных образах, которые используют переводчики (в качестве основных) и ученые-теоретики (часто в качестве вспомогательных) в своих рассуждениях о переводе.

Образ, лежащий в основе лексем, обозначающих соответствующую деятельность в европейских языках – физическое перемещение. Этот образ имел более широкое значение в средневековой культуре, как, например, *translatio imperii* и *translatio studii*. Одновременно обозначающий переводчика термин *interpres* предполагал в первую очередь деятельность

¹⁰ Текст опубликован в [Sweet, 1871–1872].

¹¹ Выражаю глубокую и искреннюю благодарность А. Ф. Фефелову за указание на источник.

посредника (между Богом и людьми, Священным Писанием и его читателями и, наконец, между текстами из разных культур).

Художественные метафоры перевода в разного рода паратекстах (переводческих предисловиях и послесловиях) и метатекстах (разного рода эссе о переводе) разнообразны и подчеркивают разные аспекты процесса перевода, его участников и текстов оригинала и перевода. В первую очередь, это соотношение роли автора и переводчика. Главным образом роль переводчика представляется подчиненной (слуги, раба), но в некоторых случаях переводчик в этих метафорах выступает в роли соперника или даже завоевателя. Вторым аспектом является соотношение оригинала и перевода, произведенного тем или иным методом. Часто это соотношение репрезентируется в качестве живого человека и его портрета или же оригинала картины и ее копии, иногда в виде монетарной метафоры, где оригинал представляется в виде полновесной монеты, а перевод – как ее бумажный эквивалент. Третий аспект, обычно присутствующий в рассуждениях о переводе, соотношение плана содержания и плана выражения, часто концептуализируется в метафоре внешнего облика (одежды, скрывающей прекрасное тело, или грубой ткани, в которую завернуто драгоценное ювелирное изделие). Еще один аспект – судьба перевода в новой культуре – реализуется в пара- и метатекстах с помощью развития метафоры перемещения (корабль, привозящий незнакомые местным жителям предметы) и биологической метафоры (инфекция, вызывающая определенные процессы в «теле» новой культуры). Наконец, собственно процесс перевода (как и составление текста в целом) иногда представляется в виде разного рода хозяйственной деятельности, в частности строительства, сельского хозяйства и мореплавания. В предисловиях и послесловиях, написанных женщинами, появляется и метафора, близкая им в силу гендерных особенностей – метафора порождения новой жизни. Во второй половине прошлого века в связи с развитием техники в целом и машинного перевода, в частности процесс перевода, даже осуществляемый человеком, описывается как работа определенного механизма (например, релейного переключателя).

Список литературы и источников

- Калинин О. И.** Анализ метафоричности текстов военных доктрин на русском, китайском и английском языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 110–121.
- Разговор цитат / Пер. Л. Горбовецкой, М. Заки, Н. Субботовской // Мастерство перевода. Сборник седьмой. М.: Сов. писатель, 1970. С. 477–486.
- Bassnett, S.** Translation Studies. 3rd ed. London; New York, Routledge, 2002.
- Bathgate, R.** Studies of Translation Models 3. An Interactive Model of the Translation Process. *Meta*, 1985, vol. 30, no. 2, pp. 129–138.
- Bliss, J.** La Vie d'Edouard le Confesseur by a Nun of Barking Abbey. *Exeter Medieval texts and studies*, 2014, pp. 66–67.
- Bonaventure de Roquefort Marie, Jean-Baptiste.** Poésies de Marie de France: poète Anglo-Normand du XIII siècle. Paris, Marescq Libraire, 1832, t. 2.
- Brown, G. H.** The Meanings of *Interpres* in Aldhelm and Bede. In: Boitano P., Torti A. (ed.). *Interpretation: Medieval and Modern*. Perugia, 1992, pp. 43–65.
- Copeland, R.** Rhetoric, Hermeneutics and Translation in the Middle Ages. *Academic Tradition and Vernacular Texts*. Cambridge Uni. Press, 1995, 295 p.
- Fitz, B. E.** The Prologue to the Lais of Marie de France and the Parable of the Talents: Gloss and Monetary Metaphor. *MLN*, May, 1975, vol. 90, no. 4, pp. 558–564.
- Foz, C.** Le Traducteur, l'Eglise et le Roi (Espagne, XII et XIII siècle). Les Presses de l'université d'Ottawa, 1998, 188 p.
- Haskins, C.** Homer. *Studies in the History of Medieval Science* Cambridge, Mass., 1924, 411 p.

- Hermans, Th.** Images of Translation. Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation. In: *The Manipulation of Literature Studies in Literary Translation*. Croom Helm, 1985, pp. 103–135.
- Lefevere, A.** Translation: Its Genealogy in the West. In: *Translation, History and Culture*. London, New York, 1990, pp. 16–28.
- Migne, J.** *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*. Paris, 1857, vol. 26.
- Migne, J.** *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*. Paris, 1845, vols. 22–26.
- Mounin, G.** *Les Belles Infidèles*. Presse Universitaire de Lille, 1994, 102 p.
- Qvale, Per.** from St. Jerome to Hypertext. *Translation in Theory and Practice*. Manchester, 2003, pp. 7–89; 220–231.
- Sainte-Maure, Benoît, de.** *The Roman de Troie (A Translation)*. Transl. by Glyn S. Burgess and Douglas Kelly. Boydell and Brewer, 2017.
- Schaff, Ph.** (ed.). *Jerome: The Principal Works of St. Jerome*. In: *Nicene and Post-Nicene Fathers. Series II*, vol. 6. Edinburgh, 1892.
- Simon, S.** Conflits de jurisdiction: la double signature du texte traduit. *Meta*, 1989, vol. 34 (2), pp. 195–208.
- Sweet, H.** (ed.) *King Alfred's West – Saxon Version of Gregory's Pastoral Care*. London, 1871–1872.
- Venuti, L.** (ed.) *The Translation Studies Reader*. Routledge, 2004, 541 p.
- Wilcox, J.** (ed.). *Aelfric's Prefaces (Durham Medieval Texts, 9)*. University of Durham, 1995.
- Wogan-Browne, J.** Wreaths of Thyme: The Female Translator in Anglo-Norman Hagiography. In: *The Medieval Translator*. Ed. Ellis and Evans. Exeter, 1994, vol. 4, pp. 46–63.
- Wogan-Browne, J., Burgess, L.** *Virgin Lives and Holy Deaths. Two Exemplary Biographies for Anglo-Norman Women*. Everyman J. M. Dent, 1996.

References and Sources

- Bassnett, S.** *Translation Studies*. 3rd ed. London; New York, Routledge, 2002.
- Bathgate, R.** Studies of Translation Models 3. An Interactive Model of the Translation Process. *Meta*, 1985, vol. 30, no. 2, pp. 129–138.
- Bliss, J.** La Vie d'Edouard le Confesseur by a Nun of Barking Abbey. *Exeter Medieval texts and studies*, 2014, pp. 66–67.
- Bonaventure de Roquefort Marie, J.-B.** *Poésies de Marie de France: poète Anglo-Normand du XIII siècle*. Paris, Marescq Libraire, 1832, t. 2.
- Brown, G. H.** The Meanings of Interpres in Aldhelm and Bede. In: Boitano P., Torti A. (ed.). *Interpretation: Medieval and Modern*. Perugia, 1992, pp. 43–65.
- Conversation of Quotes. Translated by L. Gorbovetskaya, M. Zakhi, N. Subbotovskaya. In: *Translation Craft. Collection 7*. Moscow, Sovyetsky Pisatel', 1970, pp. 477–486. (in Russ.)
- Copeland, R.** *Rhetoric, Hermeneutics and Translation in the Middle Ages. Academic Tradition and Vernacular Texts*. Cambridge Uni. Press, 1995, 295 p.
- Fitz, B. E.** The Prologue to the Lais of Marie de France and the Parable of the Talents: Gloss and Monetary Metaphor. *MLN*, May, 1975, vol. 90, no. 4, pp. 558–564.
- Foz, C.** *Le Traducteur, l'Eglise et le Roi (Espagne, XII et XIII siècle)*. Les Presses de l'université d'Ottawa, 1998, 188 p.
- Haskins, C.** *Homer. Studies in the History of Medieval Science* Cambridge, Mass., 1924, 411 p.
- Hermans, Th.** Images of Translation. Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation. In: *The Manipulation of Literature Studies in Literary Translation*. Croom Helm, 1985, pp. 103–135.
- Kalinin, O. I.** Metaphor Power of Military Doctrines in Russian, Chinese and American English. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 110–121. (in Russ.)

- Lefevere, A.** Translation: Its Genealogy in the West. In: Translation, History and Culture. London, New York, 1990, pp. 16–28.
- Migne, J.** Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. Paris, 1857, vol. 26.
- Migne, J.** Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Paris, 1845, vols. 22–26.
- Mounin, G.** Les Belles Infidèles. Presse Universitaire de Lille, 1994, 102 p.
- Qvale, Per.** from St. Jerome to Hypertext. Translation in Theory and Practice. Manchester, 2003, pp. 7–89; 220–231.
- Sainte-Maure, Benoît, de.** The Roman de Troie (A Translation). Transl. by Glyn S. Burgess and Douglas Kelly. Boydell and Brewer, 2017.
- Schaff, Ph.** (ed.). Jerome: The Principal Works of St. Jerome. In: Nicene and Post-Nicene Fathers. Series II, vol. 6. Edinburgh, 1892.
- Simon, Sherry.** Conflits de jurisdiction: la double signature du texte traduit. *Meta*, 1989, vol. 34 (2), pp. 195–208.
- Sweet, H.** (ed.) King Alfred's West – Saxon Version of Gregory's Pastoral Care. London, 1871–1872.
- Venuti, L.** (ed.) The Translation Studies Reader. Routledge, 2004, 541 p.
- Wilcox, J.** (ed.). Aelfric's Prefaces (Durham Medieval Texts, 9). University of Durham, 1995.
- Wogan-Browne, J.** Wreaths of Thyme: The Female Translator in Anglo-Norman Hagiography. In: The Medieval Translator. Ed. Ellis and Evans. Exeter, 1994, vol. 4, pp. 46–63.
- Wogan-Browne, J., Burgess, L.** Virgin Lives and Holy Deaths. Two Exemplary Biographies for Anglo-Norman Women. Everyman J. M. Dent, 1996.

Информация об авторе

Анна Леонидовна Соломоновская, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Anna L. Solomonovskaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 22.02.2022;
одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 20.04.2022
The article was submitted 22.02.2022;
approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 20.04.2022*

Научная статья

УДК 81'23 + 81'25

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-140-152

**Взаимодействие специального и общелитературного значений
французских юридических терминов и культурных концептов
как средство авторской характеристики персонажей
в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени»
("À la recherche du temps perdu")**

Елена Сергеевна Савина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

savinaelena2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4301-5638>

Аннотация

Статья посвящена анализу взаимодействия юридических терминов и культурных концептов в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» ("À la recherche du temps perdu"). Данная проблема интересует нас прежде всего с точки зрения отношений между специальным и общелитературным языком и, следовательно, в аспекте функционирования как юридической, так и общей лексики, и отсылки к самым разным культурным концептам в тексте М. Пруста. Многие работы посвящены изучению взаимосвязи между профессиональным и общелитературным языком. Существуют также различные классификации стилистических фигур, в основе которых лежат разные критерии. Проблема многозначности французских юридических терминов и, в более широком смысле, взаимодействие правовой культуры с культурой в целом заслуживают отдельного изучения. Мы стремимся установить соответствия в тексте М. Пруста правовых понятий другим концептам повседневной жизни и, прежде всего, их взаимоотношения с определенными культурными аллюзиями. Для решения поставленной задачи выявленные юридические понятия были рассмотрены в более широком контексте изучаемого отрывка, в рамках которого они функционируют. Наш анализ показывает, что юридические термины и культурные концепты употребляются автором для характеристики некоторых персонажей романа и для образного описания определенной социальной действительности (например, речь герцога Германтского сравнивается с речью адвоката; поведение Дьёлафуа, пришедшего констатировать смерть больного, – с нотариусом, а бескомпромиссность представлений служанки Франсуазы о морали – с суровостью правового кодекса). Любовные отношения Марселя и Альбертины описываются сравнениями из таких на первый взгляд далеких от предмета изображения отраслей права, как гражданское, уголовное и финансовое. Отсылки к самым разным явлениям правовой культуры и культуры в целом, в частности к классическому театру, живописи эпохи классицизма, к истории и культуре Древней Греции и Древнего Рима, используются не только для создания специфичной авторской поэтики, характеризующейся социокультурной многоплановостью, синтаксической и смысловой усложненностью рефлексии, аллюзивной «насыщенностью», но и для выражения легкой снисходительной авторской иронии по отношению, например, к Франсуазе, народные представления о нормах морали и поведение которой часто описываются, оцениваются или комментируются как бы с высоты изощренной и утонченной авторской культуры, т. е. посредством сопоставления и проведения аналогий с различными прецедентными явлениями из области высокой интеллектуальной и литературной культуры, которые ей заведомо незнакомы.

Ключевые слова

специальный язык, общелитературный язык, культурные концепты, правовая культура, стилистические фигуры, образные сравнения, метафоры, полисемия французских юридических терминов, язык и стиль М. Пруста, юридическая лексика французского языка

© Савина Е. С., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 140–152
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 140–152

Благодарности

Автор выражает глубокую признательность Елене Эмильевне Разлоговой и Татьяне Ильиничне Тарасовой за помощь, советы и бесценную моральную поддержку

Для цитирования

Савина Е. С. Взаимодействие специального и общелитературного значений французских юридических терминов и культурных концептов как средство авторской характеристики персонажей в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» («À la recherche du temps perdu») // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 140–152. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-140-152

Interaction between Special and General Meaning of French Legal Terms and Cultural Concepts as a Means of Social Characterization in Marcel Proust's Novel “À la recherche du temps perdu”

Elena S. Savina

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

savinaelena2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4301-5638>

Abstract

The article deals with the analysis of the interaction between legal terms and cultural concepts in Marcel Proust's novel “In Search of Lost Time” (“À la recherche du temps perdu”). Our primary concern is to contribute to the studies of the relations between the language of professional communication and general communication language within a literary text, and, therefore, to examine the functioning of legal and general vocabulary in the novel. Much has been done in the field of special terms and neutral lexis classification in professional language, but undoubtedly, just as much remains to be done. The analysis of different types of stylistic devices has been widely presented in specialized literature. It would be reasonable to study French legal terms from the point of view of their polysemy as well as from a larger perspective of the interaction between legal culture and culture in general. What we are aiming at is to establish some correspondences of legal concepts to those of everyday life, and above all, their relations with other allusions in the general culture domain. To attain our aim we should look at the legal concepts we detected within a larger context of their functioning. Our analysis reveals that the writer uses legal terms and legal concepts in order to describe some characters of the novel and to represent certain aspects of the social reality he depicts. Love relationship between Marcel and Albertine is illustrated with some examples from the domains of civil, criminal and financial law, which is not usually associated with such a theme. Multiple allusions to various cultural phenomena of legal culture and of culture in general, namely classical theatre and painting, the history of Ancient Greece and Rome express the author's irony by contrast.

Keywords

language of professional communication, general language, cultural concepts, legal culture, stylistic devices, similes, metaphors, polysemy of French legal terms, Marcel Proust's language and style, French legal vocabulary

Acknowledgements

The author would like to express deep gratitude towards Elena Razlogova and Tatiana Tarasova for their help, valuable advice, support and encouragement

For citation

Savina, E. S. Interaction between Special and General Meaning of French Legal Terms and Cultural Concepts as a Means of Social Characterization in Marcel Proust's Novel “À la recherche du temps perdu”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 140–152. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-140-152

Введение

Традиционно профессиональный язык в качестве функциональной разновидности литературного языка рассматривается наряду с разговорной речью и языком художественной литературы. Отмечается, что, с одной стороны, функционирование языка профессионального общения более узкое, «поскольку ему не свойственны все функции общелитературного язы-

ка» [Лубожева, 2014]. Однако, по мнению исследовательницы, бесспорным представляется также и тот факт, что специальные языки появились именно на основе общелитературного языка [Там же]. Подобный подход, как нам представляется, заслуживает уточнения, так как он верен скорее для гуманитарных и общественных наук, чем, например, для точных. Тем не менее, даже специальная лексика точных наук может приобретать переносное значение и обогащать общелитературный язык. Например, в русском языке формулировка третьего закона механики Ньютона «сила действия равна силе противодействия» давно уже может использоваться образно; ср. также такие выражения, как «поливалентный человек» или «многовекторная политика» и т. п.

Проблему взаимодействия общелитературного и специального языка, в частности юридического, интересно проследить на примере творчества М. Пруста, автора, имеющего степень лицензиата права. М. Пруст изучал право по настоянию родителей, которые хотели, чтобы их сын получил профессию, позволяющую ему иметь постоянный доход; тем не менее, хотя он и посвятил впоследствии свою жизнь литературе, очевидно, что три года изучения права в университете не могли не оказать влияния на его мышление, что, в свою очередь, нашло отражение и в его тексте.

Мы рассмотрим данный вопрос, обратившись к некоторым примерам из третьего тома романа «В поисках утраченного времени» (*“À la recherche du temps perdu”*), «У Германтов» (*“Le Côté de Guermantes”*). Язык и стиль М. Пруста являются в высшей степени многоплановыми, многослойными явлениями; в художественном тексте автора абстрактные, философские понятия нередко соседствуют со сравнениями или аналогиями на базе специальных терминов, а также присутствуют отсылки к различным культурным концептам, в том числе и к правовым¹.

Взаимодействие общелитературного и профессионального (специального) «языков» ставит также вопрос о классификации единиц юридической лексики «по степени терминологизации и «профессиональности» [Кэюнь, 2012, с. 29]. Отвечая на него, французский юрист Ж. Корню указывает, что термины, имеющие исключительно юридическое значение, не являются центром французского юридического подязыка [Cornu, 2005, p. 68], и подчеркивает особо, что одной из важнейших характеристик юридической лексики является полисемия [Ibid., p. 92–93], а многозначные слова часто имеют как юридическое значение, так и значение в общелитературном языке [Ibid., p. 71]. В связи с этим неудивительно, что юридические термины выполняют определенные функции и в художественном тексте.

В романе М. Пруста затрагивается большое количество разных тем – и абстрактных, философских, и предельно конкретных. Например, как отмечает И. И. Блауберг, в тексте, «кроме тончайших психологических заметок или долгих рассуждений, есть много других пластов: описание, часто ироническое, жизни светского общества, описание природы, зарисовки быта разных слоев французского общества и пр.» [Блауберг, 2018, с. 92]. С философской точки зрения важное место в произведении занимают переплетения различных линий и пространств (см., например, [Николаева, 2012, с. 107]). Определенные особенности языка и стиля писателя объясняются и тем, что речь идет о «биографическом постмодернистском романе», причем они проявились еще в его ранних журналистских работах [Галинская, 2014]. В. Трыков, изучая ранние журналистские тексты писателя, также выделяет их особенности, которые впоследствии в полной мере проявятся в его художественной прозе, и относит к таковым, например, «палитру Пруста-журналиста, те регистры, которые он использует (проникновенный лиризм, ирония, полемический пафос, “импрессионистический мистицизм”), богатство литературных и историко-культурных отсылок, реминисценций и аналогий, чуткость к “чужому слову”, серьезность затрагиваемых вопросов (прежде всего эстетического характера), удивительную зрелость суждений» [Трыков, 2008].

¹ При этом мы придерживаемся точки зрения Ю. В. Суржанской о том, что «культурные концепты создаются на базе индивидуальных концептов, например, писателями или поэтами» [2011, с. 91]

В настоящее время опубликовано много новых работ, посвященных фигурам и их классификациям (см., например, [Jarrety, 2000; Fromilhague, 2015]). Наиболее актуальным представляется подход, согласно которому фигуры предлагается рассматривать в более широком контексте, как в рамках семиотики, поскольку для восприятия фигур важна их структура, так и с точки зрения коммуникации между адресантом и адресатом [Bonhomme, 2010] и в рамках прагматики, обращаясь к философии языка в целом [Gardes-Tamine, 2011].

В нашем материале можно выявить примеры употребления юридической лексики, как общей (в рамках которой порой актуализируется специальное и обиходное значение), так и относящейся к отдельным отраслям права в составе тропов (в образных сравнениях и метафорах, которые, согласно утверждению Ж. Молинье, тесно связаны друг с другом [Molinié, 1992, p. 213; 2005, p. 112]), а также выделить культурные концепты, с которыми она сочетается в тексте для авторской характеристики персонажей в плане оценки их речи, но также, в более широком смысле, на уровне поступков и социального поведения в целом.

Общая юридическая лексика

В следующем ниже примере образное сравнение вводится оборотом *en espèce de*, который этимологически указывает на видовую принадлежность обозначаемого объекта.

Notaire «нотариус»²

В Юридическом словаре Ж. Корню существительное *notaire* определяется как “*officier public qui a pour fonction de recevoir, dans l’étendue de son ressort, les actes auxquels les parties doivent ou veulent donner un caractère authentique, d’en assurer la date, d’en conserver le dépôt et d’en délivrer des copies exécutoires (grosses) et des expéditions*” (Cornu, 2016, p. 692). В конце первой главы третьего тома романа с нотариусом неожиданно сравнивается выдающийся врач Дьёлафуа, поскольку семья повествователя (Марселя), ясно понимая, что находящейся в агонии бабушке уже ничем нельзя помочь, всё-таки позвала этого очень известного и очень дорогого врача, в общем-то, всего лишь для того, чтобы он засвидетельствовал ее смерть. Отсюда и цепочка тех неожиданных «ролей» эскулапа, которая возникает в эстетическом сознании художника:

<...> Mon père alla le recevoir dans le salon voisin, comme l’acteur qui doit venir jouer. *On l’avait fait demander non pour soigner mais pour constater, en espèce de notaire.* Le docteur Dieulafoy a pu en effet être un grand médecin, un professeur merveilleux; à ces rôles divers où il excella, il joignait un autre dans lequel il fut pendant quarante ans sans rival, un rôle aussi original que le raisonneur, le scaramouche ou le père noble, et qui était de venir constater l’agonie ou la mort <...> (Proust, 1988, p. 331–332)³.

В рассматриваемом отрывке великолепный врачебный талант доктора Дьёлафуа (на что указывают, в частности, такие выражения, как *un grand médecin, un professeur merveilleux*, глагол *exceller*) несколько иронично противопоставляется его юридической функции нотариуса (на это указывают определения *sans rival, original*), в которой он тоже «блистал». С одной стороны, он – персонаж комедии дель арте (ср. *le scaramouche*), с другой – французского классического театра (ср. *le raisonneur, le père noble*).

Данные оппозиции правовой и театральной областей несколько комично подчеркивают «многогранность» положений, свойственных профессии доктора, приглашая читателя закончить пассаж известным выражением – *finita la comedia*.

Avocat «адвокат»

Существительное *avocat* в юридическом значении определяется в словаре “*Trésor de la langue française*” как “*personne qui, étant inscrite au barreau, fait profession de défendre devant les*

² Здесь и далее перевод юридических терминов на русский язык проверяется по словарю общей лексики В. Г. Гака и К. А. Ганшиной (2002) и юридическому словарю Г. И. Мачковского (2004).

³ Далее роман М. Пруста цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.

tribunaux, soit oralement, soit par écrit, l'honneur, la vie, la liberté et les intérêts des justiciables et à les éclairer de ses conseils". В романе М. Пруста речь барона де Шарлю сравнивается с манерой говорить адвокатов в целом, конкретного адвоката в частности, а также с речью актеров классического театра Комеди Франсэз:

<...> Je m'avisai que non seulement par les choses qu'il disait, mais par la manière dont il les disait, M. de Charlus était un peu fou. La première fois qu'on entend un avocat ou un acteur, on est surpris de leur ton tellement différent de la conversation. Mais comme on se rend compte que tout le monde trouve cela tout naturel, on ne dit rien aux autres, on ne se dit rien à soi-même, on se contente d'apprécier le degré de talent. Tout au plus pense-t-on d'un acteur du Théâtre-Français: "Pourquoi au lieu de laisser retomber son bras levé l'a-t-il fait descendre par petites saccades coupées de repos, pendant au moins dix minutes?" ou d'un Labori: "Pourquoi, dès qu'il a ouvert la bouche, a-t-il émis ces sons tragiques, inattendus, pour dire la chose la plus simple?" Mais comme tout le monde admet cela a priori, on n'est pas choqué. De même, en y réfléchissant, on se disait que M. de Charlus parlait de soi avec emphase, sur un ton qui n'était nullement celui du débit ordinaire. Il semblait qu'on eût dû à toute minute lui dire: "Mais pourquoi criez-vous si fort? pourquoi êtes-vous si insolent?" <...> (p. 369).

В рассматриваемом примере сравнение с адвокатским красноречием (представленным примером выдающегося адвоката Ф. Лабори, участвовавшего во многих громких судебных процессах, в том числе и в деле Дрейфуса), а также с неестественной высокопарной сценической речью актеров Французской Комедии, выработанной на трагедиях Расина и Корнеля, прекрасно передает отношение Марселя (представителя буржуазии) к необычной, нестандартной манере говорить барона де Шарлю, далекой даже от канона нормальности светского общества. Он прекрасно понимает абсурдность интеллектуальных претензий барона, он шокирован и внутренне готов задать барону неучтивый вопрос «Что Вы тут разорались?», но его сдерживает сама аристократическая среда, все представители которой притворно делают вид, будто всё нормально.

Code «кодекс, свод законов»

Существительное *code* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как "recueil de lois...; plus précisément recueil officiel des dispositions législatives et réglementaires qui régissent une matière; ... désigne l'ensemble des textes réunis, à la source, dans l'édition originale et seule officielle, ensuite, dans les éditions privées...; par extension le support de la publication, le volume" (Cornu, 2016, p. 186). Оно также имеет производное значение "ensemble de coutumes ou de règles parfois écrites, qu'il est convenu de respecter dans une matière, dans un domaine, dans un milieu donné" (TLF). В следующем ниже примере М. Пруст обыгрывает многозначность данного слова, говоря, с одной стороны, о правилах приличия в представлении Франсуазы, с другой – отсылая к первому, юридическому значению, употребляя выражение *les articles du code*:

<...> Malheureusement, il était l'heure où il eût fallu que je lui dise au revoir si je voulais qu'elle rentrât à temps pour son dîner et aussi que je me levasse assez tôt pour le mien. C'était Françoise qui le préparait, elle n'aimait pas qu'il attendît et devait déjà trouver contraire à un des articles de son code qu'Albertine, en l'absence de mes parents, m'eût fait une visite aussi prolongée et qui allait tout mettre en retard. Mais devant "mousmé" ces raisons tombèrent et je me hâtai de dire: "Imaginez-vous que je ne suis pas chatouilleux du tout, vous pourriez me chatouiller pendant une heure que je ne le sentirais même pas (p. 347).

Первым и основным кодексом во Франции был Гражданский кодекс Наполеона 1804 г. (и потому часто под обозначением *Code* подразумевается именно он). В данном контексте актуализируются, на наш взгляд, два аспекта, связанные с представлением о нем в концептосфере французской культуры. Он регулирует прежде всего гражданские отношения не только между людьми в общем, но и между полами (для Франсуазы, крестьянки по своей базовой культуре, неприемлемо, что барышня задерживается в гостях у Марселя допоздна в отсутствие других членов семьи). Кроме того, Кодекс был составлен на основе правовых обычаев Парижа еще XVI в., и его «статьи» унаследованы Франсуазой в виде глубинных, народных представлений о морали вообще и о правилах нравственного поведения всех слоев общества.

На неприятие ею поведения девушки указывают, например, достаточно многочисленные для такого небольшого отрывка выражения со значением времени (*à temps, assez tôt, une visite aussi prolongée*). Марсель хорошо разгадывает скрытые намеки своей служанки, но он очарован манерами Альбертины, и лишь делает вид, что не понимает недовольство Франсуазы.

В данном эпизоде Марсель испытывает *физическое* влечение к Альбертине, реагируя на ощутимый рост ее речевой культуры. Он отмечает, что ее речь изменилась со времени их последней встречи в Бальбеке, и очарован выражением, которое Альбертина использует, говоря об одной из девушек из их группы, “elle a l’air d’une petite mousmé” (в данном контексте – «японка», «японочка»).

Слово было введено во французский язык в конце XIX в. Пьером Лоти в его известном колониальном романе «Госпожа Хризантема» в эпоху сильного увлечения французских интеллектуалов необычной японской культурой. Лоти сопровождает его пространным комментарием в самом тексте, объявляя его уникальным и интерпретируя его значение фоносемантически с помощью созвучных французских слов *moue* и *frimousse*, т. е. фантазируя на тему милой рожицы и мордашки: “*Mousmé* est un mot qui signifie jeune fille ou très jeune femme. C’est un des plus jolis de la langue nipponne; il semble qu’il y ait, dans ce mot, de la *moue* (de la petite moue gentille et drôle comme elles en font) et surtout de la *frimousse* (de la frimousse chiffonnée comme est la leur). Je l’emploierai souvent, n’en connaissant aucun en français qui le vaille” (Loti, Pierre, *Madame Chrysanthème*, 1887, chapitre 11) ⁴.

Употребление Альбертиной данной лексемы указывает на то, что она знакома с этим романом, что сразу возвышает ее в глазах интеллектуала Марселя, и поэтому он рад кокетливо предложить своей пассии пощекотать его. А служанку Франсуазу с ее кодексом нравственного поведения игнорирует.

Термины из области уголовного права

Sentence «приговор»

Существительное *sentence* определяется в словаре “Petit Robert” как “*décision rendue par un juge ou un arbitre*”. В романе М. Пруста оно используется в производном значении для указания на некий «приговор к одиночеству», вынесенный судьбой в отношении Марселя:

<...> Et confrontée, par le retour incessant de mon désir, à l’ardent plaisir que je goûterais dans quelques jours seulement, hélas! avec Mme de Stermaria, cette après-midi que j’allais achever seul, me paraissait bien vide et bien mélancolique.

Par moments, j’entendais le bruit de l’ascenseur qui montait, mais il était suivi d’un second bruit, *non celui que j’espérais, l’arrêt à mon étage, mais d’un autre fort différent* que l’ascenseur faisait pour continuer sa route élançée vers les étages supérieurs et qui, *parce qu’il signifia si souvent la désertion du mien quand j’attendais une visite, est resté pour moi plus tard, même quand je n’en désirais plus aucune, un bruit par lui-même douloureux, où résonnait comme une sentence d’abandon*. Lasse, résignée, occupée pour plusieurs heures encore à sa tâche immémoriale, la grise journée filait sa passementerie de nacre et je m’attristais de penser que j’allais rester seul en tête à tête avec elle qui ne me connaissait pas plus qu’une ouvrière qui, installée près de la fenêtre pour voir plus clair en faisant sa besogne, ne s’occupe nullement de la personne présente dans la chambre <...> (p. 339–340).

Рассматриваемый отрывок построен на контрасте между предвкушением любовных утех с госпожой де Стермария и пасмурным дождливым днем, который Марсель вынужден провести в одиночестве. Звук лифта, останавливающегося не на этаже повествователя, воспринимается как вступление в силу окончательного приговора суда, согласно которому молодой человек обречен на одиночество и который он не может обжаловать в вышестоящей инстанции. Посредством обращения к данному стилистическому приему автор указывает на тоску, безнадежность, отчаяние Марселя. Настроение унылого дня, внешнего по отношению

⁴ Приводится по примечанию Т. Лаже и Бр. Ж. Роже к данному слову (см. (Proust, 1988, p. 707)).

к юноше и к его одиночеству, занятого лишь «вышиванием» жемчужинами дождя некоего узора на полотне времени и пространства, передается сравнением его «мыслительной работы» с трудом портнихи, настолько сосредоточенной на шитье, что она позволяет себе не замечать присутствие в комнате какого-то посетителя.

Данный отрывок представляет собой, с одной стороны, яркую антитезу между предвкушением Марселем любовного свидания с госпожой де Стермария, до которого остается еще несколько дней, и серой действительностью одиночества, которая окружает его в ожидании этой встречи, с другой – задает выразительный фон для введения следующего сюжетного поворота, а именно неожиданного визита Альбертины.

Prison «тюрьма»

В Юридическом словаре Ж. Корню существительное *prison* определяется как “au sens large, établissement destiné à détenir les individus privés de leur liberté par l’effet d’une décision de justice” (Cornu, 2016, p. 808). Это слово имеет также производные значения (TLF). В следующем ниже отрывке обыгрываются, на наш взгляд, как прямое, так и переносные значения данного существительного:

<...> Je traversai le couloir, ne la [Françoise] trouvant pas, je passai par la salle à manger; tout d’un coup mes pas cessèrent de retentir sur le parquet comme ils avaient fait jusque-là et s’assourdirent en un silence qui, même avant que j’en reconnusse la cause, me donna une sensation d’étouffement et de claustration. *C’étaient les tapis que, pour le retour de mes parents, on avait commencé de clouer, ces tapis qui sont si beaux par les heureuses matinées, quand parmi leur désordre le soleil vous attend comme un ami venu pour vous emmener déjeuner à la campagne, et pose sur eux le regard de la forêt, mais qui maintenant, au contraire, étaient le premier aménagement de la prison hivernale d’où, obligé que j’allais être de vivre, de prendre mes repas en famille, je ne pourrais plus librement sortir* (p. 380–381).

Существительное *prison* указывает в данном отрывке как на место, так и, косвенно, на срок отбывания заключения, поскольку речь идет о квартире, из которой Марсель с возвращением его родителей больше не сможет уходить, для того чтобы развлекаться, из-за траура по бабушке, которым он пренебрегал в их отсутствии; вернутся же они на зиму, и потому тюрьма будет зимней (*la prison hivernale*). На начало срока отбывания этого символического наказания указывают расстеленные ковры, которые прибывали к полу на зиму, чтобы было теплее. Подобное сравнение вынужденного заточения Марселя дома с тюрьмой подразумевает выполнение общественной «повинности» – необходимости, в его социальном слое, строго соблюдать траур. Данный отрывок построен как на антитезе между нынешним и предыдущим настроением молодого человека, так и на противопоставлении между зимой, периодом «заточения» в тюрьме, и летом, временем счастья, свободы и обедов на свежем воздухе (*les heureuses matinées, le soleil vous attend comme un ami venu pour vous emmener déjeuner à la campagne*). Зимой же он чувствует себя заключенным среди этих ковров (на что ассоциативно указывают такие существительные, как *silence, étouffement, claustration*).

Термин из области гражданского права

Apport dotal «вклад каждого из супругов в общее имущество»

Прилагательное *dotal* определяется в словаре “Trésor de la langue française” как “qui a trait à la dot”. В тексте это выражение используется для того, чтобы показать, что малообразованная женщина из буржуазной среды, выйдя замуж за образованного мужчину, получает в качестве его «взноса» в общее супружеское имущество слова и выражения изысканной речи:

C’était si nouveau, si visiblement une allusion laissant soupçonner de si capricieux détours à travers des terrains jadis inconnus d’elle que, dès les mots “à mon sens”, j’attirai Albertine, et à “j’estime” je l’assis sur mon lit.

Sans doute il arrive que des femmes peu cultivées, épousant un homme fort lettré, reçoivent dans leur apport dotal de telles expressions. Et peu après la métamorphose qui suit la nuit des noces, quand elles font leurs visites

et sont réservées avec leurs anciennes amies, on remarque avec étonnement qu'elles sont devenues femmes si, en décrétant qu'une personne est intelligente, elles mettent deux *l* au mot intelligente; mais cela est justement le signe d'un changement, et il me semblait qu'entre le vocabulaire de l'Albertine que j'avais connue – celui où les plus grandes hardiesses étaient de dire d'une personne bizarre: "C'est un type", ou, si on proposait à Albertine de jouer: "Je n'ai pas d'argent à perdre", ou encore, si telle de ses amies lui faisait un reproche qu'elle ne trouvait pas justifié: "Ah! vraiment, je te trouve magnifique!", phrases dictées dans ces cas-là par une sorte de tradition bourgeoise presque aussi ancienne que le *Magnificat* lui-même et qu'une jeune fille un peu en colère et sûre de son droit emploie ce qu'on appelle "tout naturellement", c'est-à-dire parce qu'elle les a apprises de sa mère comme à faire sa prière ou à saluer <...> (p. 345–346).

Посредством подобного сравнения автор показывает, что традиционный буржуазный язык Альбертины в значительной степени обогатился, и девушка, которая раньше, в Бальбеке, не интересовала Марселя, теперь, благодаря своей новой культуре речи, привлекает его также и физически (на связь изысканной манеры речи и появления плотского желания у юноши указывает такая лексика, как *j'attirai, je l'assis sur mon lit, la nuit des noces*).

Юноша обращает внимание на то, что в речи Альбертины появились новые более «изысканные» обороты (*à mon sens, j'estime*), которых она раньше не слышала в своем прежнем социальном круге, где властвовали грубовато-фамильярные выражения прозы жизни вроде *c'est un type* и *je n'ai pas d'argent à perdre*⁵. Именно такая лексика ранее была для нее неким «культурно-интеллектуальным пределом», впитанная ею, словно с молоком матери, от представителей ее среды вместе с их буржуазным этикетом и правилами приветствия, подобно тому, как впитываются молитвы (упоминается, в частности, «Славит душа моя Господа» из Псалтыри). Сюда же относится употребление ею лексемы *mousmé*, о чем мы сказали выше. Чудесная трансформация подчеркивается тем, что вскоре после первой брачной ночи со своим мужем, более образованным человеком, молодая жена, встречаясь со своими прежними подругами, начинает вдруг обращать внимание на орфографию и утверждает «орфографическим декретом» новую высокую для себя норму (т. е. почтенный *bon usage*): если хочешь слыть интеллигентной или претендуешь на интеллект, то научись, ма шери, писать два *l* в этих словах, даже если произносится одно⁶. Пруст, как видим, не прощает речевого лаксизма людям своего круга.

Термины из области конституционного права

Anarchie «анархия», *tyrannie* «тирания», *monarque* «монарх»

Прибегая к высоким терминам *le régime de la liberté politique* «режим политических свобод» и *la religion d'État* «государственная религия», которые, строго говоря, не относятся к юридической лексике, но ассоциативно тесно с ней связаны, М. Пруст не имеет намерения обсудить эти понятия по существу; они нужны ему для создания контраста между высокой формой (пятый этаж был в то время высоким) и низким, банальным содержанием: он всего лишь высмеивает привычку Франсуазы ругать даму с пятого этажа, на которую ей жаловались слуги последней. Впрочем, он хорошо понимает, что косвенно она ругает тем самым и своих хозяев. Параллельно автор иронически развивает мысль, о том, что именно абсолютная власть правителей и тирания способствуют раскрытию талантов писателей и поэтов, оспаривая тем самым стандартные представления его ультралиберального времени о свободе творчества.

Mais surtout, comme les écrivains arrivent souvent à une puissance de concentration dont les eût dispensés le régime de la liberté politique ou de l'anarchie littéraire, quand ils sont ligotés par la tyrannie d'un monarque ou d'une poétique, par les sévérités des règles prosodiques ou d'une religion d'État, ainsi Françoise, ne pouvant nous répondre d'une façon explicite, parlait comme Tirésias et eût écrit comme Tacite. Elle savait faire tenir tout ce qu'elle ne pouvait exprimer directement, dans une phrase que nous ne pouvions nous incriminer sans nous accuser, dans moins qu'une phrase même, dans un silence, dans la manière dont elle plaçait un objet (p. 349).

⁵ Примеч. редактора: 1) Парень, что надо, свой фраер. 2) (Нам) деньгами сорить не приходится.

⁶ Во французском, конечно же.

В рассматриваемом примере М. Пруст иронически сравнивает жесткость законов стихосложения (*règles prosodiques*) с «тиранией» авторитарных политических режимов и показывает, что именно желание избежать сурового наказания закономерно приводит к тому, что авторы и поэты развивают дар к иносказательному повествованию. В число последних он шутивно включает и Франсуазу, которая, не умея писать, тоже развила «талант» *многозначительно* молчать и *выразительно* расставлять предметы. С данным приемом сочетается и своеобразная контекстуальная гипербола – Марсель рискнул сравнить Франсуазу с мифологическим прорицателем Тиресием и с отстаивавшим правду древнеримским историком Тацитом. Шутливая ирония здесь объясняется тем, что бытовое «злословие» Франсуазы о своих господах, их разоблачение в компании своих подруг (т. е. кумушек), никак нельзя уподобить откровениям Тиресия или рвению Тацита о сохранении исторической правды.

Термин из области финансового права

Bon «чек, талон, ордер»

Словарь “Petit Robert” определяет существительное *bon* как “*formule écrite constatant le droit d’une personne d’exiger une prestation, de toucher une somme d’argent, etc.*”. В этом значении данное существительное используется в таких, например, выражениях, как *bon d’essence*; *bon de commande, de livraison*; *bon pour...*; *signer un bon*; *bon de caisse*; *bon du Trésor*; *souscription de bons*. Производное значение данного термина, когда речь идет не о деньгах или иных материальных благах, а о праве провести ночь с женщиной, зафиксировано в художественной литературе словарем “Trésor de la langue française”: “Pour faire une blague, pour faire rigoler, pour poser au malin, pour rien, il leur avait donné ce papier. Ils avaient dû en rire longtemps tous les quatre, se taper sur la cuisse. C’était la mode, d’ailleurs, chez les Allemands, de mettre de ces inscriptions-là sur les bons de réquisition ou de logement. Mais peut-être que le lendemain, dessoûlé, Albrecht s’était rappelé et avait éprouvé quelque chose comme un remords. “[un] bon pour dormir une nuit avec madame...” “Albrecht”. В романе М. Пруста данное слово употребляется в переносном, но все равно «меркантильном» значении для указания на право Марселя позже получить поцелуй от Альбертины:

“Si vraiment vous permettez que je vous embrasse, j’aimerais bien remettre cela à plus tard et bien choisir mon moment. Seulement il ne faudrait pas que vous oubliiez alors que vous m’avez permis. Il me faut un “bon pour un baiser””.

– Faut-il que je le signe?

– Mais si je le prenais tout de suite, en aurais-je un tout de même plus tard?

– Vous m’amusez avec vos bons, je vous en referai de temps en temps.

– Dites-moi encore un mot, vous savez, à Balbec, quand je ne vous connaissais pas encore, vous aviez souvent un regard dur, rusé, vous ne pouvez pas me dire à quoi vous pensiez à ces moments-là? (p. 352).

В данном случае интересно отметить, что финансовый термин и указание на конкретную финансовую операцию (“signer un bon”) кокетливо употребляются в любовной беседе для указания на отложенное на более поздний срок телесное удовольствие, но, тем не менее, лишено у Пруста какой бы то ни было «панельной» коннотации.

Отсылка к культурным концептам, связанным с правовыми понятиями

В следующем ниже отрывке Франсуаза иронически сравнивается как с известными актерами, так и с Правосудием с картины П.-П. Прюдона «Правосудие и божественное Возмездие, преследующие Преступление»:

<...> Elle avait, pour faire parler ainsi un objet inanimé, l’art à la fois génial et patient d’Irving et de Frédéric Lemaître. En ce moment, tenant au-dessus d’Albertine et de moi la lampe allumée qui ne laissait dans l’ombre aucune des dépressions encore visibles que le corps de la jeune fille avait creusées dans le couvre-pieds,

Françoise avait l'air de La Justice éclairant le Crime. La figure d'Albertine ne perdait pas à cet éclairage <...> (p. 349).

Г. Ирвинг и Фр. Лемэтр – известные английский и французский актеры, прославившиеся игрой в пьесах Шекспира и в романтическом театре соответственно (Proust, 1988, p. 707). Здесь устами Марселя иронично описывается талант Франсуазы «многозначительно передвигать» тот или иной предмет, чтобы эксплицитно показать, что она, например, прочитала в непреднамеренно оставленном на столе письме нелестный отрывок о себе. Название *La Justice éclairant le Crime* также иронично отсылает к названию аллегорической картины французского художника П.-П. Прюдона конца XVIII – начала XIX в. “*La Justice et la Vengeance divine poursuivant le Crime*”. Игра антонимичных названий состоит в том, что Франсуаза пришла осветить лампой Марселя и Альбертину, которые забавлялись в темной комнате невинными любовными утехами, ведя кокетливые беседы и вспоминая лето, проведенное в Бальбеке. Франсуаза хочет «пролить свет» на совершаемое «преступление», хотя ничего предосудительного между молодым человеком и девушкой не происходило. На картине же Прюдона, которую изначально заказали для росписи потолка Дворца правосудия в Париже, преследование (т. е., в современной терминологии, расследование) происходит в темноте и место лишь слабо освещается светом луны. Таким образом, если расшифровать имплицитную отсылку Пруста к картине, то можно понять, что, сравнивая Франсуазу как с великими актерами, так и с аллегорией Правосудия с картины, М. Пруст иронично изображает попытки служанки заставить хозяев соблюдать принципиальные для нее нормы морали.

Автор также задействует различные пласты культуры, в том числе и отсылку к правовой ситуации, чтобы показать некое постоянство, неистребимость прошлого, сохранение его следов в настоящем, которые, тем не менее, удастся постичь не сразу, а лишь после кропотливых трудов и по истечении долгого времени:

<...> Le passé non seulement n'est pas si fugace, il reste sur place. *Ce n'est pas seulement des mois après le commencement d'une guerre que les lois votées sans hâte peuvent agir efficacement sur elle, ce n'est pas seulement quinze ans après un crime resté obscur qu'un magistrat peut encore trouver des éléments qui serviront à l'éclaircir; après des siècles et des siècles, le savant qui étudie dans une région lointaine la toponymie, les coutumes des habitants, pourra saisir encore en elles telle légende bien antérieure au christianisme, déjà incomprise, sinon même oubliée, au temps d'Hérodote et qui, dans l'appellation donnée à une roche, dans un rite religieux, demeure au milieu du présent comme une émanation plus dense, immémoriale et stable.* Il y en avait une aussi, bien moins antique, émanation de la vie de cour, sinon dans les manières souvent vulgaires de M. de Guermantes, du moins dans l'esprit qui les dirigeait <...> (p. 405).

Устойчивость прошлого передается за счет использования таких выражений, как *il reste sur place* и *une émanation immémoriale et stable*. Для иллюстрации данного тезиса М. Пруст приводит примеры историка, случайно обнаружившего древнюю легенду (которую, очевидно, даже Геродот не учел в своем описании, хотя он считается первым автором всемирной истории и, по сути, первым этнографом и антропологом за несколько веков до появления христианства), взвешенного принятия законов во время войны (которые лишь намного позже приведут к желаемому эффекту) и раскрытия следователем преступления пятнадцать лет спустя (что в действительности представляется маловероятным даже в наше время с учетом современного развития криминалистики). Подобную неизменность прошлого Марсель видит также и в герцоге Германтском, хотя и привносит в данное видение некие ироничные нотки, упоминая вульгарные манеры последнего.

Заключение

Юридические термины и связанные с ними культурные концепты выполняют в рассмотренных нами контекстах важную функцию социальной и культурной характеристики основных персонажей романа, представляющих социальные коды хозяев и слуг определенной исторической действительности. Излюбленная стратегия Пруста представлена приемами

аналогии, проведения параллелей с существующими эталонными образцами функционирования общественных институтов, на фоне которых герои часто выглядят откровенно комично, как карикатуры идеального образа. Например, великий врач Дьёлафуа и барон де Шарлю уподобляются как представителям юридических профессий (нотариусу и адвокату соответственно), так и актерам французского классического театра, ничего не выигрывая от этого сопоставления, а иногда и проигрывая. Строгость представлений Франсуазы о моральных нормах межполовых отношений также иллюстрируется правовым понятием «кодекс» как нечто обязательное к соблюдению и караемое законом в случае пренебрежения им. Эта установка подкрепляется рядом культурных аллюзий (на неведомых ей древнегреческого предсказателя Тересия, историка Тацита и картину Прюдона), которые представляют собой нечто вроде авторского комментария по поводу ригидных крестьянских установок служанки.

Поводы для проведения сравнений, аналогий и параллелей у Пруста непредсказуемы и отличаются крайней оригинальностью. Развитие любовных отношений Марселя и Альбертины М. Пруст также передает «в терминах» из разных областей права. Так, вынужденное нахождение Марселя дома, предписываемое сословной нормой соблюдать траур по бабушке, сравнивается с приговором суда к тюремному заключению за некое преступление и осознается как «заточение». Употребление Альбертиной новых выражений «из культурного общества» воспринимается как обогащение ее речи, как получение во владение имущества, некоего культурного капитала буржуазии, что и меняет отношение к ней Марселя. Коммерческий характер акта присутствует и в попытке получить право на отложенный поцелуй с помощью символического чека, гарантирующего возврат долга. Приведенные нами примеры свидетельствуют о тесной связи между правовой культурой и культурой в целом в текстах М. Пруста.

Обыгрывание прямого и производного значений (например, таких существительных, как *code*, *sentence*, *prison*) и отсылка к понятиям правовой культуры и культуры в общем (классический французский театр, культура речи, культура и история Древней Греции и Древнего Рима, живопись эпохи классицизма) используются не только для более салиентного представления описываемых общественных типажей и явлений, но также и для выражения косвенной авторской оценки, часто иронической. Характерно для поэтики Пруста то, что для описания относительно «простых» ситуаций он обращается сразу к нескольким «сложным» культурным концептам, иногда намеренно создавая контраст между формой (планом выражения мысли) и ее содержанием (планом содержания).

Список литературы

- Блауберг И. И. О некоторых философских сюжетах в творчестве Марселя Пруста // Философские науки. 2018. № 9. С. 78–95.
- Галинская И. Л. Марсель Пруст // Вестник культурологии. 2014. № 3 (70). С. 197–198.
- Кэюнь Д. Юридическая лексика в судебной речи // Учен. зап. Таврического нац. ун-та имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Т. 25 (64), № 1, ч 2. С. 27–30.
- Лубожева Л. Н. Современный взгляд на профессиональные языки // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. Ч. 2, № 1 (20). С. 118–119.
- Николаева Т. М. О чем на самом деле написал Марсель Пруст? М.: Языки славянской культуры, 2012. 128 с.
- Суржанская Ю. В. Индивидуальные и культурные концепты: общее и различное // Язык и культура. 2011. № 3. С. 87–93.
- Трыков В. П. Марсель Пруст – журналист // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust/ (дата обращения 26.12.2021).

- Bonhomme, M.** Les figures du discours: entre sémiotique et stylistique. In : Stylistiques? Sous la direction de Laurence Bougault et Judith Wulf. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2010, pp. 111–124.
- Cornu, G.** Linguistique juridique. Paris, Montchrestien, 2005, 443 p.
- Fromilhague, C.** Les figures de style. Paris, Armand Colin, 2015, 132 p.
- Gardes-Tamine, J.** Pour une nouvelle théorie des figures. Paris, PUF, 2011, 224 p.
- Jarrety, M.** Lexique des termes littéraires. Paris, Le Livre de Poche, 2000, 473 p.
- Molinié, G.** Dictionnaire de rhétorique. Paris, Le Livre de Poche, 1992, 352 p.
- Molinié, G.** Éléments de stylistique française. Paris, PUF, 2005, 213 p.

Список источников и словарей

- Proust, M.** Le Côté de Guermantes. Paris, Gallimard, 1988, 765 p.
- Гак В. Г., Ганшина К. А.** Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. 1195 с.
- Мачковский Г. И.** Французско-русский юридический словарь. М.: Руссо, 2004. 437 с.
- Cornu, G.** Vocabulaire juridique. Paris, PUF, 2016, 1101 p.
- Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, Dictionnaires Le Robert, 1994, 2467 p.
- TLF – Le Trésor de la langue française. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (дата обращения 26.12.2021).

References

- Blauberg, I. I.** On Some Philosophical Themes in Marcel Proust's Oeuvre. *Philosophical Sciences*, 2018, no. 9, pp. 78–95. (in Russ.)
- Bonhomme, M.** Les figures du discours: entre sémiotique et stylistique. In: Stylistiques? Sous la direction de Laurence Bougault et Judith Wulf. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2010, pp. 111–124.
- Fromilhague, C.** Les figures de style. Paris, Armand Colin, 2015, 132 p.
- Galinskaya, I. L.** Marcel Proust. *Bulletin of Cultural Studies*, 2014, no. 3 (70), pp. 197–198. (in Russ.)
- Gardes-Tamine, J.** Pour une nouvelle théorie des figures. Paris, PUF, 2011, 224 p.
- Jarrety, M.** Lexique des termes littéraires. Paris, Le Livre de Poche, 2000, 473 p.
- Kejun, D.** Legal Vocabulary in Judicial Discourse. *Scientific Proceedings of Taurida National University named after V. I. Vernadsky. Series of Philology and Social Communications*, 2012, vol. 25 (64), no. 1, pt. 2, pp. 27–30. (in Russ.)
- Lubozheva, L. N.** A Modern View of Professional Languages. *International Research Journal*, 2014, pt. 2, no. 1 (20), pp. 118–119. (in Russ.)
- Molinié, G.** Dictionnaire de rhétorique. Paris, Le Livre de Poche, 1992, 352 p.
- Molinié, G.** Éléments de stylistique française. Paris, PUF, 2005, 213 p.
- Nikolaeva, T. M.** What Marcel Proust Has Really Written About? Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2012, 128 p. (in Russ.)
- Surzhanskaya, Yu. V.** Individual and Cultural Concepts: Similarities and Differences. *Language and Culture*, 2011, no. 3, pp. 87–93. (in Russ.)
- Trykov, V. P.** Marcel Proust as a Journalist. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2008, no. 5. (in Russ.) URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust/ (accessed 26.12.2021).

List of Dictionaries and Sources

- Proust, M.** Le Côté de Guermantes. Paris, Gallimard, 1988, 765 p.
- Cornu, G.** Vocabulaire juridique. Paris, PUF, 2016, 1101 p.

- Gak, V. G., Ganshina, K. A.** New French-Russian Dictionary. Moscow, Russian Language Publ., 2002, 1195 p.
- Machkovsky, G. I.** French-Russian Legal Dictionary. Moscow, Russo Publ., 2004, 437 p.
- Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, Dictionnaires Le Robert, 1994, 2467 p.
- Le Trésor de la langue française. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 26.12.2021).

Информация об авторе

Елена Сергеевна Савина, кандидат филологических наук, PhD университета Париж-Сорбонна (Париж-IV)

Information about the Author

Elena S. Savina, Candidate of Sciences (Philology), PhD of Paris-Sorbonne (Paris-IV) University

*Статья поступила в редакцию 17.01.2022;
одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 20.04.2022
The article was submitted 17.01.2022;
approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 20.04.2022*

Информация для авторов

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

**Русская и итальянская
абстрактная адъективная метафоризация**

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы

Список словарей

Список источников

References

List of Dictionaries

List of Sources

Информация об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 2

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru